

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-2 (67)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-2 (67), 2025

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Л.Б. Хавжокова, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-2 (67)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-2 (67), 2025

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *L.B. Khavzhokova*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Фоменко В.А.</i>	Археологические исследования на территории современной Кабардино-Балкарии в последней четверти XIX – начале XX в.	7
<i>Кожев З.А.</i>	«Переписка полковников Николая Ладыженского и барона Вильгельма Шульца ...»: документальное измерение основания Азово-Моздокской кордонной линии (1777–1780) ...	16
<i>Алоев Т.Х.</i>	«От лояльности к противостоянию, или незамеченные протагонисты «кабардинского бунта» 1825 г. (к биографии князем Хамурза Хаджи Мурзабека и Беслана)	24
<i>Глашева З.Ж.</i>	История развития образовательной системы у народов Центрального Кавказа в первой половине XIX в.	32
<i>Прасолов Д.Н.</i>	Формирование стипендиальной поддержки в просветительских практиках кабардинцев и балкарцев в 1860–1880-х гг.	46
<i>Дзуганов Т.А.</i>	Из истории развития кооперативного движения в Нальчикском округе в начале XX в.	57
<i>Лаврова Н.С., Такова А.Н.</i>	Развитие процессов в религиозной сфере Кабардино-Балкарии под влиянием латинизации национальной письменности (20-е гг. XX в.)	67
<i>Гучева А.В.</i>	Экология архаичной музыки черкесов (адыгов) как актуальная проблема современного этномузыкознания	79

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Оширова К.В.</i>	Косвенная номинация и языковая картина мира (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)	90
<i>Тания Э.Ш.</i>	Наименования насекомых и пресмыкающихся в абхазском языке	98

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Биттирланы Т.Ш.</i>	Халкъ жырчы Атабийланы Магометни адабиятха жолу	103
<i>Тхагазитов Ю.М., Тимижев Х.Т., Керимова Р.А.</i>	Научно-критическая интерпретация эпического и романного мышления в литературе адыгского зарубежья (штрихи к методологии)	110
<i>Ёзденланы Т.Ф.</i>	Гыттыулары Максимни чыгъармачылыгында заманны хаты ...	122
<i>Бухуров М.Ф.</i>	Сюжет АТУ 960А «Ивиковы журавли» в адыгском эпосе	131
<i>Гутов А.М.</i>	Преемственность в песенном фольклоре адыгов	139
<i>Гутова Л.А.</i>	К определению жанровой принадлежности цикла о Каншоби и Гошагаг	146
<i>Гергокова Л.С.</i>	Карачаево-балкарский свадебный фольклор и обрядность	154
<i>Гулиева Ф.Х.</i>	К истории сбора, публикации и изучения семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев	162
<i>Локьяева Ж.М.</i>	Карачаево-балкарские песни-причитания (<i>сарынла</i>) в структуре похоронно-поминальной обрядности	173
<i>Хагожеева Л.С.</i>	Завещание погибающего героя в героико-лирических песнях	185

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Fomenko V.A.</i>	Archaeological research on the territory of modern Kabardino-Balkaria in the last quarter of the 19th – early 20th centuries 7
<i>Kozhev Z.A.</i>	«Correspondence between colonels Nikolai Ladyzhensky and baron Wilhelm Schultz...»: documentary measurement of the Azov-Mozdok cordon line foundation (1777–1780) 16
<i>Aloev T.Kh.</i>	“From loyalty to Confrontation, or the unmarked Protagonists of the “Kabardian Revolt” of 1825 (to the Biography of Princes Hamurza Hadji Murzabek and Beslan) 24
<i>Glasheva Z.Zh.</i>	History the development of the educational system among the peoples of the Central Caucasus in the first half of the 19th century 32
<i>Prasolov D.N.</i>	The formation of scholarship support in the educational practices of the kabardin and balkar peoples in the 1860–1880 46
<i>Dzuganov T.A.</i>	From the history of the development of the cooperative movement in the Nalchik district at the beginning of the 20th century 57
<i>Lavrova N.S., Takova A.N.</i>	The development of processes in the religious sphere of Kabardino-Balkaria under the influence of the romanization of the national script (20th century) 67
<i>Gucheva A.V.</i>	Ecology of circassians (adyghes) archaic music as an actual problem modern ethnomusicology 79

LINGUISTICS

<i>Oshroeva K.V.</i>	Indirect nomination and linguistic picture of the world (based on the Kabardino-Circassian, Russian and English languages) 90
<i>Taniia E.Sh.</i>	Names of insects and reptiles in the Abkhaz language 98

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Bittirova T.Sh.</i>	“The Creative Path of the Folk Singer Magomet Atabiev” 103
<i>Thagazitov Yu.M., Timizhev H.T., Kerimova R.A.</i>	Scientific-critical interpretation of epic and novelties in the literature of the Adyghe diaspora (methodological touches) 110
<i>Uzdenova F.T.</i>	Works of Maxim Gettuev in time trends’ context 122
<i>Bukhurov M.F.</i>	Plot of ATU 960A “Ivik’s cranes” in the Adyg epic 131
<i>Gutov A.M.</i>	Continuity in the Song Folklore of the Adyghe People 139
<i>Gutova L.A.</i>	On the Genre Classification of the Cycle about Kanschobi and Goshagag 146
<i>Gergokova L.S.</i>	Karachay-balkar wedding folklore and ceremonies 154
<i>Gulieva F.H.</i>	To the history of collection, publication and study of family-ritual folklore of the karachais and balkarians 162
<i>Lokyaeva Zh.M.</i>	Karachay-balkarian lament songs (<i>sarynla</i>) in the structure of funeral and memorial rituals 173
<i>Khagozheeva L.S.</i>	Testament of a dying hero in heroic-lyrical songs 185

Научная статья

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-7-15

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Владимир Александрович Фоменко

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© В.А. Фоменко, 2025

Аннотация. Статья посвящена анализу важного этапа в истории археологического изучения Кабардино-Балкарии – периоду последней четверти XIX – начала XX века. Именно в это время, после проведения V Археологического съезда в Тифлисе (1881 г.), исследования на Северном Кавказе приобретают более систематический характер. В работе рассматривается деятельность как организованных научных экспедиций (В.Ф. Миллера, экспедиции Московского археологического общества), так и частных лиц – чиновников, краеведов и любителей древностей (Д.А. Вырубова, И.А. Владимирова, В.Р. Апухтина).

Особое внимание уделяется двойственной природе этого процесса: с одной стороны, проводятся первые масштабные раскопки разновременных памятников (работы В.И. Долбежева, М.М. Ковалевского, В.Б. Антоновича), появляются научные публикации и формируются музейные собрания; с другой – исследования часто носили случайный характер и были нацелены на пополнение частных коллекций, что вело к разграблению памятников и распылению находок по музеям России и Европы.

На основе представленного материала делается вывод о том, что данный период, несмотря на все противоречия, заложил основу источниковой базы и сформировал первоначальный научный интерес к древностям региона, последствия которого ощущались и в последующие советские десятилетия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, история археологического изучения, последняя четверть XIX – начало XX в., V Археологический съезд, Д.А. Вырубов, В.Ф. Миллер, В.И. Долбежев, М.М. Ковалевский, И.А. Владимиров, В.Р. Апухтин

Для цитирования: Фоменко В.А. Археологические исследования на территории современной Кабардино-Балкарии в последней четверти XIX – начале XX в. // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 7–15. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-7-15

Original article

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES ON THE TERRITORY OF MODERN KABARDINO-BALKARIA IN THE LAST QUARTER OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vladimir A. Fomenko

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© V.A. Fomenko, 2025

Abstract. This paper analyzes a key period in the history of archaeological research in Kabardino-Balkaria – the period from the last quarter of the 19th to the early 20th centuries. It was during this period, following the 5th Archaeological Congress in Tiflis (1881), that research in the North Caucasus became more systematic. The paper examines the activities of both organized scientific expeditions (V.F. Miller, the Moscow Archaeological Society expedition) and private individuals – government officials, local historians, and antiquarians (D.A. Vyubov, I.A. Vladimirov, V.R. Apukhtin).

Particular attention is paid to the dual nature of this process: on the one hand, the first large-scale excavations of sites dating back to different periods were conducted (the works of V.I. Dolbezhev, M.M. Kovalevsky, and V.B. Antonovich), scientific publications were published, and museum collections were formed; on the other hand, research was often haphazard and aimed at expanding private collections, leading to the looting of objects and the dispersal of finds across museums in Russia and Europe.

Based on the presented material, it is concluded that this period, despite all the contradictions, laid the foundation for the source material and shaped the initial scholarly interest in the region's antiquities, the consequences of which were felt throughout the subsequent Soviet decades.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkaria, history of archaeological research, last quarter of the 19th – early 20th centuries, V Archaeological Congress, D.A. Vyubov, V.F. Miller, V.I. Dolbezhev, M.M. Kovalevsky, I.A. Vladimirov, V.R. Apukhtin.

For citation: Fomenko V.A. Archaeological research on the territory of modern Kabardino-Balkaria in the last quarter of the 19th – early 20th centuries. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 7–15. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-7-15

Из дореволюционного периода археологического изучения территории Кабардино-Балкарии наиболее интересно время последней четверти XIX – начала XX века – этап интенсивных полевых исследований.

Как справедливо отмечал археолог-кавказовед А.А. Иессен, в последней трети XIX столетия в развитии российской археологии наблюдаются существенные изменения. По образцу западноевропейской науки широко распространились методы археологических раскопок, в то время как ранее «... интерес исследователей почти исключительно обращался к памятникам позднейших периодов, сохранившимся на поверхности» [Иессен 1941: 9].

Существенным стимулом к организованному изучению древностей стало создание в 1873 году в Тифлисе Общества любителей Кавказской археологии по инициативе Московского археологического общества [Семендяев 2015: 131]. Однако подлинный всплеск интереса к памятникам Северного Кавказа произошёл после сенсационного открытия в 1869 году уникальных бронзовых вещей из могильника у селения Кобан в горах Осетии. С конца 1870-х годов сильно участились раскопки древних некрополей, мотивированные главным образом поиском дорогостоящих и высокохудожественных предметов. Зачастую эти работы велись без какой-либо научной фиксации, что привело к двум взаимосвязанным последствиям: стремительному росту частных коллекций кавказских древностей и быстрому разграблению значительного числа памятников. В частности, были существенно разрушены древние и раннесредневековые кладбища в балкарских ущельях – близ современных Верхней Балкарии, Верхнего Чегема и Былыма (ранее называлось Озроково) [Иессен 1941: 9–10].

Обнаруженные в ходе таких самовольных раскопок артефакты сформировали ряд крупных частных собраний. Ярким примером служит коллекция начальника Нальчикского округа полковника Д.А. Вырубова, значительная часть которой впоследствии пополнила фонды Эрмитажа и Исторического музея в Москве [Иессен 1941: 10]. К ней был составлен альбом рисунков, поясняющий устройство некоторых археологических памятников [Лавров: 1978].

Об истории создания коллекции Дмитрия Алексеевича Вырубова в довоенные годы в Нальчике сохранялся рассказ. А.А. Иессен писал, что согласно этим устным сведениям «Вырубов вызвал к себе целый ряд «старшин» из местных князей

и не то просил, не то приказал доставлять ему древние предметы. Естественно, что собранная таким образом коллекция имеет небольшое научное значение, т.к. ни о месте, ни об условиях находки отдельных предметов не сохранилось почти никаких сведений» [Иессен 1941: 10]. Также известно, что и сам Д.А. Вырубов раскапывал археологические памятники [Вырубов 1900: 195–196].

Широкую известность также получило собрание древностей Измаила Урусбиева, составленное из находок в Баксанском и Чегемском ущельях. Его материалы были частично опубликованы В.Ф. Миллером (Рис. 1), а позже основная часть коллекции была приобретена австро-венгерским графом, путешественником Ено Зичи, который также ввёл её в научный оборот. Археологические предметы с территории современной Кабардино-Балкарии активно продавались за рубеж, пополняя, в частности, собрания иностранных музеев. Находки попали в один из германских музеев и, вероятно, в Британский музей [Иессен 1941: 10].

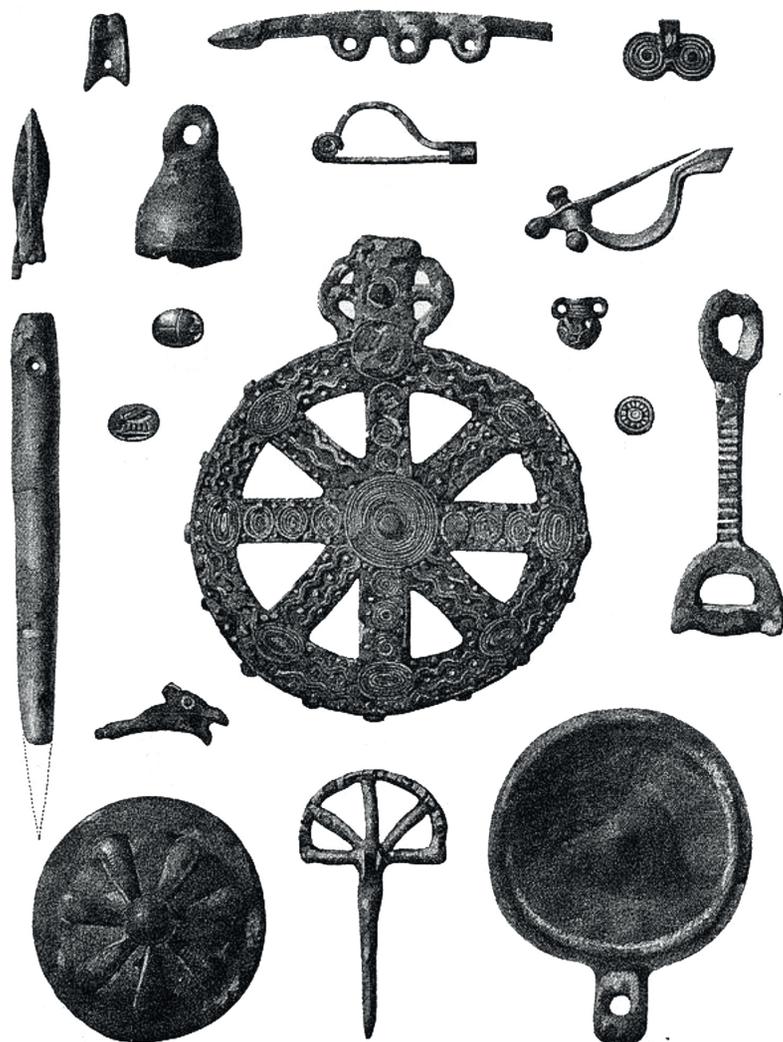

Рис. 1. Вещи из могильников в Чегемском ущелье (по В.Ф. Миллеру).

Значительное влияние на становление археологического изучения Северного Кавказа оказал V Археологический съезд, проведённый осенью 1881 года в Тифлисе. В рамках подготовки к этому общероссийскому форуму было организовано несколько экспедиций [Труды V Археологического ... 1887]. В частности, в 1879 году

профессор В.Б. Антонович провел раскопки у станиц Прохладной и Солдатской, где раскопал 18 позднесредневековых курганов и 2 насыпи относящиеся к бронзовому веку.

После завершения съезда в Терской области были организованы экспедиции Императорского Московского археологического общества. Под руководством профессора В.Ф. Миллера в 1883 и 1886 годах исследовались памятники археологии в Балкарии [Миллер 2006]. Материалы, полученные в ходе этих полевых работ, были впоследствии опубликованы.

В 1889 году Императорское Московское археологическое общество опубликовало «Программу для исследования древностей Кавказа». Документ был направлен главным образом на сбор информации об имеющихся на Северном Кавказе и в Закавказье христианских памятниках (храмах и их развалинах). Другие категории памятников, такие как дольмены и пещеры, были затронуты в программе лишь вкратце [Программа ... 1889].

Более двух десятилетий исследовал памятники археологии на Тереке, включая территорию современной Кабардино-Балкарии, В.И. Долбежев – преподаватель Владикавказского реального училища. В поле его зрения попали могильники у селения Заюково (ранее – Атажукино I), а также близ селений Старый Урух (Хату Анзорова), Нижний и Верхний Курп. Часть находок, сделанных В.И. Долбежвым, была передана им в Берлин профессору Р. Вирхову, который впоследствии ввёл эти материалы в научный оборот.

В период 1885-1886 годов известный социолог и правовед М.М. Ковалевский провёл исследование наскального могильника эпохи раннего Средневековья, расположенного близ селения Хасаут (ныне территориально относится к Карачаево-Черкесии). Спустя два года, в 1888 году, графиня П.С. Уварова осуществила раскопки ряда позднесредневековых курганов возле селения Хату Анзорова (Старый Урух).

Значительный объём полевых работ пришёлся на 1896-1898 годы, когда раскопки памятников осуществлял художник и археолог И.А. Владимиров (Рис. 2). В сферу его интересов вошли два кургана эпохи бронзы близ Нальчика, шестнадцать могил раннесредневекового некрополя Песчанка в верховьях реки Нальчик (Рис. 3), несколько позднесредневековых курганов у реки Черек, а также близ селения Чегем II (ранее – Куденетово II), и другие объекты [Иессен 1941: 11].

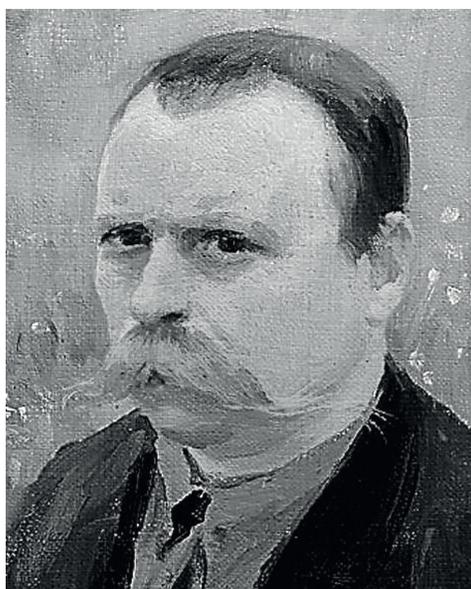

Рис. 2. Археолог и художник И.А. Владимиров. Автопортрет. 1910 г.

Рис. 3. Чертежи катакомбы 5 могильника Песчанка и изображения погребального инвентаря из нее. Масштаб разный (по А.А. Кадиевой, 2014).

Отчеты И.А. Владимиров были составлены с высокой для своего времени степенью детализации. Это позволяет нашим современникам успешно вводить материалы его исследований в широкий научный оборот [Кадиева 2014]. Примером качественной фиксации раскопок служит также изучение могильника у селения Кашхатау, исследованного им в 1897 году. Данный памятник представлял собой курганную группу из более чем двадцати каменных насыпей, в пределах которой располагался полуразрушенный склеп прямоугольной формы. И.А. Владимиров составил общий план могильника и раскопал две курганной насыпи. Предположительно, комплекс у селения Кашхатау датируется XVI–XVIII веками [Фоменко 2019: 19].

В период с 1902 по 1914 годы археологические изыскания на территории Терской области вёл В.Р. Апухтин. Он нередко проводил раскопки в Нальчикском округе, например, близ селения Бабуково (ныне Сармаково). В 1906 и 1907 годах исследователь изучал могильник эпохи раннего Средневековья из каменных ящиков и склепов близ аула Хасаут (ныне в Карачаево-Черкесии). В начале 1920-х годов его частная коллекция древностей была конфискована, и часть этих предметов хранится в фондах краеведческого музея в Пятигорске [Коваленко, Савенко 2011: 7–59].

Значительную роль в изучении региона сыграло и Кавказское горное общество, основанное в Пятигорске в 1902 году. Помимо развития альпинизма и туризма, члены общества занимались исследованием археологических памятников у Пятигорска и в соседних местностях Нальчикского округа. Показателем общественного интереса к древностям стало издание в Пятигорске в начале XX века открыток с фотографиями, запечатлевшими ход раскопок и сделанные в ходе них находки [Коваленко, Савенко 2011: 16–20; Семендяев 2015: 133].

Начало XX века на территории современной Кабардино-Балкарии было отмечено также археологическими изысканиями, которые проводились сотрудниками учреждений из Владикавказа, таких как Терский статистический комитет и Терский областной музей [Иессен 1941: 12].

Параллельно интерес к местным древностям проявляли краеведы. Например, М.И. Ермоленко в 1914 году проводил раскопки Каменноостского могильника [Козенкова 1989: 26]. Начали проводиться антропологические (краниологические) исследования [Чехович 1914].

Период Первой мировой и Гражданской войн привёл к практически полному прекращению археологических исследований на Северном Кавказе из-за сложной экономической и политической обстановки. Однако после установления советской власти и окончания военных конфликтов политика в отношении народов Северного Кавказа и их исторического наследия начала меняться. Это выразилось, в частности, в создании в национальных автономиях научно-исследовательских институтов, как, например, в Кабардино-Балкарии в 1926 году.

Ключевым событием для организации археологического изучения региона, как верно отмечал А.А. Иессен, стало открытие в 1921 году областного музея в Нальчике [Иессен 1941: 12]. Это учреждение стало важнейшим местным центром для аккумуляции археологических материалов. Благодаря его деятельности значительная часть случайных находок, которые прежде зачастую терялись, начала систематически поступать в музей и храниться в его фондах. Организовал и руководил музеем краевед-археолог Макар Иванович Ермоленко, уже имевший полевой опыт ещё с дореволюционных времен.

Таким образом, археологическим исследованиям последней четверти XIX – начала XX в. на территории Кабардино-Балкарии были присущи следующие характерные черты. Во-первых, в фокусе внимания находились почти исключительно погребальные памятники (могильники), раскапывавшиеся преимущественно с целью обнаружения артефактов, обладающих художественной или материальной ценностью. При этом древние и средневековые бытовые памятники целенаправленно не изучались. Во-вторых, работы, как правило, велись бессистемно, без научно обоснованной программы; исключением стали экспедиции В.Ф. Миллера. В-третьих, подобная хаотичность изысканий, усугублявшаяся параллельным разграблением и разрушением памятников, привела к рассеиванию артефактов. Находки оказались разбросаны по музейным собраниям как в России (Эрмитаж, Исторический музей, музеи во Владикавказе, Пятигорске, Тбилиси и Ставрополе), так и за рубежом (в частности, в музеях Берлина и Будапешта) [Иессен 1941: 12].

Важно подчеркнуть, что на землях современной Кабардино-Балкарии, как и в иных внутренних областях Предкавказья, в последней трети XIX и начале

XX столетия были осуществлены научно значимые раскопки, связанные с именами таких исследователей, как В.Ф. Миллер, В.И. Долбежев, В.Б. Антонович, И.А. Владимиров, М.М. Ковалевский, В.Р. Апухтин и других. Тем не менее, результаты этих работ оказались слабо интегрированы в научный оборот своего времени, а их материалы по большей части до сих пор не получили современной научной оценки и интерпретации. Одной из ключевых причин подобной ситуации стал идеологический курс советской эпохи, направленный на отрицание и забвение этого научного наследия, воспринимавшегося как часть «буржуазного прошлого».

Необходимо также отметить, что в период, предшествующий установлению советской власти, на равнинных и предгорных территориях Кабардино-Балкарии сохранялся целостный историко-культурный ландшафт [Бгажноков, Фоменко 2017]. Его важную часть составляли многочисленные археологические объекты и историко-архитектурные памятники (курганы, городища, старинные кладбища, группы мавзолеев). Однако в советское время масштабное строительство, расширение сельскохозяйственных угодий и, в особенности, проводимая политика борьбы с религией, привели к безжалостному уничтожению этих памятников. В результате уже к середине XX века данный историко-культурный ландшафт оказался в значительной степени утраченным.

Список источников и литературы

Бгажноков, Фоменко 2017 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Памятники древности и средневековья как фактор устойчивого развития культурного ландшафта г. Нальчика и его окрестностей // *Качество. Инновации. Образование.* 2017. № 4 (143). С. 44–50.

Вырубов 1900 – *Вырубов Д.* Раскопка кургана Хусанаты близ поселка Зильги Балкарского общества и могильников в местности Рахты // *Древности. Труды Московского археологического общества.* М., 1900. Вып. XVI. Протоколы. С. 195–196.

Иессен 1941 – *Иессен А.А.* Очерк истории археологического изучения Кабарды и Балкарии // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М. – Л.: Издательство АН СССР, 1941. Вып. 3. С. 7–50.

Кадиева 2014 – *Кадиева А.А.* Погребальный комплекс, включающий пояс с изображениями фантастических животных, из могильника Песчанка в верховьях реки Нальчик (раскопки И.А. Владимирова) // *Древняя и средневековая культура адыгов.* Материалы Международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 54–75.

Коваленко, Савенко 2011 – *Коваленко А.Н., Савенко С.Н.* Всеволод Ростиславович Апухтин. Археолог, краевед, музейный деятель. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2011. 130 с.

Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2-5. 196 с.

Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Альбом и макеты Д.А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // *Материальная культура и хозяйство Кавказа, Средней Азии и Казахстана.* М., 1978. Т. 34. С. 71–84.

Миллер 2006 – *Миллер В.Ф.* Терская область: археологические экскурсии (извлечение) // *Балкария: страницы прошлого.* Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т.), 2006. Вып. III. С. 82–105.

Программа ... 1889 – Программа для исследования древностей Кавказа составленная Императорским московским археологическим обществом. Москва: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1889. 20 с.

Семендяев 2015 – *Семендяев М.В.* История исследования археологических памятников региона Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – начале XX в. // *Археология и этнология Северного Кавказа.* Сборник научных трудов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. Вып. 4. С. 128–135.

Труды V Археологического ... 1887 – Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1887. CVII + 411 с.

Фоменко 2019 – *Фоменко В.А.* Археологическое изучение территории Кабардино-Балкарии (XVIII – начало XXI в.). Пятигорск: Издательство ПФ СКФУ, 2019. 120 с.

Чехович 1914 – *Чехович М.И.* Краниологические исследования серии черепов из Куркужанского могильника (из Терского областного музея) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 4. С. 53–69.

References

BGAZHNOKOV B.H., FOMENKO V.A. *Pamyatniki drevnosti i srednevekovaya kak faktor ustojchivogo razvitiya kulturnogo landshafta g. Nalchika i ego okrestnostej* [Ancient and Medieval Monuments as a Factor in Sustainable Development of the Cultural Landscape of Nalchik and Its Environs]. IN: Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie. [Quality. Innovations. Education]. Moscow, 2017. № 4 (143). Pp. 44–50. (In Russian)

CHEKHOVICH M.I. *Kraniologicheskie issledovaniya serii cherepov iz Kurkuzhanskogo mogil'nika (iz Terskogo oblastnogo muzeya)* [Craniological studies of a series of skulls from the Kurkuzhan burial ground (from the Terek Regional Museum)]. IN: Zapiski Terskogo obshchestva lyubitelej kazachej stariny [Notes of the Terek Society of Lovers of Cossack Antiquities]. Vladikavkaz, 1914. No. 4. Pp. 53–69. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Arheologicheskoe izuchenie territorii Kabardino-Balkarii (XVIII – nachalo XXI v.)* [Archaeological Study of the Territory of Kabardino-Balkaria (18th – Early 21st Centuries)]. Pyatigorsk: Publishing House of the North Caucasus Federal University, 2019. 120 p. (In Russian)

IESSEN A.A. *Ocherk istorii arheologicheskogo izucheniya Kabardy i Balkarii* [Essay on the History of the Archaeological Study of Kabarda and Balkaria]. IN: Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology of the USSR]. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. Issue. 3. Pp. 7–50. (In Russian)

KADIEVA A.A. *Pogrebalnyj kompleks, vglyuchayushchij poyas s izobrazheniyami fantasticheskikh zivotnyh, iz mogilnika Peschanka v verhovyah reki Nalchik (raskopki I.A. Vladimirova)* [Funeral complex, including a belt with images of fantastic animals, from the Peschanka burial ground in the upper reaches of the Nalchik River (excavations by I.A. Vladimirov)]. IN: Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura adygov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Nal'chik, 16–20 oktyabrya 2013 g.) [Ancient and medieval culture of the Adyghe. Proceedings of the International scientific and practical conference (Nalchik, October 16–20, 2013)]. Nalchik: Publishing department of KBIGI RAS, 2014. Pp. 54–75. (In Russian)

KOVALENKO A.N., SAVENKO S.N. *Vsevolod Rostislavovich Apukhtin. Arheolog, kraeved, muzejnyj deyatel* [Vsevolod Rostislavovich Apukhtin. Archaeologist, local historian, museum worker]. Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2011. 130 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kultura. Zapadnyj variant. Svod arheologicheskikh istochnikov* [Koban Culture. Western Version. Collection of Archaeological Sources.]. Moscow, 1989. Issue B 2-5. 196 p. (In Russian)

LAVROV L.I. *Album i makety D.A. Vyrubova po etnografii i arheologii Kabardino-Balkarii* [Album and Layouts by D.A. Vyrubov on the Ethnography and Archaeology of Kabardino-Balkaria]. IN: Materialnaya kultura i hozyajstvo Kavkaza, Srednej Azii i Kazakhstana [Material Culture and Economy of the Caucasus, Central Asia, and Kazakhstan]. Moscow, 1978. Vol. 34. Pp. 71–84. (In Russian)

MILLER V.F. *Terskaya oblast: arheologicheskie ekskursii (izvlechenie)* [Terek Region: Archaeological Excursions (Excerpt)]. IN: Balkariya: stranicy proshlogo [Balkaria: Pages of the Past]. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House (Poligrafservis and T.), 2006. Issue III. Pp. 82–105. (In Russian)

PROGRAMMA dlya issledovaniya drevnostej Kavkaza sostavlenaya Imperatorskim moskovskim arheologicheskim obshchestvom [Program for the Study of the Antiquities of the Caucasus Compiled by the Imperial Moscow Archaeological Society]. Moscow: A.I. Mamontov and Ko, 1889. 20 p. (In Russian)

SEMENDYAEV M.V. *Istoriya issledovaniya arheologicheskikh pamyatnikov regiona Kavkazskih Mineralnyh Vod v konce XVIII – nachale XX v.* [History of the Study of Archaeological Sites of the Caucasian Mineral Waters Region in the Late 18th – Early 20th Centuries]. IN: Arheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnyh trudov [Archaeology and Ethnology of the North Caucasus. Collection of Scientific Papers]. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2015. Issue 4. Pp. 128–135. (In Russian)

TRUDY V ARHEOLOGICHESKOGO SEZDA v Tiflise [Proceedings of the V Archaeological Congress in Tiflis]. Moscow: Printing House of A.I. Mamontov and Ko, 1887. CVII + 411 p. (In Russian)

VYRUBOV D. *Raskopka kurgana Husanaty bliz poselka Zilgi Balkarskogo obshchestva i mogilnikov v mestnosti Rahty* [Excavation of the Khusanaty Mound Near the Zilgi Settlement of the Balkar Society and Burial Grounds in the Rakhty Area]. IN: *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva.* [Antiquities. Transactions of the Moscow Archaeological Society]. Moscow, 1900. Issue XVI. Protocols. Pp. 195–196. (In Russian)

Информация об авторе

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук. зав. сектором древней истории и археологии.

Information about the author

V.A. Fomenko – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Ancient History and Archaeology.

Статья поступила в редакцию 08.11.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 08.11.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-16-23

**«ПЕРЕПИСКА ПОЛКОВНИКОВ НИКОЛАЯ ЛАДЫЖЕНСКОГО
И БАРОНА ВИЛЬГЕЛЬМА ШУЛЬЦА...»: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ОСНОВАНИЯ АЗОВО-МОЗДОКСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ (1777–1780)**

Зaurбек Анзорович Кожев

Научно-инновационный центр «Экспертные системы источниковедения и историографии» ФГБНУ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2025

Аннотация. Институционализация границ Российского государства на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. стала индикатором усиления ее военно-политического и административного контроля в регионе, в котором оно присутствовало с последней трети XVI в. Финальным актом четкой демаркации границ Российской империи на Северном Кавказе явилось основание Азово-Моздокской кордонной линии. С момента ее учреждения в 1777 г. до образования в 1785 г. Кавказской губернии Азово-Моздокская (Моздокская) кордонная линия была стержнем имперского администрирования в регионе. Основанные по преимуществу на северных пограничных землях Кабарды укрепления и казачьи станицы Азово-Моздокской кордонной линии стали частью общеимперской государственной инфраструктуры. Делопроизводственная документация канцелярии кордонных начальников на Линии (Н.А. Ладыженского, В.В. Шульца и др.), которая вела обширную переписку с комендантами отдельных крепостей от Азова до Кизляра, вышестоящим начальством в Астрахани, отражает сложный процесс формирования и функционирования имперской границы на степном фронтире в первые годы ее полноценной институционализации. Архив канцелярии начальников Азово-Моздокской кордонной линии является также ценным источником для детализации социально-политических и экономических процессов, имевших место в Кабарде и соседних сообществах Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Ключевые слова: Азово-Моздокская кордонная линия, делопроизводственная документация, Кабарда, степной фронтир, конфронтация

Для цитирования: Кожев З.А. «Переписка полковников Николая Ладыженского и барона Вильгельма Шульца ...»: документальное измерение основания Азово-Моздокской кордонной линии (1777–1780) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 16–23. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-16-23

Original article

**«CORRESPONDENCE BETWEEN COLONELS NIKOLAI LADYZHENSKY
AND BARON WILHELM SCHULTZ...»: DOCUMENTARY MEASUREMENT
OF THE AZOV-MOZDOK CORDON LINE FOUNDATION (1777–1780)**

Zaurbek A. Kozhev

Scientific and Innovation Center «Expert Systems of Source Studies and Historiography» of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2025

Abstract. The institutionalization of the borders of the Russian state in the North Caucasus in the second half of the XVIII-th century became an indicator of the strengthening of its military-political and administrative control in the region in which it had been present since the last third of the XVI-th century. The final act of clearly demarcating the borders of the Russian Empire in the North Caucasus was the establishment of the Azov-Mozdok cordon line. From its establishment in 1777 until the formation of the Caucasus Governorate in 1785, the Azov-Mozdok (Mozdok) cordon line was the core of imperial administration in the region. The fortifications and Cossack villages of the Azov-Mozdok cordon line, founded primarily on the northern border lands of Kabarda, became part of the general imperial state infrastructure. The office documentation of the office of the border commanders on the Line (N.A. Ladyzhensky, V.V. Shchults, and others), which conducted extensive correspondence with the commandants of individual fortresses from Azov to Kizlyar, and with higher authorities in Astrakhan, reflects the complex process of formation and functioning of the imperial border on the steppe frontier in the first years of its full-fledged institutionalization. The archive of the chief's office of the Azov-Mozdok cordon line is also a valuable source for detailing the socio-political and economic processes that took place in Kabarda and neighboring communities of the Northwestern and Central Caucasus.

Keywords: Azov-Mozdok cordon line, office documentation, Northwestern and Central Caucasus, Kabarda, confrontation, social conflicts

For citation: Kozhev Z.A. «Correspondence between colonels Nikolai Ladyzhensky and baron Wilhelm Schultz...»: documentary measurement of the Azov-Mozdok cordon line foundation (1777–1780). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 16–23. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-16-23

Основание в 1763 г. крепости Моздок можно назвать поворотной точкой в истории взаимоотношений народов Центрального и Северо-Западного Кавказа с Российской империей. Удачное для нее окончание очередной войны с Османской Турцией детерминировало завершение институционализации российской границы от Азово-Черноморского региона до Каспийского моря. Это произошло в форме учреждения в 1777 г. Азово-Моздокской (Моздокской) кордонной линии, как логического продолжения сплошной цепи укреплений и казачьих станиц от Кизляра по левобережью Терека через Моздок до устья Дона. Таким образом, через двести лет после начала проникновения на Северный Кавказ российское государство получило эффективный инструмент военно-политического давления на независимые сообщества региона, его интеграции в общеимперское правовое и административное пространство. Первый опыт прямого столкновения и тесного взаимодействия народов Северного Кавказа с имперской военно-административной системой России оказался настолько болезненным и деструктивным, что нашел яркое отражение в ранней черкесской историографии, фольклоре, мемуарной литературе и истории Кавказской войны [Султан Хан-Гирей 2009: 135; Адыгские песни 2014: 30–98; Народные наигрыш 1986: 225–245; Кавказская война 2002: 21–34; Потто 1994: 93–101 и др.]. Эпоха, когда «...северокавказское пограничье превратилось в сплошную линию российских укреплений вдоль Кубани и Терека, соединяющих Черное море с Каспийским», стала прологом к кризису традиционного общественного строя черкесов и эскалации военно-политического противостояния России [Кажаров 2014: 599–612; Ходарковский 2023: 313]. По замечанию современного историографа генезиса Российской империи М. Ходарковского «русские крепости и селения, построенные на земле, принадлежавшей коренному населению, оказали на это население глубокое и разрушительное воздействие» [Ходарковский 2023: 313]. В последние годы появляются работы, имеющие целью осмысление длительного и драматического процесса присоединения Кавказа к Российской империи; они скорее выполняют функцию популяризации темы и привлечения к ней читательского интереса, но не являются систематическими исследованиями всех ее аспектов [Дегоев 2025]. Несмотря на устойчивый интерес в отечественном кавказоведении к социальной, военно-политической, демографической динамике на Северо-Западном и Центральном Кавказе, вызванной

колониционной активностью и усилением интеграционных интенций со стороны России, можно согласиться с выводом уважаемого автора о том, что «систематического исследования южных рубежей России не существует» [Ходарковский 2023: 13]. В первую очередь, это относится к Азово-Моздокской (Моздокской) линии, чье основание и первые опыты функционирования находятся в тени более масштабных событий первой половины XIX в., ареной которых стали Кубань, черноморское побережье Кавказа, бассейн Среднего Терека и Сунжи, Дагестан. Однако делопроизводственная документация канцелярии начальствующих на Моздокской линии, деловая переписка, ордера и рапорты комендантов крепостей, военных чинов вышестоящим администраторам содержит ценный материал по истории повседневности первых лет ее существования. Она сконцентрирована в Ф. 23 (Кавказские дела) Российского государственного архива древних актов [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5]. Это дело («Переписка начальников на Моздокской линии – полковника Н.А.Ладыженского, барона В.В. Шульца, генерал-майора Ф.И. Фабрициана с астраханским губернатором И.В. Якоби и с комендантами крепостей от Моздока и Кизляра до Астрахани и Азова») состоит из нескольких тысяч документов, сгруппированных в 31 частях по тематическому и хронологическому принципам. Настоящее исследование опирается на первичный анализ документов первых 8 частей дела. Это переписка начальников на Моздокской линии – полковника Н.А. Ладыженского, барона В.В. Шульца, генерал-майора Ф.И. Фабрициана с астраханским губернатором И.В. Якоби и с комендантами крепостей от Моздока и Кизляра до Астрахани и Азова 1777–1780 гг. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1, 2]; переписка генерал-майора барона В.В. Шульца, командира 2-ой дистанции крепостей Моздокской линии, прикрывающей со стороны Кубани от ногайцев 1777 г. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3]; рапорты и ордера астраханского губернатора И.В. Якоби и генерал-майора Ф.И. Фабрициана, переписка начальника комендантской канцелярии, полковника Н.А. Ладыженского 1777–1778 гг. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 4, 5]; переписка начальника первой линии крепостей Моздокской линии (или 1-я дистанция крепостей: Георгиевская, Павловская, Андреевская, Марьинская, Екатерининская) полковника Н.А. Ладыженского 1777–1778 г. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 6–8]. Невозможно сказать, насколько активно использовались фонды этого дела при составлении первых сборников архивных материалов по истории присоединения Кавказа к России, так как в них отсутствует классический ссыльный аппарат [Бутков 1869]. Но в более поздних сборниках архивных документов и научных монографиях, изданных в прошлом веке в период расцвета советского источниковедения и историографии, документы из этого дела либо отсутствуют, либо используются эпизодически [МПИО 1933; КРО 1957b; РОО 1984; Волкова 1974: 57 и др.]. Систематическое изучение делопроизводственной документации позволит детализировать историческую повседневность функционирования первой полноценной границы Российской империи на Северном Кавказе и тех процессов общественно-политической эволюции в среде коренного населения, которые были инициированы ее институционализацией.

По содержанию и эвристическому потенциалу делопроизводственную документацию канцелярий начальников Моздокской линии можно разделить на несколько блоков, освещающих различные стороны повседневной жизни гарнизонов крепостей, казаков, пограничного населения, отдельные аспекты исторического процесса, инициированного формализацией административного управления степного приграничья Российской империи на Северном Кавказе. Во-первых, это документы, касающиеся обустройства и материального обеспечения процесса создания инфраструктуры новой кордонной линии. Это рапорты о строительстве крепостей Павловской, Марьинской, Андреевской, Екатерининской, Георгиевской и др., о количестве выделенных рабочих, приеме шанцевого и иного инструмента и т.д. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 51, 54, 72, 73, 75, 77, 99, 101, 102, 106,

110, 113, 117, 121, 124, 134, 139, 155, 169, 170, 172; Ч.2: 83–86; Ч.3: 23, 36 37, 40, 50, 52, 65,69, 70, 73, 77, 81 и др.]. Скупые рапорты и отчеты гарнизонных начальников, переписка с командующими 1-й и 2-й дистанциями (частями) Азово-Моздокской линии, обращенных соответственно к Кабарде и Закубанской Черкесии при детальном рассмотрении позволяют статистически детализировать материальные ресурсы, которыми располагали власти для решения такой нетривиальной задачи, как обеспечение 500 километровой границы в малонаселенной, удаленной от основных имперских центров местности.

Еще одним массовым видом делопроизводственной документации являются рапорты и отчеты о перемещении войск, комплектовании гарнизонов крепостей, их снабжении боеприпасами и артиллерией, обучении солдат и артиллерийской прислуги. Классическим примером таких документов являются «Семидневные рапорты» с 1 октября по 31 декабря 1777 г. о состоянии и численном составе Кабардинского пехотного полка, занимавшего крепости 1-й дистанции Моздокской кордонной линии (Георгиевская, Екатерининская, Павловская, Марьянская, Андреевская), а также прикомандированных частей, казачьих полков, полевой и гарнизонной артиллерии [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3: 145–147, 163–175]. Подробные рапорты, составлявшиеся в канцелярии командира дистанции полковника Н.А. Ладыженского, позволяют оценить наличные силы и военный потенциал новых крепостей в момент их основания. Он был достаточно скромным – менее 2000 человек пехоты в Кабардинском полку, не считая казаков и небольших регулярных команд, прикомандированных из Моздока. Осознавая недостаточность наличных сил для прикрытия протяженной и беспокойной границы с независимыми сообществами Северо-Западного и Центрального Кавказа, русская администрация, во-первых, увеличивала число регулярных полков на Моздокской линии. Так из Царицына в июне 1778 г. по ордеру И.В. Якоби полковнику Н.А. Ладыженскому был отправлен только что сформированный егерский батальон Кабардинского полка, а затем и Владимирский драгунский полк [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 5: 486–495, 500]. Во-вторых, русское правительство переводило на новую границу империи казачьи полки (в 1777 г. второй Волжский казачий полк) для колонизации присоединяемых территорий лояльным военно-служилым населением [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 5: 477, 503].

Еще одним наиболее массовым видом делопроизводственной документации канцелярии командующих Моздокской линии являются рапорты и отчеты военных чинов, комендантов крепостей, отражающих рост неорганизованного насилия в приграничной зоне, а также усиление военно-политической напряженности. Значительная часть из них отражает мелкие происшествия, столкновения местных жителей с казаками, угоны скота. Гораздо более информативны большие отчеты и рапорты офицеров, комендантов отдельных крепостей о крупных набегах или планирующихся военных акциях недовольных появлением кордонной линии и казачьих поселений черкесов, абазин, ногайцев и других народов Северо-Западного и Центрального Кавказа. Рапорт Н.А. Ладыженского от 2 декабря 1777 г., основанный на донесении подполковника Лешкевича, содержит информацию о большом собрании за Кубанью кабардинских князей, горских султанов, ногайских биев едисанского и джембойлукского улусов с целью организации крупного нападения на русские владения [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 380–382]. Накануне крупномасштабной военной кампании весны-осени 1779 г. полковник Н.А. Ладыженский 22 февраля получил донесение, в котором сообщалось о намерении кабардинской аристократии в союзе с бесленеевцами, кемиргоевцами и абадзехами («абазихинцами») воевать с Россией, а в случае неудачи со всеми подвластными переселиться в Грузию [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2: 107, 108]. Таких документов, отражающих резкое обострение военно-политической ситуации, рост неорганизованного насилия в регионе, взаимных экспроприаций

в связи с постройкой Моздокской кордонной линии, нарушившей традиционный хозяйственный цикл табунного коневодства и скотоводства кабардинцев, кемиргоевцев, бесленеевцев, абазин, ногайцев и других этносоциальных групп Северо-Западного и Центрального Кавказа, многие десятки. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 69, 229, 230, 246, 281, 409, 423, 428, 435; Ч. 3: 72, 73, 93, 105, 106; Ч. 7: 13 об., 60, 62, 76, 97 об., 99, 106, 107 117, 118 и др.].

Важнейшее значение в истории развития кабардино-русских отношений имел вопрос о так называемых беглых холопах. Его можно разделить на две принципиально различные составляющие. Во-первых, это вопрос о бегстве из Кабарды в пределы России безобрядных холопов – пленных или купленных невольников иноплеменного происхождения (черк. *унэІут*, в XVIII в. часто *къэжэр*, «каджары» русских источников – З.К.) [КРО 1957b: 236, 269; Думанов 1990: 164–167]. Их никогда не было особенно много в общей массе населения, но потеря рабочих рук в результате бегства таких невольников, воспринималась кабардинскими феодалами болезненно, заставляла требовать их выдачи или денежной компенсации у русских властей на Кавказе еще до основания Моздока и Азово-Моздокской кордонной линии [КРО 1957b: 122, 236, 269]. Другой категорией зависимых крестьян, предпринимавших попытки путем переселения в пределы России добиться освобождения от феодальной эксплуатации и злоупотреблений со стороны аристократии были представители непривилегированных сословий Кабарды – чагары, тукашуки, «черный народ» русских источников [КРО 1957b: 269–270]. Они составляли значительную долю населения Кабарды и в XVII–XVIII вв. и формировали до двух третей полевого конного войска княжества [КРО 1957a: 386, 387; КРО 1957b: 369; Думанов 1990: 152–164]. Рапорты комендантов крепостей и командующих на линии четко разграничивают две эти проблемы. Первая – это вопрос оказания покровительства беглым невольникам христианского по преимуществу вероисповедания (грузинам, армянам), а вторая – главный нерв внутриполитической жизни Кабарды, рычаг оказания давления на нелояльную имперской власти кабардинскую аристократию.

Коменданты крепостей имели прямую инструкцию принимать беглых из Кабарды невольников христианского вероисповедания. Ордер И.В. Якоби полковнику Н.А. Ладыженскому в октябре 1777 г. прямо предписывал «выбегающих от кабардинцев и прочих подобных им народов» пленников «принимать в крепостях с надлежащим свидетельством допросами подлинно ль они христиане и откуда в полон взять», а затем отправлять в Моздок [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. 102]. При допросе должен был присутствовать пристав при кабардинцах секунд-майор Д.В. Таганов. За беглых христианских пленников их бывшим владельцам полагалась денежная компенсация, гарантированная Грамотой Екатерины II 1771 г., а холопов нехристианского происхождения, «которые выбегали из Кабарды для того, чтобы высвободиться из под ига кабардинских жителей» предполагалось возвращать хозяевам [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. 102, 105; КРО 1957b: 299–304]. Делопроизводственная документация канцелярии начальников Моздокской линии полна рапортов о выкупе в Моздок из Кабарды грузин и армян [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3: 102, 109, 139 об., 148, 194об; Ч. 4: 71, 105, 129, 130, 140, 162, 163; Ч. 5: 283, 414, 434]. Кроме грузин и армян среди беглецов изредка попадают представители других христианских по вероисповеданию народов – украинец («малоросс») из Азова, осетин [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 6: 162, 222, 231, 241] и даже мусульмане, например беглец из Большой Кабарды родом из «тарковского владения иначе шамхала» [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 4: 236–237]. Однако после кабардино-русской войны весны-осени 1779 г. такая относительно лояльная по отношению к имущественным правам владельцев крепостных людей политика российских властей прекратилась.

Вопросы возможного массового переселения «черного народа» из Кабарды в русские пределы, находились в компетенции Астраханского губернатора И.В. Якоби и Коллегии иностранных дел. Несмотря на лоббирование этого проекта И.В. Якоби с целью ослабления военно-политического потенциала кабардинской аристократии, русское правительство заняло в вопросе о кризисе межсословных отношений в Кабарде выжидательную позицию [КРО 1957b: 320–326, 327–331]. Делопроизводственная документация канцелярии Моздокской линии подтверждает иные источники, иллюстрирующие обострение отношений между привилегированными и непривилегированными сословиями в Кабарде. В конце ноября-начале декабря 1777 г. разногласия между знатью и «черным народом» сорвали попытку планировавшегося ими силового освобождения из Георгиевской крепости нескольких арестованных кабардинских дворян [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 313, 336, 337, 368, 369, 371, 373, 374, 378].

Не столь широко представленным в фондах дела, но очень интересным является документальное измерение формирования системы сбора информации, рекрутинга лазутчиков и информаторов из местного населения с опорой на инфраструктуру Моздокской кордонной линии. С 1770 г. в пограничных крепостях и самой Кабарде на постоянной основе находился майор, а затем подполковник Д.В. Таганов [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 4]. Но он, как официальное лицо не пользовался полным доверием кабардинских феодалов и очевидно был вынужден собирать информацию через третьих лиц. Внутренние политические неурядицы и конфликты в Кабарде облегчали задачу привлечения на свою сторону и использование в качестве информаторов лиц из числа самих кабардинцев. Так 8 января 1778 г. подполковник Д.В. Таганов доносил полковнику Н.А. Ладыженскому: «Сего утра приехал ко мне уздень Бабуков Арслан Гирей (на самом деле Ислам-Гирей – З.К.). Он привез известие, что кабардинские владельцы с узденями своими хотят сделать собрание на реке Баксане, намерение у них будет чтобы постараться отложиться вовсе от подданства Российской империи, учинить побег всех за Кубань к вершине реки Теберды, а между тем собратца большими партиями и чинить набеги злодейские на вновь заведенные крепости, к чему якобы черный народ согласился» [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 2: 75]. Сам Д.В. Таганов сомневался в достоверности своего информатора, но рапорт вышестоящему начальству предпочёл отправить. Уже в марте 1778 г. Ислам-Гирей Бабуков, находясь в Астрахани просил губернатора И.В. Якоби прикомандировать на Моздокскую линию переводчика-толмача, «знающего по-черкесски ... который нужен ему во время пребывания его в крепостях при донесении тамошним начальникам о каких-нибудь известиях» [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 8: 33]. Астраханский губернатор своим ордером приказал полковнику В.В. Шульцу выделить такого толмача из числа горцев – новокрещенных моздокских казаков, каковым оказался отставной есаул Федор Дыдымов [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 8: 33, 34]. Ислам-Гирей Бабуков и в дальнейшем, несмотря на интриги Д.В. Таганова, пользовался доверием И.В. Якоби, выступал посредником при контактах последнего с лояльными России мурзами закубанских ногойцев, искавшими российского покровительства [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 8: 38, 117].

Огромный объем и не всегда хорошая сохранность деловой документации канцелярии командующих Моздокской линии объективно затрудняют выявление тех архивных материалов, которые имеют максимальную эвристическую ценность для изучения истории степного фронта Российской империи, общественно-политической и экономической эволюции сообществ Северо-Западного и Центрального Кавказа на начальном этапе их интеграции в общероссийское пространство. Но их значение как ценного источника по истории повседневности первых лет институционализации границы Российской империи на Северном Кавказе невозможно переоценить.

Список источников и литературы

- РГАДА – *Российский государственный архив древних актов*.
Адыгские песни 2014 – Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.
Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 2. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869. 628 с.
Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
Дегоев 2025 – *Дегоев В.В.* Кавказские рубежи Российской империи 1762–1801: Исторические очерки. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2025. 800 с.
Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик: Эльбрус, 1990. 264 с.
Кавказская война 2002 – *Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы*. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб: Изд-во журнала Звезда, 2002., 552 с.
Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. 902 с.
КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.
КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
МПИО 1933 – *Материалы по истории Осетии (XVIII век) / Документы собран, введением и примечаниями снабдил Георгий Кокиев. Т.1.* Орджоникидзе: Растзинад, 1933. 348 с.
Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши и адыгов*. Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.
Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т.; Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 672 с.
РОО 1984 – *Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. 2.* Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1984, 439 с.
Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.
Ходарковский 2023 – *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 352 с.

References

- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents]
Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny [Adyghe songs from the time of the Caucasian war]. Nal'chik: Pечатnyj dvor, 2014. 656 p. (In Russian)
BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. 2* [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 2]. SPb.: Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk, 1869. 628 p. (In Russian)
DEGOEV V.V. *Kavkazskie rubezhi Rossiiskoi imperii 1762–1801: Istoricheskie ocherki* [The Caucasian Frontiers of the Russian Empire 1762–1801: Historical Essays]. M.: Izd-vo «Aspekt PresS», 2025. 800 p. (In Russian)
DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. Nalchik: El'brus, 1990. 264 p. (In Russian)
Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. I. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 478 p. (In Russian)
Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 p. (In Russian)
Kavkazskaya voina: istoki i nachalo. 1770–1820 gody. Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX veka» [The Caucasian War: Origins and Beginnings. 1770–1820. Series:

«Memoirs of Participants in the Caucasian War of the 19th Century»]. SPb: Izd-vo zhurnala Zvezda, 2002., 552 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adyghe people]. Nal'chik: Pечатnyi dvor, 2014. 902 p. (In Russian)

KHODARKOVSKII M. *Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [The Steppe Frontiers of Russia: How a Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 352 p.

Materialy po istorii Osetii (XVIII vek) / Dokumenty sobral, vvedeniem i primechaniyami snabdil Georgii Kokiev [Materials on the history of Ossetia (17th century) / Documents collected, introduction and notes provided by Georgy Kokiev Vol. 1]. T. 1. Ordzhonikidze: Rastzinad, 1933. 348 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part 1. M.: Sovetskii kompozitor, 1986. 264 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina: V 5 t.; T. 1. Ot drevneishikh vremen do Ermolova* [Caucasian War: In 5 volumes; Volume 1. From ancient times to Ermolov]. Stavropol': Kavkazskii kraj, 1994. 672 p.

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol. 2]. T. 2. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1984. 439 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. M.: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maikop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» ФГБНУ КБНЦ РАН.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Scientific and Innovative Center «Expert Systems of Source Studies and Historiography» of the KBSC of the RAS.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 94(352.3).081
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-24-31

**ОТ ЛОЯЛЬНОСТИ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ, ИЛИ НЕЗАМЕЧЕННЫЕ
ПРОТАГОНИСТЫ «КАБАРДИНСКОГО БУНТА» 1825 г.
(к биографии князей Хамурза Хаджи Мурзабека и Беслана)**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Аннотация. Работа сосредоточена на выявлении контуров биографической динамики князя Хамурза Хаджи Мурзабека и его сына Беслана в контексте российско-черкесского противостояния в центральной Кабарде в первой половине 1820-х гг. Отправным пунктом анализа биографии рассматриваемых фигур избран 1821 г. как по причине хронологической релевантности, так и по соображениям полноты источников. Согласно последним, к началу 1820-х гг. российское командование причисляло князя Хамурза Хаджи Мурзабека к одним из наиболее лояльных представителей кабардинской элиты. Привлеченные к анализу источники показывают, что, демонстрируя определенные предпочтения и вовлекая в значимые для имперской администрации инициативы, российское командование в последующие несколько лет деятельно поощряло политический курс, избранный князьями Хамурза. Однако в этот же период вне видимого спектра взаимоотношений с имперскими инстанциями происходил постепенный отказ этих представителей кабардинской знати от установки на сотрудничество с российской стороной. В тексте выдвигается ряд соображений, объясняющих необратимость подобной переориентации. А также постулируется положение об их лидерстве в вооруженном выступлении в Туащлэ, развернувшемся в сентябре 1825 г. и получившем в российской историографии наименование «кабардинского бунта».

Ключевые слова: Хамурза Хаджи Мурзабек, Хамурза Беслан, биография, Кабарда, «бунт», Линия, имперское командование, противостояние

Для цитирования: Алоев Т.Х. «От лояльности к противостоянию, или незамеченные протагонисты «кабардинского бунта» 1825 г. (к биографии князей Хамурза Хаджи Мурзабека и Беслана) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 24–31. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-24-31

Original article

**FROM LOYALTY TO CONFRONTATION, OR THE UNNOTICED
PROTAGONISTS OF THE “KABARDIAN REVOLT” OF 1825
(on the biography of Princes Hamurza Khadzhi Murzabek and Beslan)**

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Abstract. The work focuses on identifying the contours of the biographical dynamics of Prince Khamurz Haji Murzabek and his son Beslan in the context of the Russian-Circassian confrontation in central Kabarda in the first half of the 1820s. 1821 was chosen as the starting point for analyzing the biographies of the figures in question, both because of chronological relevance and for reasons of completeness of sources. According to the latter, by the early 1820 s., the Russian command ranked Prince Khamurz Haji Murzabek as one of the most loyal representatives of the Kabardian elite. The sources involved in the analysis show that by demonstrating certain preferences and engaging in significant initiatives for the imperial administration, the Russian command over the next few years actively encouraged the political course chosen by the princes of Hamurza. However, during the same period, beyond the visible spectrum of relations with the imperial authorities, these representatives of the Kabardian nobility gradually refused to cooperate with the Russian side. The text puts forward a number of assumptions explaining the irreversibility of such a reorientation. It also postulates their leadership in the armed uprising in Tiberias, which unfolded in September 1825 and was called the “Kabardian revolt” in Russian historiography.

Keywords: Hamurza Hadji Murzabek, Hamurza Beslan, biography, Kabarda, “rebellion”, Line, imperial command, confrontation

For citation: Alov T.Kh. “From loyalty to Confrontation, or the unmarked Protagonists of the “Kabardian Revolt” of 1825 (to the Biography of Princes Hamurza Hadji Murzabek and Beslan). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 24–31. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-24-31

Историографическая традиция, сложившаяся вокруг военных перипетий и последнего всплеска массовой эвакуации кабардинцев 1825 г. сфокусирована на тандеме князя – «валия» Жанхотуко Кучука и его сына Джамбулата. Наряду с прочим этому, по-видимому, способствовало то обстоятельство, что оказавшись очевидцем гибели последнего (случившегося в присутствии отца) Александр Грибоедов, с присущей его таланту выразительностью, запечатлел кровавую развязку коллизии [Грибоедов 1825], имевшую не только индивидуально-семейное, но и, вполне, социально-политическое измерение.

В последующие десятилетия, описанная классиком драма послужила подходящим материалом при отстройке идеологической рамки, «объяснявшей» магистральный вектор вовлечения Кабарды в российское имперское пространство в первой половине XIX в. Сформировавшийся нарратив оказался настолько живуч, что и спустя столетие, на излете XX в., в условиях актуализации тематики Кавказской войны, сопровождавшейся новыми возможностями переосмысления многих ее сюжетов, отчужденные от индигенной эпистемы местные авторы некритически рецептировали элементы этой конструкции. Из нее естественным образом выпали остальные, по меньшей мере, равнозначные по статусу и влиянию князьям Жанхотуко представители кабардинской элиты, чьи имена и по сей день остаются затененными. Эта проблема представляется обширной, и анализ ее составляющих требует комплексной работы. Здесь же мы сосредоточимся на одном аспекте столь значимого в черкесской истории сюжета: попытке обозначить контуры биографической динамики князя Хамурза Хаджи Мурзабека и его сына Беслана в контексте российско-черкесского противостояния в центральной Кабарде в первой половине 1820-х гг.

Следует отметить, что источники, которыми мы располагаем, изначально рисуют Хамурзу старшего, в отличие от подавляющего большинства представителей кабардинской элиты, фигурой, как «более других преданного России» (это притом, что «валий» и российский подполковник Жанхотуко Кучук характеризуется в качестве лица, находящегося «в близкой связи со всеми разбойниками») [Кармов 2017: 28]. Обстоятельства, с которыми сопрягается его имя в начале 1820-х гг. не противоречат такому номинированию. Так, в ночь на 25 апреля 1821 г. «кабардинские хищники в числе 40 человек» угнали с Линии 60 лошадей. Из донесения «кабардинского пристава» майора Аносова командующему Линией генерал-майору Сталю от 2 мая 1821 г. известно, что «хищники» состояли из фигур, которые,

действительно, в последующие годы образовали когорту наиболее последовательных оппонентов имперского командования. Среди них один из зачинателей хаджретского движения, и, по-видимому, обладатель наибольшего военного потенциала среди кабардинских князей вплоть до исхода 1822 г. – «известный своей отвагой и решимостью» Хатокшоко Таусултан, гроза российской линии на протяжении практически всех двадцатых годов Касей Исмаил и, погибший позднее вместе с Жанхотуко Джамбулатом в Нальчикском укреплении, его брат Канамат [УЦГА АС КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 15. Л. 52–53].

Спустя некоторое время – 18 мая 1821 г. в рапорте майора Аносова к тому же адресату сообщалось о том, что князь Хамурза Мурзабек «доставил из числа угнанных» шестидесяти лошадей одну лошадь [УЦГА АС КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 15. Л. 10]. Такое заведомо скромное восполнение ущерба сложно воспринять иначе как символический жест лояльности. Мотивировался же он, судя по всему, явным нежеланием ассоциироваться с собратьями, пользовавшимися устойчивой антироссийской репутацией. К тому же, доставление только одной-единственной лошади, кажется, не говорит в пользу наличия хотя бы нейтральных отношений соискателя благосклонности имперского командования с организаторами нападения на Линию. И, действительно, российская сторона благожелательно отнеслась к стараниям Хамурза старшего. В пользу такого тезиса говорит характеристика его «поведения», составленная российской стороной спустя полгода, в самом конце весьма турбулентного 1821 г. «... Также владелец [Хамурза Хаджи Мурзабек], – отмечается в ней, – с большею частью его подвластных узденей, как видно из вышеозначенного списка, [Кармов 2017: 116] ни в каких шалостях никогда не были замечены. Но при нынешнем для кабардинцев смутном времени хотя и сделал небольшую погрешность в том, что некоторые из разбойников присоединили к его конному табуна своих лошадей, в том уповании, что он [Хамурза Мурзабек] пользуясь доверенностью кордонного командира, полковника Подпрятова избавит ее наказания угоном оных. Который однако же по разведыванию о сем... и все лошади, принадлежащие разбойникам оставлены, принадлежащие же ему оставлены за оказанные им в недавнем времени нам довольно хорошие услуги, а более потому, что он, не подражая никаким владельцам остался на прежнем жительстве на равнине не удалился в горы...» [Кармов 2017: 116] Учитывая, что 1821 г. развертывался под знаком «возраставшей дерзости кабардинцев» [Потто 1904: 31], простиравшейся, к примеру, до фразировавшего даже императора прорыва внутрь Константиногорской крепости, политическая линия Хамурза Мурзабека могла восприниматься как обещавшую в будущем чуть-ли не образцового верноподданного. Не говоря об упоминавшихся выше «довольно хороших услугах», оказанных князем, думается, особой оценки удостоилось его решение «остаться на прежнем жительстве на равнине». Ведь в этот период «большая часть кабардинцев... спешила удалиться в горы, где почитала себя в большей безопасности от наших нападений, – и, что воспринималась командованием максимально негативно, – рас[с]читывала встретить ближайшую поддержку со стороны закубанских народов» [Потто 1904: 34]. Поэтому неудивительно, что адресант с видимой озабоченностью рекомендовал: «По тому же уважению прошу и Ваше Высокоблагородие ему и его узденям, не замеченным ни в каких шалостях оказать во всем снисхождение...» [Кармов 2017: 116]

Относительно «подвластных узденей» князя в документе отмечены следующие наблюдения. «В 2 верстах от онога аул узденей [Уоко Хаджи Эльмурзы], [Хакул Ахмета и Исмаила], до 30 домов – Принадлежат Жамбулатовой фамилии владельцу [Хамурза Хаджи Мурзабеку], два узденя из них, последние в разбоях не бывают...

... В 3 верстах от него аул узденей [(П)шипш Кул-Шеру и Алегуко], до 40 домов – Принадлежит владельцу Жамбулатовой фамилии [Хамурза Мурзабеку], сами узденя и некоторые жители в шалостях изредка бывают...» [Кармов 2017: 30]

Красноречивы характеристики и других уорков Хаджи Мурзабека в это время. Так, согласно имевшимся у имперского командования данным, «не шалили», т.е. не действовали против России Уальпаноко «Жаламбет», Пшипш Алегуко (хотя, как упоминалось выше, он числился среди «жителей в шалостях изредка бывающих»), Тхашугой Давай, Хаджи «Шумай», Хаджи Санашоко, Жамбек Мурзабек, Кундет Хаджи-Сарамурза. Лишь сын последнего Докшуко изобличался в участии в разбоях. К тому же, по-видимому, братья Катхал Хызыр и Умар отмечены в качестве «переставших шалить» [Кармов 2017: 31]. На этом фоне сведения, зафиксированные в другом документе – «Копии записки[,] протекающим в Кабарде рекам, какие на них расположены аулы и кому принадлежат» отличаются большей однозначностью. Здесь утверждается следующее: «Аргудан в 10 верстах от речки Лескен, впадает в Терек, в вершине оной живут у подошвы гор владельцы [Хамурза Хаджи Мурзабек] и [Эльбаздуко Хамурза] со своими подвластными узденями до 100 домов – Сии владельцы, как сами так и подвластные в разбоях не замечены и связей с ними не имеют» [Кармов 2017: 44].

Усилия Хамурза Мурзабека, направленные на снискание расположения России и расчет на ответную благожелательность в это время, видимо, не оказались напрасными. Об этом можно судить по содержанию списка, датированного октябрём 1824 г., в котором отражались судьбы некоторых крестьян, оставшихся после бегства их уорков. В нем, в частности, указывается на то, что с санкции российских властей Хамурза Мурзабек распорядился крестьянами бежавшего Уольпаноко Магомета. Согласно документу, они были «подарены им (Мурзабеком. – Т.А.) кормильщику его узденю Имамказию Мамхазову (?) у коего земли на реке Баксане называемая Гедука разстоянием на 25 верст. Отданы на поручительство выше-названному кормильщику» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 18. Л. 1]. Принимая во внимание, что Уольпаноко до побега числился среди уорков князя, данное обстоятельство выглядит вполне предсказуемо. Более показательным представляется, то, что российское командование «отдавало на поручительство» ему и крестьян из других княжеских уделов. Так, в этом же документе отмечается, что Хамурза Мурзабеку «отданы на поручительство» «крестьян мужеска пола 4 женска 6 душ, скота рогатого 7 штук. Вещей котел медной – 1, кумган – 9 и т.д.», «оставшиеся» после побега уорка Уртан Тату. Последний же, до побега относился к княжескому уделу Мисост [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 18. Л. 1].

Констатируя в 1821 г. безукоризненную лояльность князя Хамурза Хаджи Мурзабека к имперскому присутствию в стране, российское командование аттестовало и его сыновей. Вернее, в вышеприведенном документе они были перечислены поименно, а аттестации удостоился только один из них. О нем в документе говорится: «Беслен – в России не делает никаких шалостей, а в Кабарде ворует» [Кармов 2017: 28]. Сложно, со всей определенностью, раскрыть содержание выражения «а в Кабарде ворует». Но с учетом лояльности отца и более-менее приемлемых умонастроений, демонстрируемых уорками хамурзинского удела, небезупречное поведение молодого князя, по-видимому, было признано терпимым отклонением. По крайней мере, пока обнаружившиеся «делинквентные» склонности были обращены вовнутрь кабардинского общества, нужды в оперативном вмешательстве по их купированию не возникало. В противном случае трудно объяснить привлечение Хамурза Беслана как «расторопного владельца» в звании «экзекутора» к организации важнейшего в видах имперских властей мероприятия в центральной Кабарде – переписи в 1824–1825 гг. [АКАК 1875: 473].

31 августа 1824 г. генерал Ермолов поставил Кабардинскому временному суду «в непрременную обязанность учинить перепись всякого состояния людей в Кабарде ныне находящихся». Однако «заседатели» суда, по мнению вельможи, не спешили с исполнением высокого предназначения. Поэтому спустя две недели командующий повторно обратился к ним. В частности, он писал: «Не видя до сего

времени никакого со стороны суда сего по изъясненному предписанию желанія я подтверждаю ему строжайше приступить немедленно к означенной переписи и по письменным формам определив по онной по фамилиям [Мисост] и [Хатокшоко] князя [Хатокшоко Мисоста] и члена суда узденя [Атласкир Кужи], а по фамилиям [Бекмурза] и [Кайтуко] поручика, князя [Жанхотуко Джамбулата], князя [Хамурза Беслана]... к которым по предписанию моему будет от командира кабардинского пехотного полка отряжено по одному писарю и переводчику к каждому из помянутых двух отделений». Сменившего Подпрятова подполковника Булгакова Ермолов наставлял «настоятельно требовать, чтобы перепись народа была составляема» [АКАК 1875: 475]. Спустя несколько месяцев ермоловское предписание было исполнено. К 30 января 1825 года перепись всех жителей Кабарды была завершена [Сборник... 2003: 71–150].

В ведомости исчисления кабардинского населения в уделах Бекмурза и Кайтуко было указано, что «Произведено по приказанию начальства князьями поручиком [Жанхотуко Джамботом и Хамурза Бесланом] и секретарем суда капитаном [Шарданом]».

Однако спустя полгода в отношениях отца и сына Хамурза с имперскими властями происходит радикальный поворот. И хотя мы можем судить об этих жизненных метаморфозах, опираясь, в основном, на ретроспективную и далекую от непредвзятости оптику, все же, она предоставляет определенный простор для уяснения некоторых важных аспектов рассматриваемого вопроса.

Итак, обратимся к одной переписке, завязавшейся между российскими командирами в начале осени 1831 г. 22 сентября 1831 г. командующий войсками 3-й части Центра Кавказской линии генерал-майор Горихвостов адресовался к своему непосредственному начальству в лице генерала Вельяминова по причине «вредных внушений кабардинцам» со стороны князя Хамурза Беслана. В своем пространном письме им описывались примеры не просто неблагонадежности, но и открытой враждебности к российской администрации с его стороны. В контексте настоящего очерка нет необходимости вдаваться в ряд важных соображений, содержащихся в тексте письма. Здесь ограничимся изложенными в нем высказываниями, прямо относящимися к событиям 1825 года. «Известный Вашему Превосходительству бунтовщик тумак [Хамурза Беслан], который в 1825 году погубил отца своего князя [Хамурза Мурзабека] и многие аулы взбунтовал... не перестает и теперь возмущать народ против правительства», – отмечается здесь [Хотко 2015: 38]. Сразу оговоримся, что выражение «погубил отца» не стоит воспринимать буквально. Обвинение здесь сводится к тому, что сын способствовал переходу отца на антироссийские позиции. Это явствует из контекста сообщения. К тому же достоверно известно, отец Беслана – Мурзабек «убит на хищничестве» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 58] и произошло это не в 1825 г.

Демонстрируя пристрастность к объекту своего интереса и «уличая» последнего в интриганстве автор далее отмечает: «Цель его опять та же, которая была в 1825 году (sic!): тогда он, страшая отца намерением русских захватить, рассчитывал, что брат его князь [Хамурза], как живет за Кубанью и еще малолетен, то может наследовать имением, что и случилось» [Хотко 2015: 38]. Генерал последователен в своей констатации, когда уже в контексте свершившегося разрыва с русскими сообщает, что «нет сомнения, что с наступлением весны он (Хамурза Беслан. – Т.А.) появится в линии из Чечни с партией и **будет стараться согнать аулы в горы, подобно как сделал в 1825 году...** (выделено нами. – Т.А.)» [Хотко 2015: 40]. Симптоматично, что адресат не счел необходимым хоть как-то оспорить столь настойчиво продвигаемую мысль относительно роли Хамурза Беслана в событиях 1825 г. А ведь Вельяминов как мало кто другой был осведомлен о перипетиях «кабардинского бунта» шестилетней давности. Немаловажно и то, что Горихвостов продолжает настаивать на роли черкесского князя в этих событиях и тогда,

когда побег Беслана в Чечню стал свершившимся фактом. Т.е., когда отпала необходимость в обосновании репрессий в его отношении посредством обвинения в закоренелой враждебности. Это обстоятельство также косвенно говорит в пользу небеспочвенности слов российского генерала.

Признавая валидными суждения Горихвостова в отношении действий Хамурза Беслана в 1825 г. невозможно проигнорировать ключевую компоненту приписываемой последнему роли главного действующего субъекта в иницировании наиболее опасной антироссийской акции того года – уводе вотчины клана Хамурза и «взбунтования» и «сгона» многих аулов в горы. Разумеется, было бы заведомым заблуждением представлять Хаджи Мурзабека безвольным объектом манипуляций сына. Если инициатором открытого разрыва с русскими считать Беслана, все же очевидно, что его отец последовал за ним отнюдь не потому, что он находился под безотчетным влиянием сына. Такое решение исподволь созревало по мере кардинальной смены политического ландшафта с 1821 г. К факторам предопределившим такой шаг можно отнести, к примеру, то что новая линия российских укреплений, возведенная в 1822 г. так или иначе не могла не коснуться владений Хамурза Мурзабека, расположившихся «от Аргудана до Лескена» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 58]. Фиаско попыток урегулирования отношений, предпринятых хаджретским лидером Бесланом Асланбеком в 1824 г. и неумолимость имперского командования в проведении жесткой политики по установлению своего незыблемого контроля в центральной Кабарде, очевидно, не способствовали умиротворению умонастроений. Если в течение некоторого времени и при определенных условиях болезненность этого курса сглаживалась личностью полковника Подпрятова, «умевшего говорить с народом», и, как выше отмечалось, находившегося в доверительных отношениях с Хамурза Мурзабеком, то с его отставкой в 1824 г. этот фактор сошел на нет. На фоне неослабевающей жестокости к хаджретам [АКАК 1875: 473], продемонстрированной в 1822–1825 гг. и общего нарастания имперского давления (проявлявшегося в принципе: «раз слабость ок[к]упации является основной формой общественной жизни завоеванной страны – крутые меры уже неизбежны» [Потто 1904: 210]) в центре Большой Кабарды важным толчком к «бунту», скорее всего, стала и недавно проведенная перепись жителей. Обращает на себя внимание, что именно вовлеченные в его осуществление Жанхотуко Джамбулат и Хамурза Беслан, в чьем участии командование, по-видимому, не было разочаровано, спустя полгода оказались на острие выступления против России. Кроме того, что само существование этого мероприятия, т.е. подсчет и фиксация на бумаге людей выходило за рамки приемлемого социального действия, кабардинцы вполне резонно могли усмотреть в нем подготовку акции, менее безобидной для их благополучия, нежели сама перепись. Во всяком случае, в эту логику укладываются «тревожные настроения умов, подогреваемые разными нелепыми слухами», охватившими тогда население *Туауцлэ*. Так в это время рассказывали, «что из России идут войска с 12-ть тыс. калмыков, чтобы угнать все кабардинския аулы в задонския или приуральския степи, как это было еще при Суворове, с ногайцами, обитавшими тогда в степях между Кубанью и Доном» [Потто 1904: 213]. Имеющиеся сведения намекают еще на один фактор, в той или иной степени повлиявший на радикальный политический разворот князей Хамурза. Речь идет о полном разрыве отношений с продолжавшими проявлять лояльность имперскому командованию князьями-собратьями. Об этом можно судить, к примеру, по тому факту, что спустя несколько дней после начала «бунта» «значительная партия кабардинцев бросилась на Малку и против станицы Прохладной захватила табун в две тысячи голов, принадлежавший кабардинскому валию...» [Потто 1904: 214]. Спустя некоторое время, в ночь с 6-го на 7-е октября, «сильная партия беглых кабардинцев, предводимая князем [Хамурза Мурзабеком],

вышла на плоскость и внезапно атаковала на Тереке» ряд аулов, воздерживавшихся от переселения [Потто 1904: 218]. «Партия эта разграбила аулы, угнала скот и сожгла большие запасы сена, принадлежащего Черекскому укреплению, а сам [Хамурза Мурзабек], в одном из этих аулов, лично отнял свою дочь, бывшую в замужестве за князем [Кильчуко Камботом]. Партию эту преследовал сам кабардинский валий и, настигнув ее, отбил почти всю добычу; но жену [Кильчуко] [Хамурза] успел увезти с собою» [Потто 1904: 219]. Представляется, что эти факты, являющие предельный антагонизм между политическими акторами в *ТуащIэ* возник не спонтанно, как следствие обострившейся здесь ситуации. В подобной радикальности скорее усматривается заранее сформировавшийся политический «водораздел», категорически разведший векторы движения двух фракций кабардинского политикума. Хотя это разделение носило асимметричный характер, влияния князей Хамурза хватило на то, чтобы с первого дня «бунта» вовлечь в переселенческое движение полностью (5 сел) или частично (9 сел) 14 населенных пунктов. В день разгрома Солдатской – 29 сентября к ним присоединились еще пять сел с Малки [Мамхегов 2023: 115–116]. В этот день, явившийся с левого фланга генерал Ермолов адресовался к Вельяминову: «Сейчас получил я известие о сделанном нападении на селение Солдатское и о разорении онога. Нет сомнения, что сделали сие кабардинцы с тем, чтобы потом, подобно [Хамурза Мурзабеку], бежать за Кубань» [Потто 1904: 217]. Тем самым, российский командующий обозначил фигуру, которую рассматривал в качестве виновника кабардинского «бунта».

Таким образом, обращение к сведениям относящимся к деятельности Хамурза Хаджи Мурзабека и Беслана на протяжении рассматриваемого периода позволило очертить основные контуры биографической динамики этих князей. Будучи представителями одной из самых влиятельных семей в *ТуащIэ* они попадали в фокус имперских интересов, в первую очередь, сквозь призму их отношения к России. На протяжении всей первой половины 1820-х гг. отец и сын Хамурза выказывают благонамеренность имперским инстанциям и регулярно вступают с ними во взаимодействие. Они, в свою очередь, рассматривают их как благонадежных фигур. Однако ряд факторов подспудно подтачивал лояльность князей Хамурза и, в сентябре 1825 г., командование обнаруживает в них инициаторов антироссийских выступлений, сопровождавшихся нападениями на Линию.

Список источников и литературы

АКАК – *Акты Кавказской археографической комиссии*. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. 950 с.
Грибоедов 1825 – *Грибоедов А.С.* Письмо А.С. Грибоедова В.К. Кюхельбекеру. 27 ноября 1825. Станица Екатериноградская. // *griboedov. lit. – info ru*.

Кармов 2017 – *Кармов Р.К.* Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках. 1732–1892 // «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт-Центр, 2017. 204 с.

Мамхегов 2023 – *Мамхегов А.Б.* Заметки. Вып. X. Публикации в газете «Газета Юга» (2017–2019). Нальчик: Принт-Центр, 2023. 314 с.

Потто 1904 – *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.

Сборник документов 2003 – *Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897*. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 484 с.

Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е гг. XIX в. // *Архивы и общество*. № 35. Нальчик, 2015. С. 8–54.

УЦГА АС КБР – Управление *Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики*.

References

Akty` Kavkazskoj arxeograficheskoy komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. VI. Ч. 2. Tiflis, 1875. 950 p. (In Russian)

GRIBOEDOV A.S. *Pis`mo A.S. Griboedova V.K. Kyuxel`bekeru. 27 noyabrya 1825. Stanicza Ekaterinogradskaya* [Letter from A.S. Griboyedov to V.K. Kuchelbecker. November 27, 1825. Yekaterinogradskaya village.]. // griboedov. lit. – info ru. (In Russian)

KARMOV R.K. *Transformaciya obshhestvenno-politicheskogo ustrojstva narodov Central`nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikax. 1732–1892* [Transformation of the socio-political structure of the peoples of the Central and Western Caucasus in sources. 1732–1892] // «By`t, lichnosti, istoriya Kavkaza v istochnikax». Vy`p. 6 / sost R.K. Karmov. Nal`chik: Print-Centr, 2017. 204 p. (In Russian)

МАМКНЕГОВ А.В. *Zametki. Vy`p. X. Publikacii v gazete «Gazeta Yuga» (2017–2019)* [Notes. Issue X. Publications in the newspaper “Gazeta Yuga” (2017–2019)]. Nal`chik: Print-Centr, 2023. 314 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Uverzhdenie russkago vlady`chestva na Kavkaze*. [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. Т. III. Ч. 2. Tiflis, 1904. 590 s. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793–1897 [Collection of documents on the class rights of the peoples of the North Caucasus]. Nal`chik: E`l`-Fa, 2003. 484 p. (In Russian)

KHOTKO S.KH. *Iz istorii uchastiya kabardincev v obshhechekesskom soprotivlenii v 30-e gg. XIX v.* [From the history of the participation of Kabardians in the pan-Circassian resistance in the 1830 s.]. // Arxivny` i obshhestvo. № 35. Nal`chik, 2015. P. 8–54. (In Russian)

Central`nyj gosudarstvennyj arxiv Kabardino-Balkarskoj respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.Kh. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 03.11.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-32-45

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
У НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Зулейха Жамботовна Глашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

© З.Ж. Глашева, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются исторические факторы и организационные аспекты формирования российской системы образования у народов Центрального Кавказа. Показаны методы, которые использовались российскими властями при создании системы образования в регионе. Анализируется, как российская администрация выстраивала образовательную систему, преодолевая финансовые трудности, бюрократические преграды организовывала сложное, но необходимое взаимодействие с местными (кавказскими) и высшими имперскими властями. Рассматриваются также инициативы местных властей и общественности, направленные на создание образовательных учреждений. Изучены рапорты, мнения, предложения, проекты и законодательные акты способствовавшие развитию образовательной системы, ориентированной на воспитание детей горской аристократии в духе общероссийской культуры и гражданственности. С опорой на разнообразные нарративные материалы, нормативные акты и делопроизводственные документы, в том числе ранее не опубликованные архивные источники, рассматриваются основные этапы становления образовательных учреждений российской системы образования в регионе, которые использовались как инструмент интеграции кавказских народов в общероссийское социокультурное пространство в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, аманатская школа, Ставропольская гимназия, Нальчикская (Кабардинская) школа, кадетский корпус

Для цитирования: Глашева З.Ж. История развития образовательной системы у народов Центрального Кавказа в первой половине XIX в. // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 32–45. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-32-45

Original article

**HISTORY THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM
AMONG THE PEOPLES OF THE CENTRAL CAUCASUS
IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY**

Zuleikha Zh. Glasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

© Z.Zh. Glasheva, 2025

Abstract. The article examines the historical factors and organizational aspects of the formation of the Russian education system among the peoples of the Central Caucasus. The methods used by the Russian authorities in creating the education system in the region are shown. The article analyzes how the Russian administration built the educational system, overcoming financial difficulties, bureaucratic obstacles and organizing complex but necessary interaction with local (Caucasian) and top imperial authorities. Initiatives by local authorities and the public aimed at creating educational institutions are also being considered. The reports, opinions, proposals, projects and legislative acts that contributed to the development of an educational system focused on raising children of the mountain aristocracy in the spirit of Russian culture and citizenship have been studied. Based on a variety of narrative materials, regulations and records, including previously unpublished archival sources, the main stages of the formation of educational institutions of the Russian education system in the region, which were used as a tool for the integration of Caucasian peoples into the all-Russian socio-cultural space in the first half of the 19th century, are considered.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Amanat school, Stavropol gymnasium, Nalchik (Kabardian) school, cadet corps

For citation: Glasheva Z.Zh. History the development of the educational system among the peoples of the Central Caucasus in the first half of the 19th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 32–45. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-32-45

Необходимость всестороннего анализа процесса интеграции региона в состав России обуславливает актуальность данной статьи. Важно отметить, что в исследуемый период российская политика, направленная на включение народов Кавказа в Российское государство, была связана не только с силовыми (военными) методами, но и с мирными инициативами в образовательной сфере.

Вопросы, связанные с историей становления и функционирования российской системы образования в горской среде, в советский и постсоветский периоды стали предметом исследований: И.П. Копачева [Копачев 1964], Л.С. Гагаевой [Гагаева 1993], М.З. Саблирова [Саблиров 2001], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 2002], Ю.Ю. Клычникова [Клычников 2002], М.В. Клычниковой [Клычникова 2006], О.С. Пылкова [Пылков 2006], М.Ф. Титоренко, О.Г. Шкилева [Титоренко, Шкилева 2008], С.А. Айларовой [Айларова 2009], А.Т. Урушадзе [Урушадзе 2015], Д.В. Умарова [Умаров 2023], З.Ж. Глашевой [Глашева 2018; Глашева 2024].

С конца XVIII в. Россия активно укрепляла свое влияние на Кавказе. Как отмечает И.П. Копачев, это достигалось, «с одной стороны, строительством военных укреплений и увеличением численности войск, с другой – подготовкой из местных князей и дворян верноподданных, воспитанных в духе русской гражданственности и способных действовать на умы своих единомышленников» [Копачев 1964: 40] в интересах Российского государства. На начальном этапе подготовки образованных горцев, определенную роль сыграли аманатские школы. В них содержались аманаты (заложники) из знатных горских фамилий, с целью гарантий соблюдения ими верноподданнических отношений с Россией. Первая школа была открыта в 1735 г. в Кизлярской крепости, где находились аманаты из Большой и Малой Кабарды, Чечни, Кумыкии [Бутков: 157–159]. Позднее такие школы появились и в других крупных крепостях региона.

В 1775 г. губернатор Астрахани П.Н. Кречетников предложил создать в Астрахани наряду со школами для аманатов, школы для «владельческих детей», не состоявших в аманатах. Они должны были готовить кадры для военной и административной службы на Кавказе. Чтобы привлечь в школу больше детей, П.Н. Кречетников предлагал разрешить в соответствии с обычаями, посылать вместе со своими детьми «дядек и мамок» (воспитателей). С той же целью он рекомендовал отпускать преуспевающих воспитанников домой на некоторое время, чтобы их пример побудил других родителей отправлять своих детей в школу. Он полагал, «Если бы за короткое время в эту школу было набрано необходимое число детей,

обращенных со временем в христианскую веру, то тогда отпала бы нужда и в аманатах [Копачев 1964: 41]. Предложение астраханского губернатора свидетельствует о том, что уже в конце XVIII в. российские власти стремились использовать школу как инструмент для усиления российского влияния в регионе.

В аманатских школах обучали русскому языку, арифметике и истории. Из учебной программы Екатериноградской школы, открытой в 1788 г., видно, «что царские власти намеревались обучать аманатов и родным языкам, необходимым для службы» [Краснов 1913: 15–16]. Несмотря на то, что аманатские школы не смогли полностью выполнить задачи, поставленные российскими властями по созданию пророссийски ориентированных горцев, но при этом они способствовали распространению русской культуры. По мере расширения российских владений на Кавказе увеличивалась и потребность в пророссийски настроенных кадрах в военной и гражданской сферах. Это учитывали и представители российской администрации при разработке мер по освоению региона.

В первое десятилетие XIX в. позиции российских властей по подготовке образованных горцев были изложены во всеподданнейшем рапорте П.Д. Цицианова от 23-го марта 1804 г. № 7. В качестве культурно-образовательных мер предлагалось: «1) перемену воспитания, 2) введение в Кабарде роскоши, 3) сближение оной с российскими нравами, ...наклонять их разными прелестями отдавать детей своих в училища, нарочно имеющие быть заведенными в Георгиевске и в Екатеринограде, где ничему больше не обучать, как российскому и татарскому языкам, и потом под видом усовершенствования наук отсылать княжеских домов детей в кадетские корпуса, отколь росписывать в полки отдаленные от Кавказской линии; таковые школы завести для узденей или дворян кабардинских, но в полки выпускать с понижением чинов против княжеских детей, дабы не оскорбить сих при начале сего благотворного действия» [АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ст. 1943. С. 953]. В 1805 г. в предписание князя П.Д. Цицианова генерал-майору И.П. Дельпоццо от 29-го января № 54 все тезисы рапорта от 23-го марта 1804 г. были повторены: «оставя сию систему, основать новую на трех главнейших предметах, а именно: 1) на перемене их воспитания, 2) на введение в Кабарду роскоши и 3) на сближение оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к сообщению с российскими» [АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ст. 1952. С. 959]. Далее он пишет об административно-бюрократическом продвижении инициативы: «по представлению моему Высочайше утверждено: 1) чтобы в Георгиевске и в Екатеринограде заведены были училища для обучения детей кабардинских владельцев и узденей, каковые воспитанники после перемещаемы были бы из училищ в кадетские корпуса; ...4) чтобы сформировать Кабардинский гвардейский эскадрон [АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ст. 1952. С. 959]. В своих рапортах П.Д. Цицианов неоднократно указывал, что главной задачей в процессе установления более тесных связей с горскими народами он видел в перемене воспитания жителей Кабарды, что, по его мнению, способствовало бы сближению с Россией. Кабардинцы, населявшие равнинные территории Центрального Кавказа к началу XIX в., уже обладали опытом взаимодействия с российскими военными и гражданскими властями на Кавказе, что выделяло их среди других народов. Наличие российских административных и судебных учреждений – Родовых судов и расправ, на территории Кабарды способствовало дальнейшему расширению российского культурного влияния, которое распространялось через кабардинцев.

В своем рапорте за 1806 г. Его Императорскому Величеству Д.П. Цицианов последовательно повторил без изменений свои тезисы: «1-е. Перемену воспитания; 2-е. Введение в Кабарду роскоши; 3-е. Сближение оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру, и умножая случаи к сообщению с россиянами; по мнению моему необходимо, нужно сделав начальником Кабардинской области генерал-майора, поелику они все имеют военные чины и не имеют никакого

уважения к статским, предпочитая войну и силу всему; а чин сей для того, что из них есть имеющие полковничьи чины; чрез него стараться всеми мерами наклонить их разными прелестями отдавать детей своих в училища, нарочно имеющими быть заведенными в Георгиевске и в Екатеринограде, где ничему больше не обучать, как российскому и татарскому языкам, и потом, под видом усовершенствования наук отсылать княжеских домов детей в кадетские корпусы, от коих расписывают в полки, отдаленные от Кавказской линии. Таковые школы завести для узденей или дворян кабардинских; но в полки выпускать с понижением чинов против княжеских детей, дабы не оскорбить сих при начале сего благотворного действия [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 376. Л. 3].

В проекте реформы, разработанной И.П. Дельпоццо в 1808 г., в Большой и Малой Кабарде предлагалось: «2-е. Построить дома для училищ и производить учителям жалование; 3-е. Владельческих и узденских детей брать в школы, учить начальным правилам российской словесности и потом отправлять в кадетские корпуса, сходно с подданным Его Императорскому Величеству покойным генералом от инфантерии князем Цициановым от 23 марта прошлого 1804 года донесением; 4-е. Содержание учеников, выписывание книг и прочих материалов определить из доходов соляных» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18491. Л. 26 об.]. Проекты, разработанные в течение первого десятилетия XIX столетия, остались нереализованными. Причиной тому послужила неблагоприятная военно-политическая обстановка в регионе, препятствовавшая их практической реализации.

В конце 20-х гг. XIX в. вернулись к рассмотрению нереализованных проектов П.Д. Цицианова и И.П. Дельпоццо. В 1829 г. генерал-майор Ф.А. Бекович-Черкасский предложил проект, по которому важным условием подъема культуры и хозяйственной жизни Кабарды должно было стать образование и воспитание. Он писал главноуправляющему на Кавказе И.Ф. Паскевичу (1827–1831): «Воспитание есть первая и главная пружина к утверждению благосостояния народа. Кабардинцы, как известно, народ, приобывший к жизни бурной, имеющий нравы закосленные в грабежах и разбоях, почитающий все сие добродетелью и чуждающийся с минуты рождения своего жизни трудолюбивой, требуют больших попечений. По сему главным и первым предметом должно быть учреждение в городе училища для малолетних детей» [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 872]. Далее он пишет: «В заведении сем уча токмо писать и читать по-татарски и не более как десяти заповедям их закона, необходимо стараться преподавать им более первоначальные науки на русском языке, внушая им под самую благовидную личину обязанности человека в отношении к Богу, ближнему, самому себе и правительству русскому, им благотворящему. Дети, живя на казенном иждивении в училище, не видя между собою дурных примеров и не получая наставлений от отцов своих, почитающих неистовство священной обязанностью, в продолжение юных дней познакомятся сколько ни будь с просвещением. К сему необходимо еще и то, дабы родители и родственники видели детей однажды в месяц и то иначе, как в училище при их наставниках. Курс наук их в сем заведении не должен продолжаться более трех лет, и по истечении сего термина (времени – 3.Г.) отсылать их в высшие в России училища [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 872]. Проект Ф.А. Бекович-Черкасского предполагал не только открытие учебного заведения, но и создание города. «При подробном рассмотрении состояния кабардинцев, искони углубленных в порочные предрассудки праотцев своих, представляется величайшею пользою для возведения их на степень благородного образования основать город около Нальчикской крепости как пункт, составляющий средоточие всей Кабарды» [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 871]. Преобразования должны были продемонстрировать преимущества развитой гражданской и хозяйственной жизни, а также повышения уровня комфорта. С этой целью, по его мнению, необходимо было воспитывать кабардинцев в духе преданности российскому правительству.

После получения высшего образования в России они должны были возвращаться в Кабарду, получая преимущественное право на занятие должностей в имперской системе управления. Предполагалось, что это вызовет в остальных князьях и дворянах стремление «сколько-нибудь ближе сдружиться с россиянами и со своими образованными туземцами, дабы, получив место, пользоваться уважением равных себе» [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 872].

Несмотря на то, что проект Ф.А. Бекович-Черкасского остался неосуществленным, в 1829 г. в Нальчикской крепости была открыта аманатская школа. Аналогичные школы функционировали и в других крупных крепостях Кавказской линии. Инициатором создания школы был Ш.Б. Ногмов, при содействии командующего Кавказской линией и в Черномории Г.А. Эммануэля. Обучение детей из привилегированных сословий горцев осуществлялось «за счет сумм, состоящих в распоряжении Его Императорского Высочества и наместника Кавказского, Кабардинской общественной суммы» [Титоренко, Шкилева 2008: 27]. Программа школы включала изучение арифметики, русского языка и т.д. Школа функционировала в течение года, до отъезда Ш.Б. Ногмова в Санкт-Петербург. Как отмечает С.А. Айларова образование, полученное в российских учебных заведениях, должно было готовить из горцев «не просто лояльных и верных России администраторов, военных» [Айларова 2009: 105]. Они также должны были «формировать в первенцах северокавказской интеллигенции новую этику ратного и управленческого труда, видеть в воинском призвании идею служения России как своей родине» [Айларова 2009: 105].

В августе 1831 г. командующий Кавказской линией и Черноморией Г.А. Эммануэль представил кавказской администрации проект строительства школы и мечети для аманатов в крепости Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 23, 24, 25, 26]. Данная инициатива, наряду с ранее выдвинутой Ф.А. Бековичем-Черкасским, не была осуществлена. Т.Х. Кумыков указывал, что, несмотря на завершение проектных и сметных работ, необходимых для возведения школьного здания, оно не было построено. Причиной послужило общее распоряжение 1836 г., «принимать туземное юношество в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса» [Кумыков 1996: 210].

Николай I отклонил предложение о строительстве школы в Нальчике, сочтя его слишком дорогим и нецелесообразным. Вместо этого, он указал на возможность, появившуюся с 28 апреля 1836 г., для горских юношей поступать в школы военных воспитанников при полках и батальонах Отдельного Кавказского корпуса. 6 ноября 1837 г. было издано положение «О выпуске находящихся в кадетских корпусах воспитанников из горцев офицерами в Кавказские линейные казачьи полки» [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 2-е. № 10670. СПб., 1838. С. 856], которое дополняло закон 1836 г. По нему «повелено, находящихся в кадетских корпусах воспитанников из горцев, по приобретении ими достаточных познаний в науках, выпускать офицерами в Кавказские линейные казачьи войска, с определением в полки, ближайшие к местам их оседлости» [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 2-е. № 10670. СПб., 1838. С. 856]. Николай I считал, что обучаясь в таких школах совместно с русской молодежью, горцы «скорее выучатся языку и ознакомятся с нашими понятиями» [Народное образование... 2001: 38]. Планировалось распространить этот опыт на весь Северный Кавказ.

Открытие первого учебного заведения на Кавказе было приурочено к посещению Ставрополя императором Николаем I. И.В. Бентковский описывая это событие писал: «18 октября 1837 г. в одиннадцать часов началось долгожданное торжество на котором, присутствовал император. Государя со свитой у парадного входа встретил исправлявший должность директора М.Ф. Беляев. В его сопровождении император отправился осматривать помещения. Поднимаясь по лестнице император поинтересовался сколько учащихся в училище: “всех учащихся 483,

в гимназии 53 на лицо, не прибывших из городов 12, имеется в виду более 20 человек"... Следовательно до ста человек – сказал Государь, и, обратясь к генерал-лейтенанту Вельяминову, заметил: на первый раз достаточно» [Бентковский 1887: 2]. Далее И.В. Бентковский пишет: «С 18 октября 1837 г. начинается новая эра в истории распространения народного просвещения на Кавказе и развитие экономического состояния в Ставрополе. Оставляя продолжение наших воспоминаний до следующего раза, не можем не вспомнить о благотворном влиянии на жизнь юной Ставропольской гимназии, нуждавшейся тогда в сильной поддержке местной высшей власти. Можно сказать, к счастью ея, после смерти Вельяминова, начальником области назначен был генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе, вступивший в отправление своих обязанностей 30 мая 1838 г. До него о воспитании юношества мало заботились, а по крайней мере не столько как следовало и можно было. Гимназия только что начала существовать и для поддержания ея надобно было много труда и нравственного влияния со стороны главного местного начальника. Генерал Граббе по мере возможности старался вникать в тогдашнее положение гимназии, состоявшей в ведении Харьковского учебного округа. Хотя попечение об этом заведении и не относилось к непосредственным его обязанностям, но забота о благосостоянии ея не давала ему покоя. В свободные от занятий часы П.Х. Граббе, очень часто посещал гимназию и нередко, лучших ея воспитанников вместе с преподавателями, приглашал к себе на обеды и балы, желая этим в одних возбудить соревнование, а других заставить вести молодых людей к истинной цели просвещения» [Бентковский 1887: 2].

После открытия Ставропольской гимназии военный министр А.И. Чернышев 23 декабря 1837 г. изложил командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории А.А. Вельяминову мнение императора по вопросу образовательной политики на Кавказе: «Учреждение при Ставропольской гимназии особого пенсiona, для обучения детей горцев, было бы в настоящее время совершенно излишним, и потому гораздо удобнее детей высшего звания горцев, воспитывать как и ныне в кадетских корпусах; а детей низшего класса, в школах при штабах Кавказских линейных казачьих полков, а также при ближайших полковых и батальонных штабах войск Отдельного Кавказского корпуса» [РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 150 об.–151].

После предложений Ф.А. Бековича-Черкасского и Г.А. Эммануэля об открытии школы в Нальчике, в 1836 г. Султан Хан-Гирей в своих «Записках о Черкесии» также высказался за создание школ для адыгов Северо-Западного Кавказа. Он предлагал: «устройство учебных заведений как для княжеских и узденских детей, так и для детей простого народа, назначение деятельного и просвещенного человека попечителем над просвещением и образованием черкесского народа» [Дьяков 1958: 178]. На устройство школ Султан Хан-Гирей смотрел, как на одну из тех мер при помощи которых власти должны были «водворить между ними спокойствие кроткими мерами» [Дьяков 1958: 178]. Однако, как и предыдущие проект Султана Хан-Гирея не был реализован.

Представители северокавказских народов в 20–30-е гг. XIX в. стали активнее привлекаться российским правительством к военной службе [Казаков 2006: 4]. Детям из привилегированных сословий было предоставлено право поступать в кадетские школы, где они получали светское образование. Кадетские школы представляли собой закрытые начальные общеобразовательные учреждения с пятилетним сроком обучения. Выпускники их подлежали зачислению без экзаменов в юнкерские училища, лучшие из них поступали в шестой класс кадетских корпусов.

Создание воинских формирований из кавказских выходцев и открытие в них школ было приоритетом в образовательной политике российских властей во второй четверти XIX в. Кадетские училища и воинские формирования стали главной площадкой для подготовки кадров из горцев, что было необходимо для поддержки

пророссийской политики. Однако в отношении этих усилий имперских властей, проявилось неоднозначное отношение со стороны местного населения.

В 1828 г. для усиления влияния на присоединенные кавказские территории был сформирован лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества конвоя, предназначенный для несения конвойной службы при царском дворе. Еще в 1836 г. командующий войсками Кавказской линии и в Черномории генерал А.А. Вельяминов, писал шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, «что всякий горец, как бы ни был уважаем в своем народе, теряет уважение и доверенность, как скоро начнет действовать согласно с видами нашего правительства... Это однако же не означает, чтобы бесполезно было бы брать в Конвой горцев; многие из них, по возвращении, могут по крайней мере быть употребляемы как тайные агенты» [Петин 1899: 94–95]. Отношение горцев к образовательной политике и военным формированиям раскрывается в «Записке о службе узденя кабардинского майора Шарданова российскому правительству», где он пишет: «В 1826 году когда Высочайше повелено было составить горской гвардейской полу-эскадрон, генерал Эмануель прибыл сам в Кабарду вместе с Султаном Азамат-Гиреем собрав всех кабардинских князей и узденей и всех старшин балкарских, хуламских, безенгиевских, чегемских и урусбиевских, он объявил им волю Государя, все князья уздени и старшины, единодушно отказались участвовать в составе полу-эскадрона генерал Эмануель три дня ходил их упрашивать без успешно, посылал местного начальника полковника Коцарева убедить их, и так же безуспешно и не сделав ничего уехал в Тахтамыш, тогда полковник Коцарев поручил мне явиться в собрание и попытаться склонить оное на предложение Государя, я добрыми внушениями успел убедить их, так что на другой день все собрание явилось к полковнику Коцареву, объявило свое согласие и тут же был назначен весь состав полу-эскадрона» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 343. Л. 62 об.]. Если в 20–30-е гг. к конвою было отношение как описывали Я.М. Шарданов и А.А. Вельяминов то впоследствии «представители самых известных родов оспаривали право вступить в ряды «царского конвоя», многие по несколько лет числились кандидатами, часто использовались личные знакомства и протекции высокопоставленных лиц» [Глашева 2018: 84].

Первая команда Конвоя была сформирована по высочайшему повелению в городе Ставрополе 18 сентября 1828 г. командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории генералом от кавалерии Г.А. Эмануэлем. В мае 1829 г. лейб-гвардии Кавказско-горский взвод под началом ротмистра Султана Азамат-Гирея, прибыл в Санкт-Петербург. В состав взвода входили: три обер-офицера, один эфенди, шесть юнкеров (унтер-офицеров), 40 оруженосцев и 23 нестроевых служителя при 49 строевых и 30 заводских лошадях [Петин 1899: 48; Шомахов 2009: 46]. Полуэскадрон «комплектовался из представителей почетных фамилий, по одному или более от каждого племени» [Голушкин 2004: 25]. 30 апреля 1830 г. император Николай I утвердил «Положение о лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне» [ПСЗРИ. Собр. II. 1830. Т. V. Отд. 1-е. № 3641. СПб., 1831. С. 379], в котором определялась организационно-штатная структура подразделения. В него включили князей и узденей Большой и Малой Кабарды, представителей знатных фамилий чеченцев, кумыков, лезгин, ногайцев и других кавказских народов. Полуэскадрон был разбит на группы по народностям, в каждой из которых имелся свой старший начальник. Подчинялся полуэскадрон с августа 1829 г. командующему Императорской Главной квартирой, начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-адъютанту А.Х. Бенкендорфу. Согласно штатам 1830 г. в подразделении полагались 5 офицеров, 9 юнкеров, 40 оруженосцев, 3 трубача, 1 эфенди, 1 казначей [Кудашев 1913: 123]. Указом 6 октября 1837 г. «О комплектовании людьми лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона» [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 1-е. № 10570. СПб., 1838.

С. 766], император, внес изменения: 1. Одну половину лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона комплектовать людьми из Кавказско-Горского полка, к действующей армии прибывать долженствующая, высылая для сего в С.-Петербург, через каждые два года, по 12 человек из знатнейших горских фамилий, преимущественно таких, кои имеют влияние на народ свой; комплектование же другой половины того полуэскадрона оставить по-прежнему на обязанности кавказского начальства; 2. Комплектование это начать тогда, как Кавказско-Горский полк, в полном его составе, соберется в Варшаву [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 1-е. № 10570. СПб., 1838. С. 766].

10 февраля 1841 г. представители кабардинской знати через Кабардинский временный суд обратились к начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору А.Г. Пирятинскому (1833–1841) с инициативой открытия в Нальчикской крепости училища. Разработанный проект был основательно доработан в ходе длительного обсуждения на различных уровнях, прежде чем попасть на рассмотрение военного министра, а затем императора. После получения отрицательного «высочайшего» решения, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, генерал-лейтенант В.О. Гурко, обратился к главнокомандующему на Кавказе, А.И. Нейдгардту (1842–1844), с просьбой убедить власти в Петербурге пересмотреть свою позицию по поводу просьбы кабардинцев. В своем рапорте о необходимости устройства школы в Нальчике он писал, «что кабардинцы по обычной им народной гордости, едва ли согласятся отдать детей своих в кантонистские школы, а между тем они уже заготовили и доставили на место все материалы для постройки школы и потому, отказ в учреждении ее неминуемо огорчит их» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 232]. В связи с этим, он снова ходатайствовал о разрешении основать в Нальчике школу для детей кабардинцев.

Из «Краткой записки дела об учреждении в Нальчике школы для обучения русскому языку детей кабардинских князей и первостепенных узденей № 42 за 1842 г.», видно, что в «октябре месяце 1842 г. господин бывший командующий Кавказского корпуса, представил предложение об учреждении в Нальчике школы, для обучения от 20 до 35 кабардинских детей» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 215]. Главное попечение над школою возлагалось на «начальника Центра Кавказской линии, председателя Кабардинского временного суда и народного эфендия. Устройство школы и содержание в оной воспитанников кабардинцы изъявляли желание принять на свой счет, потребных на возведение зданий для заведения, на общественную сумму, выручаемую за вывоз и продажу частными лицами леса» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 215]. В последовавшем высочайшем соизволение выставлялось «непременное условие, чтобы в число воспитанников поступала из горцев одна только половина, а другая назначена была преимущественно из детей русских дворян и обер-офицер, с допущением однако хотя нескольких сыновей отличнейших урядников линейного казачьего войска» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 215 об.]. Начало строительства школы откладывалось, по разным причинам, в том числе из-за смены командующего войсками. Новый начальник Центра Кавказской линии В.С. Голицын в своем рапорте новому командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Завадовскому объяснял задержку строительства школы частой сменой в его управлении инженер-офицеров.

За два года часть заготовленного строительного материала была использована, другая частью пришла в негодность. В 1845 г. начальник Центра Кавказской линии В.С. Голицын доносил командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Завадовскому, что для строительства школы необходима закупка нового материала. Он подчеркивал, что местное дерево плохого качества и предпочтительней будет каменная постройка. «Но для сооружения каменного здания администрации требовались каменщики, а главное – умелый архитектор.

Наем такого количества специалистов неизбежно привел бы к огромным финансовым издержкам» [Народное образование... 2001: 45–46]. В связи с недостаточным финансированием, российская администрация была вынуждена отложить строительство школы. Разработка положения о школе с подробным расчетом расходов, необходимых для ее содержания, была поручена комитету, созданному при штабе войск на Кавказе. Ему предстояло разработать предложения о составе, состоянии и средствах школ, учрежденных при войсках Отдельного Кавказского корпуса, и о мерах к их улучшению.

В течение 1844 г. шла переписка между командующим Отдельного Кавказского корпуса и начальником Черноморской береговой линии по согласованию постройки школ в Анапе на 25 воспитанников детей горцев преимущественно из племени адиге; в Бомборах для обществ абхазского племени; в Озургетах для гурийцев и мингрельцев на постройку необходимых для школ помещений было выделено 42077 рублей 96¹/₂ копеек серебром» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 262]. Эта работа продолжалась и в 1846 г. в канцелярии Военного министерства, где рассматривались дела об учреждении школ на Кавказе: «1) Дело 1843 г. об общем устройстве всей учебной части за Кавказом. Оно возникло в следствии соглашения господ министров военного и просвещения, по коему все сведения обоими министерствами, препровождена к генерал-адъютанту князю Воронцову, для предварительного, смета начертания проекта положения для сей части о чем 1843 г. же уведомлен был управляющий Временным Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 2) Об учреждении в Нальчике особой школы для обучения русскому языку детей кабардинских князей; 3) Об учреждении на Черноморской береговой линии, для обучения детей туземных жителей, оба эти дела переданы в Кавказский комитет в минувшем году; и 4) Об учреждении школы в закубанском поселении. Дело это передано в Департамент военных поселений» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 218–218 об.].

В марте 1847 г. решение об учреждении в Нальчике школы для детей кабардинцев было отменено. Взамен на основании высочайшего повеления предлагалось учредить «школу военных воспитанников» состоящую из двух отделений: из 75 человек, из коих 25 детей кабардинцев, 25 детей русских чиновников и урядников и 25 кантонистов [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 234].

Начиная с конца 40-х гг. XIX в. кавказская администрация начала реформирование системы образования. В соответствии с вступившим в силу новым положением, высшее управление регионом находилось в ведение кавказского наместника и Кавказского комитета под председательством А.И. Чернышева. Деятельность М.С. Воронцова на посту наместника ознаменовалась значительным вкладом в развитие образовательной системы, что было обусловлено его пристальным вниманием к данной сфере. При его содействии 18 декабря 1848 г. было принято «Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подведомственных» [ПСЗРИ. Собр. II. 1848. Т. XXIII. Отд. 2-е. № 22838. СПб., 1849. С. 96–112], был учрежден Кавказский учебный округ, подчинявшийся кавказскому наместнику и Министерству народного просвещения. В Кавказском учебном округе были объединены закавказская и северокавказская части Кавказа. Централизация руководства и сосредоточение его непосредственно в Кавказском регионе позволило оперативно реагировать на возникающие потребности образования во всем регионе, проводить единую образовательную политику. Среди мер, которые способствовали бы развитию образования, было предложено увеличить количество учебных заведений и воспитательных учреждений, привлечь квалифицированных учителей с высокой зарплатой.

11 июня 1849 г. было принято «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи» [ПСЗРИ. Собр. II. 1849. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23307. СПб., 1849. С. 313–323],

особо отмечалось, что «обучение их в высших специальных учебных заведениях, сверх общих видов распространения просвещения в крае, имеет еще особую местную цель, а именно: приуготовление сыновей кавказских и закавказских жителей привилегированного сословия к занятию разных, даже высших должностей по всем родам службы на Кавказе и Закавказьем» [ПСЗРИ. Собр. II. 1849. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23307. СПб., 1849. С. 313].

В конце 40-х гг. XIX в. опять вернулись к проекту создания школы в Нальчике. М.С. Воронцов определил местом для создания школы – станицу Екатериноградскую мотивировав перенос ее за пределы Кабарды необходимостью «устранив детей кабардинцев от постоянного влияния их родственников и вообще одноплеменников, предоставить более возможности к сближению с нами и усвоению понятий и обычаев наших» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 238]. Т.Х. Кумыков считал, что данная политическая линия отражала «всю сущность русификаторской политики правительства» [Кумыков 2002: 350]. По всей видимости, под русификаторской политикой понимается целенаправленное воспитание будущей элиты, которая будет придерживаться пророссийских позиций. Открытие школы в Екатериноградской станице вызвало недовольство среди кабардинцев и оказалось делом не более легким, чем устройство ее в Нальчике. К этому прибавилось нежелание кабардинцев отпускать детей так далеко. Поэтому наместник вернул проект учреждения школы в Нальчик [Урушадзе 2015: 326].

В результате длительной переписки между Петербургом, Тифлисом и Нальчиком усилия кавказского начальства увенчались успехом. Школа должна была состоять из двух отделений: для солдатских детей и для детей знати по недостатку средств от первого отделения организаторы учебного заведения отказались. По причине возникших финансовых затруднений, как пояснил главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, школа учреждалась только для детей привилегированных сословий народов подведомственных Центру Кавказской линии. Ответственность за проведение отбора кандидатов в Нальчикскую (Кабардинскую) школу была возложена на начальника Центра Кавказской линии, Г.Р. Эривова. Из его уведомления приставу балкарского народа Хоруюеву следует, что школа из «кабардинского и горского юношества будет открыта 20 ноября сего года на основании утвержденного господином главнокомандующим положения на число 25 воспитанников, а потому прошу вас объявить всем родителям княжеских и узденских фамилий, для коих основана эта школа, что если кто пожелает отдать своих детей, чтобы их доставили в Нальчик к 15 ноября сего года и сами лично или с доверенными прямо ко мне» [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 3. Л. 181]. Такие же уведомления получили приставы дигорского, карачаевского народов и Малой Кабарды [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1018. Л. 17].

Из-за финансовых трудностей Нальчикская (Кабардинская) школа начала свою работу 1 января 1851 г., на 25 мест. В школе обучались дети от 9 до 16 лет, под руководством двух учителей, заведовал школой инспектор Кельчевский. В двухклассном учебном заведении изучали Закон Божий, русский, арабский и турецкий языки, а также арифметику, географию, историю, рисование. Целью обучения была подготовка к экзамену, необходимому для поступления на военную службу в звании унтер-офицера [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1018. Л. 6]. Школа финансировалась за счет средств Кабардинской общественной суммы. Среди учеников были представители разных народов: кабардинцы (Большой и Малой Кабарды), грузины (сваны), балкарцы, карачаевцы и осетины (дигорцы). Сведений о присутствии в школе представителей других национальностей, кроме горцев, в первоначальных списках не найдено, хотя отдельные документы указывают на наличие русских учеников. Из ведомости на 25 февраля 1851 г. в школе состояло: кабардинцев – 2, дигорцев – 4, балкарцев – 3, карачаевцев – 2, сванет – 1 [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1018. Л. 37]. Несмотря на то, что Нальчикская (Кабардинская)

школа просуществовала всего 10 лет, она оказала заметное влияние на образование горских народов Центрального Кавказа. По мнению Т.Х. Кумыкова, «она возникла как национальная, но функционировала как интернациональная» [Кумыков 1996: 213]. В 1860 г. школа была преобразована в Нальчикскую окружную горскую школу.

Подводя итог, хочется отметить, что результатом образовательной политики первой половины XIX в. были уездные училища в Георгиевске, Моздоке, Кизляре, Екатеринодаре, а также гимназии Екатеринодарская и Ставропольская. Данные учебные заведения готовили студентов для учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы и других городов России. В 1849 г. для детей горской знати было выделено около 150 мест [Историческая записка... 1887: 141–142].

Светское образование, начавшееся с аманатских школ, складывалась как система начальных образовательных учреждений, где осуществлялась подготовка кадров из горцев для военной и гражданской службы на Кавказе. Образование, которое получали, горцы в военных и светских учебных заведениях было, призвано подготовить из них не просто лояльных России управленцев и военных, но и сформировать у представителей зарождающейся северокавказской интеллигенции новое понимание воинского и административного долга, видя в служении России идею служения собственной родине.

Список источников и литературы

Айларова 2009 – *Айларова С.А.* Об одном урбанистическом проекте Ф.А. Бековича-Черкасского // *Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.* 2009. № 3. С. 105. С. 99–106.

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук.

Бентковский 1887 – *Бентковский И.В.* Император Николай I в Ставрополе // *Ставропольские губернские ведомости.* 1887. № 42. 17 октября. С. 1–2.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. 543 с.

Галушкин 2004 – *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества конвой / Под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004. 416 с.

Гатагова 1993 – *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993. 141 с.

Глашева 2018 – *Глашева З.Ж.* Горская аристократия в составе императорской армии // *Военно-исторический журнал.* 2018. № 10. С. 81–85.

Глашева 2024 – *Глашева З.Ж.* Зарождение и развитие светского образования у народов Центрального Кавказа в конце XVIII в. – первой половине XIX в. // *Вестник Академии наук Чеченской Республики.* 2024. № 4 (67). С. 25–33.

Дьяков 1958 – *Дьяков В.А.* «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем» // *История СССР.* 1958. № 5. С. 174–178.

Историческая записка... 1887 – *Историческая записка о Ставропольской гимназии / Сост. М.В. Краснов.* Ставрополь-Казанский, 1887. 321 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе: воеводы и офицеры: середина XVI – начало XX в.: биографический справочник. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 405 с.

Клычников 2002 – *Клычников Ю.Ю.* Адыгские просветители – носители идей российской культуры // *Вопросы северокавказской истории (научный сборник).* Армавир, 2005. Вып. 10; *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. 494 с.

Клычникова 2006 – *Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю.* Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006. 157 с.

Копачев 1964 – *Копачев И.П.* Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии в XVIII – 30-х годах XX века. Нальчик, 1964. 179 с.

- Краснов 1913 – *Краснов М.В.* Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913. 102 с.
- Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев: Типо-Лит. С.В. Кульженко, 1913. 283 с.
- Кумыков 1996 – *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 325 с.
- Кумыков 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкар-карачаевцев в XIX начале – XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 446 с.
- Народное образование... 2001 – Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX в. Сборник архивных документов / Сост. М.З. Саблиров. Нальчик, 2001. 272 с.
- Петин 1899 – *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1911: исторический очерк. СПб., 1899. 436 с.
- Шомахов 2009 – *Шомахов А.К.* Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон – элита Собственного Его Императорского Величества конвоя // Теория и история права и государства. 2009. № 1. С. 46–48.
- ПСЗРИ. – Полное собрание законов Российской империи.
- Пылков 2006 – *Пылков О.С.* О подготовке горцев-военных в Новороссийской азиатской школе в середине XIX в. (по материалам ГАКК) // Вопросы южнороссийской истории. М.–Армавир, 2006. Вып. 12. 186 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Титоренко, Шкилева 2008 – *Титоренко М.Ф., Шкилева О.Г.* К вопросу развития образования у мусульман Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Голос минувшего. Краснодар, 2008. № 3–4. С. 26–37.
- Умаров 2023 – *Умаров Д.В.* Образовательная политика Российской империи на Кавказе в середине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2023. № 1 (60). С. 39–42.
- Урушадзе 2015 – *Урушадзе А.Т.* Нальчикская школа: трудный путь к открытию // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 322–328.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

References

- AJLAROVA S.A. *Ob odnom urbanisticheskom proekte F.A. Bekovicha-Cherkasskogo* [About an urban project by F.A. Bekovich-Cherkassky] // *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarny`x i social`ny`x issledovanij*. 2009. № 3. S. 105. P. 99–106. (In Russian)
- Akty` Kavkazskoj arxeograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeological Commission].
- Arxiv Instituta gumanitarny`x issledovanij Kabardino-Balkarskij nauchny`j centr Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].
- BENTKOJSKIJ I.V. *Imperator Nikolaj I v Stavropole* [Emperor Nicholas I in Stavropol] // *Stavropol`skie gubernskie vedomosti*. 1887. № 42. 17 oktyabrya. P. 1–2. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy` dlya novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803] SPb., 1869. 543 p. (In Russian)
- GALUSHKIN N.V. *Sobstvenny`j Ego Imperatorskogo Velichestva konvoj* [His Imperial Majesty's own convoy] / Pod red. P.N. Strelyanova (Kalabuxova). M., 2004. 416 p. (In Russian)
- GATAGOVA L.S. *Pravitel`stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX veke* [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M., 1993. 141 p. (In Russian)
- GLASHEVA Z.Zh. *Gorskaya aristokratiya v sostave imperatorskoj armii* [The Highland aristocracy in the Imperial army] // *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 2018. № 10. P. 81–85. (In Russian)
- GLASHEVA Z.Zh. *Zarozhdenie i razvitie svetskogo obrazovaniya u narodov Central`nogo Kavkaza v konce XVIII v. – pervoj polovine XIX v.* [The origin and development of secular education among the peoples of the Central Caucasus in the late 18th century – the first half of the 19th century] // *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 2024. № 4 (67). P. 25–33. (In Russian)

D'YAKOV V.A. «*Zapiski o Cherkessii, sochinenny'e Khan-Gireem*» [«Notes on Circassia, composed by Khan-Giray»] // Istoriya SSSR. 1958. № 5. P. 174–178. (In Russian)

Istoricheskaya zapiska o Stavropol'skoj gimnazii [Historical note about Stavropol Gymnasium] / Sost. M.V. Krasnov. Stavropol'–Kazanskij, 1887. 321 p. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Ady'gi (cherkesy') na rossijskoj voennoj sluzhbe: voevody` i oficery` : seredina XVI – nachalo XX v.: biograficheskij spravochnik* [Adygs (Circassians) in Russian military service: military leaders and officers: the middle of the XVI – early XX century.: biographical reference]. Nal'chik: E'l'-fa, 2006. 405 p. (In Russian)

KLY'CHNIKOV Yu.Yu. *Ady'gskie prosvetiteli – nositeli idej rossijskosti* [The Adyghe enlighteners are the bearers of the ideas of Russianness] // *Voprosy` severokavkazskoj istorii (nauchny`j sbornik)*. Armavir, 2005. Vy`p. 10; Kly'chnikov Yu.Yu. *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)*. Pyatigorsk, 2002. 494 p. (In Russian)

KLY'CHNIKOVA M.V., KLY'CHNIKOV YU.YU. *Vxozhdenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777–1864 gg.)* [The entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777–1864)]. Pyatigorsk, 2006. 157 p. (In Russian)

KOPACHEV I.P. *Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarii v XVIII – 30-x godax XX veka* [The development of school education in Kabardino-Balkaria in the XVIII – 30s of the XX century]. Nal'chik, 1964. 179 p. (In Russian)

KRASNOV M.V. *Prosvetiteli Kavkaza* [Enlighteners of the Caucasus]. Stavropol', 1913. 102 p. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. Kiev: Tipo-Lit. S.V. Kul'zhenko, 1913. 283 p. (In Russian)

KUMY'KOV T.X. *Kul'tura, obshhestvenno-politicheskaya my'sl' i prosveshhenie Kabardy` vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the 19th – early 20th century]. Nal'chik: E'l'brus, 1996. 325 p. (In Russian)

KUMY'KOV T.X. *Obshhestvennaya my'sl' i prosveshhenie ady'gov i balkaro-karachaevcev v XIX nachale – XX v.* [Public thought and education of the Adygs and Balkarian-Karachays in the 19th and early 20th centuries]. Nal'chik: E'l'brus, 2002. 446 p. (In Russian)

Narodnoe obrazovanie v Kabarde i Balkarii v XIX – nachale XX v. [Public education in Kabarda and Balkaria in the 19th and early 20th centuries]. *Sbornik arxivny`x dokumentov / Sost. M.Z. Sablirov*. Nal'chik, 2001. 272 p. (In Russian)

PETIN S.I. *Sobstvenny`j Ego Imperatorskogo Velichestva konvoj. 1811–1911: istoricheskij ocherk* [His Imperial Majesty's own convoy. 1811–1911: a historical sketch]. SPb., 1899. 436 p. (In Russian)

SHOMAKHOV A.K. *Lejb-gvardii Kavkazsko-Gorskij polue`skadron – e`lita Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva konvoya* [The Caucasian-Mountain Half-Squadron of the Life Guards is the elite of His Imperial Majesty's Own convoy] // *Teoriya i istoriya prava i gosudarstva*. 2009. № 1. P. 46–48. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire].

PY'LKOV O.S. *O podgotovke gorcev-voenny`x v Novorossijskoj aziatskoj shkole v seredine XIX v. (po materialam GAKK)* [On the training of military mountaineers at the Novorossiysk Asian School in the middle of the 19th century (based on the materials of the GAKK)] // *Voprosy` yuzhnorossijskoj istorii*. M.; Armavir, 2006. Vy`p. 12. 186 p. (In Russian)

Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv [Russian State Military Historical Archive].

Rossijskij gosudarstvenny`j istoricheskij arxiv [Russian State Historical Archive].

TITORENKO M.F., SHKILEVA O.G. *K voprosu razvitiya obrazovaniya u musul`man Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX v.* [On the development of education among Muslims of the North Caucasus in the 19th and early 20th centuries] // *Golos minuvshogo*. Krasnodar, 2008. № 3–4. P. 26–37. (In Russian)

UMAROV D.V. *Obrazovatel'naya politika Rossijskoj imperii na Kavkaze v seredine XIX v.* [The educational policy of the Russian Empire in the Caucasus in the middle of the 19th century] // *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 2023. № 1 (60). P. 39–42.

URUSHADZE A.T. *Nal'chikskaya shkola: trudny`j put` k otkry`tiyu* [Nalchik school: a difficult path to opening] // *Lavrovskij sbornik: Materialy` XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskix chtenij 2014–2015 gg.* E`tnologiya, istoriya, arxeologiya, kul'turologiya. SPb.: MAE`RAN, 2015. P. 322–328.

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arxiva Kabardino-Balkarskoj Respubliki
[Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic].

Информация об авторе

З.Ж. Глашева – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

Z.Zh. Glasheva – Candidate of Science (History), Research Fellow in the Sector of Contemporary History.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-46-56

**ФОРМИРОВАНИЕ СТИПЕНДИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ
В 1860–1880-х гг.**

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© Д.Н. Прасолов, 2025

Аннотация. В статье рассматривается одно из направлений общественного участия в организационно-финансовом обеспечении различных образовательных процессов у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивных источников из УЦГА АС КБР и ЦГА РСО-Алания показаны основные формы стипендиальной поддержки, осуществляемой через взаимодействие кавказских властей Российской империи и самобытного института окружного самоуправления – съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Источником общественного софинансирования являлась Кабардинская общественная сумма. За счет ее средств обеспечивались индивидуальная стипендиальная поддержка обучения Х. Абаевой и Ф. Шакмановой в заведении им. Св. Нины в Тифлисе, А. Шаханова в военно-медицинской академии и др. В 1870-х гг. решениями съездов доверенных были санкционированы финансирование фонда на 10 стипендиатов для специального педагогического отделения при Нальчикской окружной горской школе, а также учреждена Лорис-Меликовская стипендия, за счет средств которой высшее образование получали Х.-М. Тавкешев, С. Урусбиев и Э. Кудашев. Установлено, что эффективность софинансирования, направленного на формирование общественно-полезных профессиональных кадров из кабардинцев и балкарцев, ограничивалась тем, что большинство стипендиатов продолжали свою деятельность за пределами Нальчикского округа.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Кабардинский округ, Нальчикский округ, кабардинская общественная сумма, общественное софинансирование, Съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Формирование стипендиальной поддержки в просветительских практиках кабардинцев и балкарцев в 1860–1880-х гг. // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 46–56. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-46-56

Original article

**THE FORMATION OF SCHOLARSHIP SUPPORT
IN THE EDUCATIONAL PRACTICES OF THE KABARDIN AND BALKAR PEOPLES
IN THE 1860–1880**

Dmitry N. Prasolov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© D.N. Prasolov, 2025

Abstract. The article examines one of the areas of public participation in the organizational and financial support of various educational processes among the Kabardians and Balkars in the second half of the 19th and early 20th centuries. Based on archival sources from the Utsga AS KBR and Tsga RSO-Alania, the main forms of scholarship support provided through the interaction of the Caucasian authorities of the Russian Empire and the indigenous institution of district self-government – the congress of entrusted of Greater and Lesser Kabarda and the Five Mountain Societies – are shown. The source of public co-financing was the Kabardian public fund. Its funds were used to provide individual scholarship support for the education of H. Abaeva and F. Shakmanova at the St. Nina Institute in Tiflis, A. Shakhmanova at the Military Medical Academy, and others. In the 1870s, decisions by congresses of trustees authorized the financing of a fund for 10 scholarship recipients for a special pedagogical department at the Nalchik District Mountain School, and the Loris-Melikov Scholarship was established, which provided higher education to H.-M. Tavkeshev, S. Urusbiev, and E. Kudashev. It has been established that the effectiveness of co-financing aimed at training socially useful professionals from among the Kabardians and Balkars was limited by the fact that most of the scholarship recipients continued their activities outside the Nalchik district.

Keywords: Kabardians, Balkars, Kabardin District, Nalchik District, Kabardin public fund, public co-financing, Congress of Entrusted of Greater and Lesser Kabarda and Five Mountain Communities

For citation: Prasolov D.N. The formation of scholarship support in the educational practices of the kabardin and balkar peoples in the 1860–1880. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 46–56. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-46-56

На финальной стадии военно-политических усилий российского командования по покорению Северо-Восточного Кавказа в политике империи происходит корректировка подходов по социокультурной интеграции горских народов. В 1858 г. Военным министерством был пересмотрен порядок расходования средств на обучение выходцев из горских народов в корпусах, а высвобождаемые казенные средства переданы на усиление имеющиеся в крае учебные заведения, прежде всего на Ставропольскую и Екатеринодарскую гимназии [Народное образование... 2001: 59]. Одним из факторов расширения данного канала социальной мобильности стала возможность использовать дополнительные источники финансирования, в частности Кабардинскую общественную сумму (далее – КОС). В число инициатив, в немалой степени ориентированных на политическую социализацию нового поколения социальной элиты кабардинцев и балкарцев, вошли ассигнования на Кабардинскую школу, открытую в 1851 г. в Нальчике [Глашева 2022; Прасолов 2023: 46-47], а также софинансирование из средств КОС обучения кабардинцев и балкарцев в Ставропольской гимназии [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 47. Л. 36–36 об.; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1060. Л. 1–8], а впоследствии и в других учебных заведениях Кавказского края. Имперские власти последовательно интегрировали финансовый капитал в региональные просветительские практики. «Положение» о КОС, утвержденное наместником на Кавказе кн. А. Барятинским в 1859 г., в п.13 особо предписывало отчисление «суммы, потребной на содержание кабардинской школы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп.1. Д. 5. Л. 4–5]. В 1860 г. с открытием Нальчикской окружной горской школы 25 ее пансионеров из «детей туземных князей и узденей», сверх 10-ти казенных, софинансировались «на счет Кабардинской общественной суммы» [АКАК. Т. XII: 659].

Одними из первых персональных получателей регулярной и длительной финансовой помощи из КОС на образование за пределами Кабардинского округа стали Фуза Шакманова и Ханифа Абаева, обучавшиеся в пансионе имени Св. Нины в Тифлисе. Оказываемая им финансовая поддержка выходила за рамки денежного пособия на образование и стала средством общественно-государственного попечения.

Первоначально оба места в пансионе Св. Нины предполагались для дочерей корнета Асланбека Абаева. Поддерживая его ходатайство об устройстве образования для дочерей, начальник Кабардинского округа отмечал перспективность

данного начинания для общего развития российской образовательной политики в крае: «Примеру Абаева, пренебрегшего фанатическим убеждением своих единоверцев-магометан и закоснелыми предрассудками кавказских горцев, считающих женщин без прав на образование и без голоса даже в семействе, может быть, последуют и некоторые другие жители магометане кавказских племен, и таким образом шаг, сделанный Абаевым, будет иметь благодетельное влияние на магометанский мир здешнего края. Дело это я считаю столь важным, что не могу не выразить желанья, чтобы разрешение на определение этих юных магометанок в заведение последовало по возможности в непродолжительное время и чтобы Абаев удостоен был милостивым вниманием и лестным отзывом начальства» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 1 об.]. Поддержав ходатайство, Командующий Кавказской армией предписал, «чтобы причитающиеся за воспитание их в этом заведении деньги уплачивались» из КОС [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 3].

Однако «корнет Абаев привез в Нальчик только младшую дочь Ханифу, а старшую раздумал, потому что жена его не решилась с нею расстаться. В это время явились родственники умершего таубия подпоручика Умара Шакманова и просили ходатайства о его дочери Хужь» (Фузы). Они нашли в этом поддержку у высшего Кавказского начальства и добились ее определения в заведение св. Нины «на счет Кабардинской суммы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 8]. С июня 1862 г. содержание Х. Абаевой и Ф. Шакмановой оплачивалось по 100 руб. в год [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 20–20 об.]. С 1 сентября 1871 г. содержание пансионеров было увеличено до 150 руб. в год [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 87]. В феврале 1872 г. начальник округа обратился к руководству учебного заведения с просьбой разрешить Х. Абаевой и Ф. Шакмановой «для более закончателного [так в оригинале. – Д.П.] образования остаться по окончании курса наук еще на год в заведении для слушания педагогических курсов, в каком случае озабочусь приискать им занятия соответствующие их специальному образованию в деле воспитания» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 93–96]. Х. Абаева в ноябре 1872 г. неожиданно, но с разрешения попечительницы пансиона св. Нины вел. кн. Ольги Федоровны, супруги наместника на Кавказе вел. кн. Михаила Николаевича, вышла замуж за учителя Бакинской гимназии Г.-Б. Меликова. Не использованные ею общественные средства были возвращены в КОС [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 104–105].

С начала 1870-х гг. ассигнования на образовательные нужды стали оформляться решениями Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, которые вступали в силу после утверждения вышестоящих кавказских властей. 20 декабря 1875 г. «почетные жители Большой и Малой Кабарды и горских обществ по доверенности от народа», по настоянию начальника округа составили приговор, которым, учитывая «безвыходное положение нашей единоплеменницы девицы Фузы Шакмановой, определенной в малолетстве по желанию родителей и народа в заведение св. Нины и окончившей в оном курс в 1873 году, ныне оставшейся сиротою без всяких средств к жизни», продлили ей ежегодное пособие в 300 руб. «впредь до выхода ее в замужество». Таким образом, Ф. Шакманова продолжила получать даже более значительное и теперь уже не образовательное, а, непосредственно, социальное пособие. Оно стало формой общественного попечения и, возможно, одновременно профессионального поощрения, поскольку в 1875–1876 гг. Фуза работала учительницей в сельской школе сел. Куденетово 1-го [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 237. Т. 2. Л. 350]. В мае 1876 г. начальник Терской области сообщал в ответе на запрос департамента главного управления наместника кавказского, что Ф. Шакманова, не имея родных, проживает в Нальчике у посторонних «и дает некоторым кабардинским мальчишкам уроки русской грамоты» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 77. Д. 51. Л. 41–42]. Декабрьский съезд

доверенных 1877 г. упразднил три сельские школы в округе [Народное образование... 2001: 73–103], а в скором времени частью представителей сельских обществ была предпринята попытка прекратить и общественное пособие их учительнице. В мае 1878 г. начальнику округа рассмотрел «личную просьбу, заявленную некоторыми доверенными от народа Большой и Малой Кабарды и горских обществ о прекращении пособия, производимого из Кабардинской общественной суммы девице Фузе Шакмановой по 300 руб. в год впредь до выхода ее в замужество» и «нашел прекращение производства помянутого пособия Шакмановой неосновательным» [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 7. Л. 49]. Данные, подтверждающие продолжение выплат, не известны. В 1878 г. Ф. Шакманова вышла замуж за осетинского юриста и общественного деятеля И. Шанаева [Дзидзоев 2007: 8].

В 1869 г. Абаю Шаханову было предоставлено пособие из КОС в 300 р. для учебы в Петербургской медико-хирургической академии. Общественное финансирование осуществлялось с условием, что по окончании курса учения стипендиат будет «обязан прослужить обществу Кабардинского округа 6 лет с содержанием от общества в одно трехлетие наравне с младшими, во второе трехлетие наравне со старшими медиками, состоящими на казенной службе». Общественное содержание А. Шаханову из КОС назначили по ходатайству кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича решением Кабардинского окружного суда [Этюды... 2007: 213]. В 1871 г. сумма пособия достигала 450 руб. и включала расходы в 300 руб. собственно на стипендию, 100 руб. на поездку за границу и 50 руб. «за слушание лекций» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 77. Д. 12. Л. 12]. В 1871 г. на его поездку за границу предусматривалось 107 руб. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 4. Д. 14. Л. 138]. В расходах КОС за август 1872 г. значилась статья расходов на обучение А. Шаханова в сумме 500 руб. «на три года» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 125. Л. 54]. По данным Т.Ш. Биттировой, в последние два года А. Шаханову выплаты прекратились и после окончания Академии в 1876 г. он продолжил военно-медицинскую службу в российской армии [Этюды... 2007: 214].

Весной 1871 г. начальником Терской области был положительно решен вопрос о зачислении Кайтуко Абаева, брата прапорщика таубия Султанбека Абаева, пансионером на счет КОС во Владикавказское ремесленное Лорис-Меликовское училище [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1072. Л. 34–35] с ассигнованием 340 руб. ежегодно в 1871–1877 г. В 1875 г. по распоряжению наместника на Кавказе вел. кн. Михаила Николаевича выплата данной суммы сохранялась, когда К. Абаев продолжил обучение в московском железнодорожном техническом училище [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 77. Д. 40. Л. 77–78].

Кратковременным стипендиальным проектом стало финансирование из КОС слушателей учительских курсов, действовавших при Нальчикской окружной горской школе в 1876–1877 гг. По ходатайству съезда доверенных в 1873 г. в Нальчикской горской школе «с 1 сентября 1876 г., для желающих – как еще один год обучения, – было открыто специальное отделение для подготовки учителей аульных школ». Согласно Положению, утвержденному попечителем Кавказского учебного округа, Специальное отделение должно было содержаться преимущественно из суммы Кабардинского общества. Право обучения с разрешения начальника Терской области имели «десять стипендиатов» КОС, которым отпускалось по 100 руб. в год, а также, за счет собственных средств, «стипендиаты других туземных обществ». Условия обучения предусматривали, что «общественные стипендиаты, учившиеся в специальном отделении, обязаны прослужить три года аульными учителями в том обществе, от которого получили стипендии» [Стригуненко 1876]. В течение 1876 г. поступали неоднократные обращения желающих быть зачисленными на специальное отделение. Причем, некоторым соискателям отказывали ввиду несоответствия их этничности педагогической специализации и целевому предназначению стипендиальной поддержки. Так, в ответ

на ходатайство сироты Ивана Змайлова пояснялось, что «специальное отделение учреждено собственно для приготовления аульных учителей и на основании § 2 положения об этом отделении учащиеся содержатся на счет кабардинских общественных сумм и стипендиатами могут поступать исключительно одни туземцы из кабардинцев, которые, по окончании курса обязаны занимать места аульных учителей в Кабарде. Вследствие чего и на основании §3 того же положения Змайлов может поступить в это отделение вольнослушателем за что он обязан вносить ежегодно за право обучения 10 руб., содержа себя на свой счет на частной квартире» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 7. Д. 523. Л. 27–27 об.]. Однако с 1 января 1878 г. курсы были закрыты. 1 марта 1879 г. дирекция народных училищ Терской области докладывала о результатах этого начинания: «курсы подготовки сельских учителей окончили только три ученика за первый год из тех, кто поступал – не доучился никто и желающих к поступлению нет» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 67. Л. 13].

Также средства КОС использовались и для не стипендиальной поддержки обучающихся за пределами округа. В 1869 г. не нашлось желающих поступить на вакансии в сельскохозяйственную школу агронома и садовода Фердинанда Бушека во Владикавказе. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов удивлялся тому, что «горские дети предпочитают практическому образованию по агрономии или садоводству Горские школы или прогимназии» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1072. Л. 5, 8, 15, 17, 9 об.]. Тем не менее, по его же настоянию в 1870 г. начальником кабардинского округа для профильного обучения было отобрано несколько мальчиков, о софинансировании которых последовало распоряжение: «...отнести на Кабардинскую общественную сумму 90,81 р., израсходованные на путевое довольствие и первоначальное обзаведение четырех мальчиков из горцев Кабардинского округа, определенных в сельскохозяйственную школу агронома Бушека» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 4. Д. 14. Л. 120]. С 1871 г. содержание учащихся составляло 150 руб. из КОС [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1072. Л. 36].

В марте 1873 г. во Владикавказе отмечали десятилетие руководства Терской областью М.Т. Лорис-Меликова. В ознаменование регионального юбилея, наряду с чеченцами, ингушами и осетинами, доверенные от кабардинских сельских обществ «решили отчислять ежегодно из своих общественных сумм 450 р. для содержания стипендиата имени Его Превосходительства в одном из русских университетов из детей бедных жителей из Кабарды» [ТВ. 1873. № 13. С. 1]. В юбилейном обращении кабардинцев, в частности, говорилось: «В знак глубокой нашей признательности дозволейте в памятный славный день празднования 10-летней Вашей многотрудной и благотворной для нас деятельности, просить Ваше Превосходительство удостоить нас Кабардинцев и Горцев принять при сем народный приговор на ежегодное отчисление из общественной нашей суммы 450 руб. для воспитания в одном из русских университетов нашего уроженца с тем именно, чтобы назначение таких воспитанников изволили Вы принять на себя и затем старший в роде Вашем и с правом таким нашим единоземцам иметь честь именоваться студентами Лорис-Меликова» [ТВ. 1873. № 15. С. 2]. Учреждение именной стипендии из КОС стало одним из первых примеров политического символизма, который был характерен для просветительских инициатив, когда общественные стипендии ассоциировались с видными представителями имперской администрации. Таким образом объявленные общественные финансовые содействия также превращались и в политический акт. В этой тенденции персонифицировалась общественная признательность и посредством престижной просветительской практики конструировалась традиция коммеморации вклада наиболее важных деятелей из Кавказских властей, сыгравших значительную роль в решении различных проблем кабардинского и балкарского общества.

Какого-либо регулярного или сводного делопроизводства по распоряжению учрежденной общественной стипендией восстановить пока не удалось. Возможно,

450 руб. могли распределяться, в том числе и на поддержку учащихся средних учебных заведений. По приговору декабрьского съезда доверенных 1875 г. сироте Жанхоту Астемирову «на содержание во Владикавказском ремесленном Лорис-Меликовском училище» было выделено ежегодно с 1 января 1876 г. «до окончания курса» по 150 руб. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 77. Д. 51. Л. 4]. Тем же съездом воспитаннику Владикавказского реального училища Мисосту Абаеву была оказана финансовая помощь, но маловероятно, чтобы он являлся лорис-меликовским стипендиатом, поскольку выделенные ему 300 руб. по приговору декабрьского съезда доверенных 1875 г. были единовременным пособием для обучения во Владикавказском реальном училище в то время, как он состоял «приходящим» в Тифлисском Реальном училище [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 77. Д. 51. Л. 41]. Вопрос о применении средств общественного пособия остается непроясненным. Т.Ш. Биттирова приводит данные о том, что 300 руб. из КОС предназначались на обучение М. Абаева в Тифлисском реальном училище и допускала возможность использования денег для нужд подпольной деятельности народников в Сванетии [Карачаево-балкарские... 1993: 148]. Позднее в ее совместном издании с Х.-М. А. Сабанчиевым факты «революционной деятельности» М. Абаева, утверждавшиеся в некоторых работах советских авторов, были описаны более общими характеристиками. Вместе с тем отказ М. Абаеву в зачислении на специальное отделение учительских курсов Нальчикской окружной горской школы также едва ли объяснялся «его активным участием в революционном движении» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 8–10]. Маловероятно, чтобы такая активность имела место в действительности, поскольку впоследствии М. Абаев занимал значимые административные должности в Терской и Кубанской областях, что совершенно исключалось бы, при наличии в его студенческие годы какой-либо антиправительственной деятельности.

Стипендиатом в высшем учебном заведении стал Хаджи-Мурат Тавкешев, обучавшийся с конца 1870-х гг. в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. Переписка о его стипендиальной поддержке позволяет выяснить особенности регламента распоряжения её суммой, которое осуществлялось на основе особого положения, утвержденного Кавказским наместником вел. кн. Михаилом Николаевичем 6 мая 1877 г. Стипендия в размере 450 руб. подлежала перечислению в определенное учебное заведение в начале каждого календарного года не позже 1 февраля. Однако в конце мая 1879 г. директор тогда еще Петровской земледельческой и Лесной академии сообщал, что сумма за текущий год еще не поступала, и просил начальника Терской области о ее высылке, а также, «чтобы на будущее время сумма для выдачи стипендии Лорис-Меликовскому стипендиату высылалась в срок, установленный положением о той стипендии» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 7. Д. 157. Л. 1].

17 июля 1879 г. студент «Петровской академии» Хаджи-Мурат Тавкешев обратился к начальнику Пятигорского округа, в который тогда входила Кабарда, с прошением ходатайствовать перед начальником области о выплате ему полной стипендии: «Как известно... Лорис-Меликовская стипендия, учрежденная из общественной суммы кабардинского народа, своими размерами достигает до 450 руб. Но я получаю всего 300 руб., так как совет Петровской академии, основываясь на правилах этой стипендии, выдает мне только 300 руб., а остальные деньги совет обращает в какой-то академический запасной капитал. Но, имея в виду, что кабардинский народ назначил эту стипендию не для того, чтобы из нее образовали основные капиталы при академии, а желал, назначив такую стипендию, доставить возможность своему стипендиату без затруднения жить и вместе с тем приобретать необходимые учебные пособия, без которых студент не имеет никакой возможности приобретать положительных знаний. Тем более, что жизнь в настоящее время настолько дорога, что нет никакой возможности

жить в продолжение года на 300 рублей» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 7. Д. 157. Л. 4-4 об.].

Однако ходатайство начальника округа начальник области «оставил без удовлетворения ввиду ... Положения об этой стипендии», согласно пунктам которого «п.3 деньги высылаются в академию. Размер денег, потребных на содержание стипендиата, определяется академией; п. 7 Денежные остатки, какие могут образоваться от ежегодных отпусков на содержание лорис-меликовского стипендиата, обращаются в запасной капитал из коего выдаются пособия: а) стипендиатам, с успехом окончившим курс и при том заслужившим своим поведением одобрение начальства и б) тем студентам из горцев Терской области, которые по окончании курса в академии будут заслуживать того по доброй нравственности, хорошими успехами и недостатку средств. Выдаваемое в обоих сих случаях пособие не превышает 100 руб. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 7. Д. 5-7]. О причинах непредоставления Х.-М. Тавкешеву поощрительной части стипендии в документах сведения отсутствуют.

Почти параллельно этой переписке приговором 15 сентября 1879 г. «представители Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ постановили» будущую очередность в предоставлении общественного пособия по заявлению отца другого претендента на стипендию: «Одножитель наш кабардинец Батырбек Шарданов, воспитываясь в Ставропольской гимназии на счет казны и окончив в настоящем году курс наук в той Гимназии с успехом, желает поступить в одно из высших Российских специальных учебных заведений, но родитель его, имея ограниченные средства и других малолетних детей, требующих отцовского попечения и воспитания, не в состоянии дать своему сыну необходимые материальные средства для продолжения образования его; видя такое затруднительное положение молодого человека и зная хорошо средства его отца, мы желаем оказать ему помощь в выдаче денежной субсидии, будучи вполне убежденными, что молодой Шарданов со временем принесет пользу родному краю; но так как существующая Лорис-Меликовская стипендия занята Тавкешевым, поступившим в Петровско-Разумовскую академию, которому остается пробыть в академии два года, то мы определили: до окончания курса Тавкешевым выдавать Шарданову денежные средства из КОС в размере трехсот рублей; по окончании же курса Тавкешевым, существующую Лорис-Меликовскую стипендию утвердить за Шардановым» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 7. Д. 158. Л. 2-3].

По дальнейшему распределению стипендии Лорис-Меликова в литературе остаются противоречия. Т.Ш. Биттирова приводит данные о том, что после окончания курса обучения Х.-М. Тавкешевым в 1880/1881 учебном году следующим получателем стипендии стал Сафарали Урусбиев, обучавшийся до 1885 г. в Петровско-Разумовской академии [Этюды... 2007: 23].

В книге об инженере и общественном деятеле Батырбеке Шарданове в сведениях о его обучении говорится, что, располагая ограниченными средствами, его отец обратился «за финансовой помощью к кабардинским депутатам. На собранные по всей Кабарде деньги Батырбек Шарданов, первым из кабардинцев, был определен на учебу в Институт инженеров путей сообщения». Здесь же приводится фотокопия сопроводительного рапорта начальника Пятигорского округа начальнику Терской области, где упоминался приговор 1879 г. «представителей Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ о выдаче из Кабардинской общественной суммы субсидии на воспитание жителя сел. Шалушкинского Батырбека Шарданова в одном из высших учебных заведений в размере 300 руб. в год, до окончания курса Лорис-Меликовского стипендиата Тавкешева, находящегося ныне в Петровско-Разумовской Академии». Обучение Б. Шарданова в инженерном ВУЗе началось с 1880 г., а Лорис-Меликовским

стипендиатом он стал в 1883 г., но вскоре, предположительно, по семейным обстоятельствам вынужден был прервать учебу на несколько лет [Ващенко 2009: 16–17, 20]. По окончании обучения в 1888 г. Б. Шарданов стал одним из ведущих инженеров Владикавказской железной дороги, но проживал в основном в Екатеринодаре.

Есть основания считать, что пособие Б. Шарданову так и осталось отдельным в номенклатуре общественных стипендиальных проектов. Во-первых, потому что до 1885 г. лорис-меликовская стипендия оставалась целевым финансированием для обучения в Петровско-Разумовской академии. Во-вторых, ввиду наличия более убедительных данных о стипендиате Сафаре Урусбиеве. Факт окончания им Петровско-Разумовской академии также подтверждается его отцом в прошении о дополнительном общественном софинансировании. В мае 1885 г. подпоручик Измаил Урусбиев обратился к начальнику Нальчикского округа с ходатайством «о выдаче пособия в размере двух сот рублей моему сыну студенту Сафару Урусбиеву, окончившему курс в Петровско-Разумовской академии по агрономическому отделу и ныне желающему изучить практическое садоводство в Крыму» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 85. Л. 29–29 об.]. Приговор комиссии, уполномоченной съездом доверенных на решение подобных вопросов, санкционировал выделение единовременного пособия в 200 руб. Однако в июне 1885 г. начальник округа распорядился сократить сумму до 100 руб. и выдать ее И. Урусбиеву только заимообразно из КОС [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 85. Л. 30–31].

В 1880-х гг. после окончания Нальчикской горской школы Эльбуздуко Кудашев около года проработал помощником аптекарского провизора в Нальчике, в 1884 г. экстерном сдал экзамены в Харьковском университете на звание фармацевта и, после непродолжительной практики в петербургских аптеках, ходатайствовал о продолжении повышения квалификации при поддержке стипендии КОС. Приговор съезда доверенных 22 мая 1885 г. постановил: Э. Кудашеву «для окончания им наук в одном из высших медицинских учебных заведений выдавать ему в течение двух лет из КОС по 300 руб. в год с тем, чтобы он по окончании курса в учебном заведении, получивши диплом провизора обязательно за это пособие прослужил в Кабарде безвозмездно два года, если в том встретиться надобность». К этому прибавлялось «отобрать от Эльбуздуко Кудашева подписку о согласии на этих условиях получать пособие» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 85. Л. 39–40]. Соискатель оформил подписку, уточнив: «согласаюсь как и все стипендиаты, отслужить за плату, но никак не безвозмездно» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 85. Л. 82].

Октябрьский съезд доверенных 1885 г. постановил: «так как кабардинцы, окончившие курс учения в Петровско-Разумовской академии по условиям нашей жизни мало приносят населению пользы, то просить ходатайства Начальника округа о передаче из Петровской Разумовской академии кабардинской стипендии имени графа Лорис-Меликова в другое высшее учебное заведение по усмотрению начальника округа» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 7. Д. 157а. Л. 1–3]. В рапорте 24 января 1886 г., сопровождающем приговор на утверждение начальнику Терской области, направление перевода стипендии было конкретизировано: «кабардинской стипендии имени графа Лорис-Меликова в Московском Императорском университете» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 7. Д. 157а. Л. 4]. Решением декабрьского съезда доверенных 1888 г. Э. Кудашеву дополнительно, до получения диплома провизора в Московском университете, было выделено из КОС 300 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 135. Л. 33; ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1284. Л. 4 об.].

Последующая вполне успешная профессиональная деятельность Э. Кудашева проходила за пределами Нальчикского округа и не принесла пользы общественной медицине кабардинцев и балкарцев. По мнению Т.Х. Кумыкова, он выполнил свое обещание служить родному народу, издав в 1913 г. в Киеве «Исторические сведения о кабардинском народе» [Кумыков 2002: 291–294]. Однако этот не

профильный его образованию проект был прежде всего его личной инициативой. Служебная и общественная деятельность Х.-М. Тавкешева больше соответствовала целевому назначению его обучения. С середины 1880-х гг. до 1917 г. Тавкешев прослужил лесничим кабардинского общественного леса в Нальчикском округе и с 1887 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 89. Л. 115] до 1897 г. совмещал ее с обязанностями казначея КОС. Сафар Урусбиев по окончании Академии работал по специальности, но за пределами Нальчикского округа [Карачаево-балкарские... 1993: 38–39], а его инициатива в 1911 г., в помощь Х.-М. Тавкешеву, подключиться к управлению Кабардинским общественным лесом [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 78 об.], осталась не реализованной. Тем самым предназначение лорис-меликовских стипендий для обучения общественных профильных специалистов оправдывалось лишь отчасти. В 1911 г. ретроспективном обзоре культурно-просветительских достижений народов Кабардино-Балкарии М. Абаев сожалел, что в этом направлении можно было бы достигнуть большего и раньше, «если бы хоть те несколько человек молодых людей, получивших раньше высшее и среднее образование, пользуясь стипендией своего народа, возвращались домой, не оставаясь на стороне» [Этюды... 2007: 136–137].

Таким образом, стипендиальная поддержка кабардинцев и балкарцев, обучающихся в средних и высших учебных заведениях, стала одним из основных направлений софинансирования просветительских практик. Рассмотренные примеры за период 1860–1880-х гг. показывают эволюцию взаимодействия местных властей с окружным самоуправлением съездов доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ, расширявших свои компетенции по регламентации и распределению стипендиальных средств из КОС. С 1870-х гг. решениями местного самоуправления учреждались стипендиальные проекты, определялось их целевое направление, санкционировалось продолжение или прекращение выплат, а также осуществлялось перенаправление стипендиальных выплат между учебными заведениями сообразно общественным интересам. Стремление на будущее обеспечить потребности местного населения квалифицированными кадрами внесло в делопроизводство местного самоуправления формализацию ответственности стипендиатов с условием возместить общественные затраты работой на общественно полезной работой. Однако практика стипендиальной поддержки в рассматриваемый период показала недостаточную эффективность подписки с обязательствами, которые, в силу разных причин, соблюдались лишь в отдельных случаях. Ограниченность финансовых ресурсов КОС, которые могли быть направлены на индивидуальное софинансирование образовательных устремлений, оставляла стипендиальную поддержку элитарной практикой до тех пор, пока не появились дополнительные, более внушительные источники пополнения общественного капитала в 1889 г.

Список источников и литературы

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. 1558 с.

Биттирова, Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М. А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. Нальчик: ООО Печатный двор, 2017. 224 с.

Ващенко 2009 – *Ващенко И.И.* Дом Батырбека Шарданова: исследования и документы. Краснодар: ООО «МС-Центр», 2009. 116 с.

Глашева 2022 – *Глашева З. Ж.* Документы к истории открытия Кабардинской (Нальчикской) школы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 3 (107). С. 67–77.

Дзидзоев 2007 – *Дзидзоев В.Д.* Осетино-кабардино-балкарские отношения в контексте политики России на Северном Кавказе (XVIII – начале XXI в. // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 7. 2007. № 2. С. 2–12.

Карачаево-балкарские... 1993 – Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное: В двух томах. Т. 1. / Составление, предисловие, статьи об авторах, комментарии Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 1993. 264 с.

Кумыков 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкар-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 448 с.

Народное образование... 2001 – Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX века: сборник архивных документов / Сост. М.З. Саблиров. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 272 с.

Прасолов 2023 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинская общественная сумма в политических практиках местного самоуправления в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 2. С. 39–52.

Стригуненко 1876 – *Стригуненко.* Специальное отделение при Нальчикской окружной Горской школе для приготовления аульных учителей Терской области // ТВ. 1876. № 28. С. 2–3.

ТВ – Терские ведомости, газета, г. Владикавказ.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

References

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Documents collected by the Caucasian Archaeographic Commission]: Т. XII. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. 1558 p. (In Russian)

BITTIROVA T.SH., SABANCHIEV KH.-M. A. *Misost Abaev: istorik, publitsist, obshchestvennyi deyatel'* [Misost Abaev: historian, publicist, public figure] Nal'chik: OOO Pechatnyi dvor, 2017. 224 p. (In Russian)

VASHCHENKO I.I. *Dom Batyrbeka Shardanova: issledovaniya i dokumenty.* [The House of Batyrbek Shardanov: Research and Documents] Krasnodar: OOO «MS-Tsentr», 2009. 116 p. (In Russian)

Etudy o Balkarii: Urusbievy, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov [Etudes on Balkaria: Urusbievs, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov]. Comp. by T.Sh. Bittirovoi. Nal'chik: El'brus, 2007. 408 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Obshchestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX – nachale XX* [Public opinion and education among the Adyghe and Balkar-Karachay peoples in the 19th and early 20th centuries]. Nal'chik: El'brus, 2002. 448 p. (In Russian)

DZIDZOEV V.D. *Osetino-kabardino-balkarskie otnosheniya v kontekste politiki Rossii na Severnom Kavkaze (XVIII – nachale XXI v.)* [Ossetian-Kabardian-Balkarian relations in the context of Russian policy in the North Caucasus (18th – early 21st centuries)] IN: Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. Т. 7. 2007. No 2. P. 2–12. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Dokumenty k istorii otkrytiya Kabardinskoi (Nal'chikskoi) shkoly* [Documents on the history of the founding of the Kabardian (Nalchik) School]/ IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2022. No 3 (107). P. 67–77. (In Russian)

Karachaevo-balkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XX v. Izbrannoe: V dvukh tomakh. T. 1. [Karachay-Balkar cultural figures of the late 19th and early 20th centuries. Selected works: In two volumes. Vol. 1] / Sostavlenie, predislovie, stat'i ob avtorakh, kommentarii T.Sh. Bittirovoi. Nal'chik: El'brus, 1993. 264 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Kabardinskaya obshchestvennaya summa v politicheskikh praktikakh mestnogo samoupravleniya v Kabardinskom (Nal'chikskom) okruge vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh v.* [The Kabardian public sum in the political practices of local self-government in the Kabardian (Nalchik) district in the second half of the 19th century – early 20th century.] IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». 2023. No 2. P. 39–52. (In Russian)

STRIGUNENKO. *Spetsial'noe otdelenie pri Nal'chikskoi okruzhnoi Gorskoi shkole dlya prigotovleniya aul'nykh uchitelei Terskoi oblasti* [Special department at the Nalchik District Mountain School for training village teachers in the Terek region] IN: Terskie vedomosti. 1876. No 28. P. 2–3. (In Russian)

Terskie vedomosti, gazeta, g. Vladikavkaz. (In Russian)

TsGA RSO-A – Tsentral’nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral’nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии.

Information about the authors

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History), Head of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-57-66

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Дзуганов Тимур Аликович

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2025

Аннотация. Статья посвящена изучению истории возникновения и развития кооперативного движения в Нальчикском округе в начале XX в. Впервые вводимые в научный оборот документы и материалы позволяют осветить неизвестные ранее страницы экономической жизни народов Кабарды и Балкарии, глубже понять и проанализировать значение этого события, его роль в общественно-политической жизни округа. В статье освещаются первые этапы функционирования «Общества Потребителей сл. Нальчик» и «Нальчикского Кредитного Товарищества», ключевые этапы становления учреждений, специфика их основных занятий. Анализируется влияние учреждения мелкого кредита на изменения в экономической ситуации в Нальчикском округе и указывается позитивная роль «Нальчикского Кредитного Товарищества» в процессе развития сельского хозяйства края. Отмечается, что в Нальчикском округе учреждения мелкого кредита и потребительские организации ставили своей приоритетной целью решение проблемы кредитования крестьянских хозяйств, промышленных предприятий округа, и улучшение уровня обслуживания населения. Показано, что уже в первые годы своего функционирования эти организации успешно справлялись с поставленными целями и задачами, смогли значительно оптимизировать процесс предоставления кредитных займов предпринимателям, успешно добивались поэтапного оздоровления общей экономической ситуации в округе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Терская область; Нальчикский округ; слобода Нальчик; потребительское общество; кредитное товарищество; пайщики; ссуда, операционная деятельность

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Из истории развития кооперативного движения в Нальчикском округе в начале XX в. // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 57–66. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-57-66

Original article

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE COOPERATIVE MOVEMENT IN THE NALCHIK DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Timur A. Dzughanov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzughanov, 2025

Abstract. This study examines the history of the emergence and development of the cooperative movement in the Nalchik District in the early 20th century. Documents and materials introduced into scientific circulation for the first time allow us to shed light on previously unknown aspects of the economic life of the peoples of Kabarda and Balkaria, providing a deeper understanding and analysis of the significance of this event and its role in the socio-political life of the district. The article covers the early stages of the Nalchik Consumer Society and the Nalchik Credit Partnership, key stages in the formation of these institutions, and the specifics of their primary activities. The influence of small-scale credit institutions on changes in the economic situation in the Nalchik District is analyzed, highlighting the positive role of the Nalchik Credit Partnership in the development of agriculture in the region. It is noted that in the Nalchik District, small-scale credit institutions and consumer organizations prioritized solving the problem of lending to peasant farms and industrial enterprises in the district, and improving public service. It is shown that already in the first years of their operation, these organizations successfully achieved their goals and objectives, were able to significantly optimize the process of providing credit loans to entrepreneurs, and successfully achieved a gradual improvement in the overall economic situation in the district.

Keywords: North Caucasus; Tersky' Oblast'; Nalchik District; Nalchik settlement; consumer society; credit union; shareholders; loan, operations

For citation: Dzuganov T.A. From the history of the development of the cooperative movement in the Nalchik district at the beginning of the 20th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 57–66. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-57-66

Небывалой подъем и расцвет кооперативного движения, охвативший Юг России в начале XX в. не обошел стороной и Нальчикский округ Терской области. Население окружного центра – слободы Нальчик, в основном, не имевшее собственного подсобного хозяйства и, потому вынужденно закупавшееся необходимым в местных лавках, проявило особенно живой интерес в деле организации потребительского кооператива. Объяснялось это неудовлетворительным состоянием стационарной торговли в слободе, плохим качеством и дороговизной товаров. Газета «Терек», комментируя сложившуюся ситуацию, сообщала своим читателям, что торговцы, оправдываясь дороговизной провоза «за отсутствием железной дороги к Нальчику», а на самом деле вследствие слабой конкуренции держат товары «плохого качества», на которые «искусственно и очень сильно повышают цены». Кроме того, цены эти часто и произвольно менялись, «разным покупателям товар отпускается по разным ценам, при чем разница эта иногда оказывается довольно значительной. Так, например, одно и то же количество одно сортного товара одному покупателю продается за 80 коп., другому за 1 руб., а третьему за 1 р. 20 к.» [Терек 1911: 4023]. Особенно много нареканий вызывало качество товаров в местных торговых точках, т.к. жители Нальчика и ближайших окрестностей «даже за высокую цену не всегда могли найти хороший товар». Вполне обыденными стали случаи продажи настолько недоброкачественных продуктов, что покупателям «приходилось констатировать в них присутствие червей» [Терек 1911: 4023]. Еще одним бедствием стала реализация фальсифицированной продукцией. Пользуясь недосмотром со стороны надзорных органов, окружные магазины и лавки открыто вели торговлю контрафактными изделиями низкого качества.

В этих условиях, особенно тяжело приходилось общине «толстовцев», обосновавшейся близ слободы Нальчик. Они, как можно заключить из материалов периодической печати, активно поддерживали идею создания кооперативного объединения, а их неформальный лидер М.В. Алехин впоследствии даже вошел в его правление. Талантливый живописец и «непримиримый правдолюбец, страстный последователь учения Льва Николаевича Толстого» [Пеннер 1993: 8], Митрофан Васильевич был одним из первых участников и создателей «толстовских» земледельческих общин. В 1894 г. Алехин добровольно переезжает в Нальчик, где в то время уже находилась группа «толстовцев», и жил там до самой смерти [Пеннер 1993: 35].

Впервые мысль об учреждении в Нальчике «Общества потребителей» возникла еще в 1905 г. в «момент всероссийского подъема настроения масс» [Терек 1911:

4006-1]. Главным инициатором учреждения «общества» периодическая печать называла Ахтырского К.И., но можно не сомневаться, что Алехин вместе с единомышленниками – толстовцами горячо поддержали это близкое им по духу начинание. Инициативной группе вскоре удалось организовать и провести несколько собраний, на которых слобожанам разъяснялись цели и задачи «кооператоров», но, не смотря на все затраченные усилия, каких-либо ощутимых положительных результатов эти мероприятия не принесли. Общественное мнение по данному вопросу еще не успело окончательно сформироваться, а местные обыватели, в силу инертности мышления, оказались не готовы к предлагаемым преобразованиям. К тому же, описанные выше проблемы функционирования торговой сети, дороговизны и качества реализуемых товаров, в первую очередь, затрагивали интересы «некоренного», «временно проживающего» населения Нальчика, т.е. «толстовцев», колонистов, батраков Астраханки и Мужичьего Хутора. «Коренные» слобожане, потомки отставных солдат, как правило, имевшие собственное крепкое хозяйство и более широкий доступ к слободским хозяйственным землям, старались дистанцироваться от этих социальных групп. К тому же именно в этот период, «коренные» вели подготовку организации собственного кредитного кооператива. Нельзя не отметить и полное равнодушие к «кооперативному» начинанию со стороны местной интеллигенции. Организация потребительского кооператива не нашла отклика в среде наиболее образованной и просвещенной общественности округа, большая часть которой, оставалась абсолютно индифферентной к происходившим событиям. Как показало развитие ситуации, активистам не удалось в полной мере донести до них все возможные перспективы своего проекта. Учреждение общества не состоялось, и идея учреждения «Потребительского общества» была забыта на несколько лет [Терек 1911: 4006-1].

Тем не менее, Ахтырский, Алехин и их единомышленники сосредоточили свои усилия на продолжении агитационно-разъяснительной работы. Имея под руками кооперативный журнал «Союза потребителей», инициаторы выписали несколько сотен популярных листовок (издания «Московского Союза Потребительских обществ») для распространения среди знакомых. Им удалось организовать несколько публичных лекций, на которых выступавшие вновь доступно объясняли все возможные выгоды учреждения «потребительского общества» в Нальчике, убеждали в его насущной необходимости.

Усиление работы с населением встретило неожиданные препятствия со стороны владельцев торговых заведений. В ходе подготовки и проведения лекций, «кооператоры» вынуждены были противостоять торговому лобби местных коммерсантов, встревоженных грядущими преобразованиями в стационарной торговле слободы. Лавочники развили бурную деятельность, заключающуюся в «анти кооперативной агитации и инсинуации», даже написали донос на «кооператоров» и их сторонников, обвинив их в организации «опасного революционного сборища» [Терек 1911: 4006-1]. Торговцы открыто утверждали, что собрание незаконно, и стоит лишь донести полиции, «как все участники будут за железной решеткой». Подобные действия вызвали недоумение, в отдельных случаях, страх слободских обывателей, прекрасно помнивших суровые меры «стольпинских трибуналов», боровшихся с последствиями революции 1905–1907 гг. Собрание учредителей общества оказалось под угрозой срыва, так как «запуганный провокацией обыватель», хотя и не вполне поверил им, все же «боялся идти на собрание» [Терек 1911: 4006-1].

Тем не менее, к 1910 г. усилия энтузиастов кооперативного движения наконец увенчались успехом. Не смотря на препятствия со стороны коммерсантов, и равнодушие местной интеллигенции, старавшейся позиционироваться от «толстовцев», учредительное собрание удалось провести в срок. В его работе приняло участие 40 человек. Собравшиеся приняли необходимую резолюцию, избрали руководство и постановили приступить, непосредственно, к оформлению необходимых документов. Через несколько дней, 18 ноября 1910 г. устав был отправлен на

утверждение начальника Терской области. Официальное разрешение властей последовало 17 апреля 1911 г. С этого момента и начат свою деятельность первое в истории Нальчикского округа учреждение потребительской кооперации.

С начала своего основания «Общество Потребителей слободы Нальчик», как оно отныне именовалось, декларировало в качестве своей приоритетной задачи – повышение культуры обслуживания своих членов и остального населения округа. В учредительных документах указывалось, что созданный кооператив «ближайшей целью имеет – доставление своим членам продуктов хорошего качества по умеренным рыночным ценам» [Терек 1911: 4023]. Для реализации этого намерения, предполагалось осуществлять продажу товаров через заведения общества «без запроса и торга всем по одной цене», определяемой самими же членами через правление, а ценники «для всеобщего сведения» вывешивать «на самом видном месте» [Терек 1911: 4023]. Сразу оговаривалось, что важнейшей задачей «общества» является обслуживание населения именно качественной продукцией, в связи с чем решили сотрудничать только с надежными и проверенными поставщиком – оптовым складом «Московского Союза Потребительских Обществ». Допускалось взаимодействие с другими «надежными фирмами», но только строго при посредничестве «Союза». Эти меры, по задумке организаторов, должны были обеспечить получение «безусловно доброкачественных и нефальсифицированных продуктов» [Терек 1911: 4023].

Согласно 12 параграфа Устава, в члены общества принимались лица обоего пола, «всех национальностей, сословий и вероисповеданий, проживающие в Нальчике и его окрестностях, а также разные общества, учреждения» и т.п. [Терек 1911: 4002]. Предусмотренная учредителями «потребительского общества» редакция этого параграфа имела важное значение, так как облегчала доступ в ряды его пайщиков, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности.

Определенные послабления допускались в отношении «малосостоятельных лиц»: учредительное собрание постановило предоставить им право вносить десятирублевый пай не сразу, а по частям, допуская рассрочку до 1 руб. в месяц, что открывало широкий доступ в его ряды представителям малоимущих слоев, преимущественно, батракам и сезонным работникам.

Отдельно стоит отметить, что Ахтырский и его единомышленники разработали прогрессивный для своего времени план социально-экономических преобразований, основой которого должна была стать эффективная работа «общества». Отдельные положения этого проекта нашли отражения на страницах областной периодической печати. Газета «Терек», по этому поводу, писала: «В случае удачного выполнения перечисленных ближайших задач распределения продуктов между членами, потребительское общество перейдет к организации собственных производительных отделений». Первым из таких отделений должна была стать «образцово устроенная кооперативная пекарня». Переплаты на хлеб в округе были довольно значительны, в Нальчике «они особенно бросаются в глаза. Кроме того, хлеб часто выпекается из недоброкачественной муки» [Терек 1911: 4023].

Вторым из намеченных преобразований в плане стояло формирование сети общественного питания: кооперативной столовой; молочной; чайной. Предполагалось, что там потребители будут получать «здоровую и сытную пищу за недорогую цену». Со временем, члены правления намеревались открыть в слободе «мясное отделение», а потом и заняться производственной частью, и «перейти к открытию разного рода мастерских» [Терек 1911: 4023]. Надежды в достижении намеченных целей, связывались с развитием кооперативного движения и ростом числа его участников.

Не ограничиваясь только материальной стороной дела, т.е. мероприятиями, направленными на извлечение прибыли, Ахтырский, Алехин и их единомышленники планировали организовать в слободе учреждения, имеющие целью улучшение «материальных и нравственных условий жизни своих членов», для чего, помимо

создания в будущем «бесплатной (или за умеренную плату) медицинской помощи», собирались сформировать специальный фонд «взаимопомощи в несчастных случаях». В планах «общества» было также намечено открытие при одной из школ «профессиональных классов», а для налаживания культурного досуга членов кооператива и остального населения, намечалось организовать клуб «разумно – полезных развлечений (по типу английских рабочих клубов)» [Терек 1911: 4023].

Анализируя пункты «плана» намеченных преобразований, нельзя не заметить явного подражания «толстовцев» Нальчикского округа и их единомышленников английской системе организации кооперативного дела. Так, например, «в целях упорядочения материального положения общества» собрание постановило «держаться рочдельских принципов» организации своей торговли [Терек 1911: 4023].

С первых же дней своего учреждения Нальчикский кооператив потребителей в обстановке всеобщего воодушевления и эйфории приступил к реализации первоочередных задач. «Настроение членов бодрое, обещающее успех и жизненность вновь открытому общепольному кооперативному учреждению. Число членов с каждым днем увеличивается. В настоящее время записалось уже около 150 человек» – сообщала областная пресса летом 1911 г. [Терек 1911: 4002].

В августе 1912 г. газета «Терек» [Терек 1912: 4023] пишет о состоявшемся накануне итоговом общем собрании членов «Потребительского Общества сл. Нальчик». После единогласного избрания председателя – начальника округа подполковника Клишбиева С.К. и секретаря Ломако Х.Л., председатель правления доложил о положении дел общества и достигнутых результатах. Как выяснилось из доклада, за первые 10 месяцев деятельности организации было закуплено товаров более чем на 21 тысячу рублей, продано на 18 тыс. Полученная прибыль составила 600 рублей из которых 300 рублей пошли на приобретение инвентаря для лавки. Глава Правления также отметил, что хотя некоторые проблемы с обслуживанием так и не удалось решить в течении года, обороты лавки «увеличиваются с каждым месяцем». Остро стоял вопрос с реализацией сахара и керосина, т. к., по словам докладчика, «общество» не в состоянии закупать для своих нужд сахар вагонами, а при покупке небольшими партиями «дорого обходится пересылка» [Терек 1912: 4023].

Отдельно рассматривались меры по повышению качества и доступности обслуживания. В виду того, что для части населения Астраханки (район сл. Нальчик – Т.Д.) доступ к общественной лавке был затруднен вследствие ее удаленности, было принято решение открыть там дополнительное отделение кооперативного магазина [Терек 1912: 4023].

В течении следующих пяти месяцев торговля кооператива планомерно наращивала свои обороты. На первое января 1912 г. состав его участников вырос до 204 человек. Общая стоимость реализованных товаров составила 29488 руб. 15 коп. Размер паевого капитала увеличился до 2381 руб., а запасного – до 121 руб. 50 коп.; стоимость имущества, находившегося на балансе, превысила 360 руб. За вычетом расходов по найму помещения, приказчика, на упаковочный материал и т.д., чистой прибыли было получено 184 руб. 30 коп. 10% этой прибыли собраньем, согласно уставу, отчислено в запасный капитал; 100 рублей в процентное вознаграждение на пай (по 5%) [Терек 1912: 4023].

Вместе с тем, в работе нальчикского кооператива с середины 1912 г., как это явствует из документов, начинают проявляться негативные тенденции. Как замечает по этому поводу, анонимный автор: «Наблюдается некоторый застой в развитии дела. Дела хороши, но не блестящи» [Терек 1912: 4693]. Не смотря на значительное увеличение числа участников, население слободы постепенно разочаровывается в деятельности своего «потребительского» общества. По-видимому, это явилось следствием завышенных ожиданий на скорое обогащение после вступления в кооператив. К тому же, Ахтырскому, Алехину и их единомышленникам, к этому моменту, не удалось реализовать ни одного масштабного преобразования из намеченных. Оборотный капитал Нальчикского кооператива оставался

недостаточным для осуществления запланированных общественно-экономических изменений в жизни слободы и материальном благосостоянии его пайщиков. Кроме того, до введения в строй в 1913 г. Котляревской ветки Владикавказской железной дороги, в силу удаленности слободы Нальчик от железнодорожных путей сообщения, торговля – основной и единственный вид коммерческой деятельности кооператива, испытывала логистические трудности, что не могло не отразиться на качестве обслуживания членов потребительского объединения.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что обыватели слободы и окрестностей объективно не имели никакого исторического опыта участия в подобных учреждениях и оказались не готовы к деятельному участию в развитии своей организации, требующему в числе прочего финансовой дисциплины и корпоративной солидарности. Последнее особенно наглядно проявилось в «охлаждении» части «потребителей» к делам своего объединения. Отдельные его участники демонстративно перестали закупаться необходимым в общественной лавке, мотивируя свое решение тем, что там «периодически не бывает таких необходимых товаров, как сахарный песок и керосин, что во всем виновато правление, что дела лавки плохи ... А потому они перестали покупать там и другие товары». Как метко подметил корреспондент газеты: «Заключение немного странное, но в высшей степени типичное для характеристики общественной стоимости местной интеллигенции ... Неужели же этим членам неизвестно, что, покупая товар в чужой лавке, они, тем самым подрывают собственное дело» [Терек 1912: 4693].

Одновременно с описываемыми выше событиями, в Нальчике с 1910 по 1911 гг. происходило оформление еще одного кооперативного учреждения, создаваемого в этот раз, в интересах зажиточного крестьянства слободы и ближайших окрестностей. В этот период в Терской области наблюдался активный рост различных учреждений «народного кредита». Баев Г. в 1908 г. отмечал взрывной рост торгово-вексельных отношений на Кавказе и указывал, что «за последнее время, получили развитие в городах Кавказа общества взаимного кредита [Баев 1908: 28]. Особенно большую нужду в организации доступного кредитно-финансового кооператива испытывали крестьянские хозяйства, страдающие от нехватки оборотных средств.

В Терский областной комитет весной 1910 г. поступило обращение жителей слободы Нальчик с просьбой о разрешении открыть кредитное товарищество «по образцовому уставу». В нем говорилось, что его участниками могут быть лица, проживающие в слободе Нальчик, «а равно в селениях и хуторах, отстоящих не далее 15 верст от слободы» [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 1 об.]. Таким образом, учредители изначально предполагали принимать в свои ряды только «коренных слобожан» и крепких хозяев из близлежащих окрестностей, расположенных «не более 15 верст». Под это определение попадали: Кошерово; Шалушинское; Нальчикско-Клишбиевское; Куденетово I-е; Куденетово – II; Мисостово; Догужоково и Колония Александровская, с общим числом дворов – 3130 [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 3 об.].

Основной капитал рассчитывался в размере 3000 рублей, при этом сумма возможной задолженности «одного товарища», при такой постановке дел, не должна была превышать 200 руб., а вместе со ссудой под залог «хлебами или изделиями ремесла и промысла» – 1000 руб. [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 1 об.]. В прошении содержалась просьба открыть товариществу в Государственном Банке краткосрочный кредит в размере 6000 р. [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 3 об.].

Учетно-ссудный комитет Владикавказского отделения Государственного Банка в заседании 29 апреля 1911 г. рассмотрев настоящее ходатайство, признал желательным открытие Нальчикского кредитного товарищества и постановил выдать ссуду в основной капитал из средств Государственных Сберегательных Касс в объеме 2000 р., и открыть «товариществу» краткосрочный кредит во Владикавказском отделении Государственного Банка в размере 4000 р. Максимальный кредит единоличного пайщика разрешался в размере 500 р., а для ссуд необеспеченного залога – 200 р. [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Лл. 5–5 об.].

Председателем Правления товарищество избрало А.Н. Нескородова. [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 31]. Примечательно, что он одновременно входил и в состав Правления «Общества потребителей сл. Нальчик».

Нальчикское кредитное товарищество открыло свою деятельность 19 октября 1911 г. с основным капиталом в 2000 р. и краткосрочным кредитом в 4000 р. На момент официальной регистрации состав его пайщиков едва достиг 30 человек, сумма кредитов – 3710 р., но уже через 8 месяцев, число членов возросло до 265, а совокупный объем кредитов превышал 29 000 рублей, что в среднем составило 112 руб. на человека.

Одной из главных причин учреждения «товарищества» являлась насущная потребность местного населения в краткосрочных займах. До его создания, в округе практически не имелось кредитно-финансовых организаций, потому крайняя нужда в оборотных средствах, особенно в период, предшествовавший сбору урожая, заставляла искать средства в соседних регионах, тратя много времени на поездки и оформление документов. До открытия товарищества, чаще всего, деньги занимались у ростовщиков, которым уплачивались большие проценты. С началом деятельности крестьянского кооператива ситуация разительно изменилась. По свидетельству инспектора мелкого кредита Владикавказского отделения Государственного Банка Стоянова Ф.М., проводившего ревизию деятельности «товарищества», уже в первый год его работы, ростовщичество в округе «значительно уменьшилось и площадь арендной земли увеличилась» [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 15]. В целом, Стоянов положительно оценивал достигнутые результаты, «ссудная операция поставлена правильно: ссуды выдаются на производительные надобности, переписка и просрочка ссуд в товариществе не имеют места» [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 15].

Отдельные недостатки, выявленные инспектором в работе, касались, в основном, упущений в организации делопроизводства кредитного товарищества. Отмечались случаи, когда долги по ссудам оплачивались не в строго отведенный для этих целей операционный день (Воскресенье), а уплачивались лично казначею в его квартире, «а последний посылал на квартиру счетовода записку», в которой указывались номер товарища и сумма, уплаченная по ссуде. «Счетовод товарищества Бордюговский оказался весьма недобросовестным и небрежным работником, в следствие чего в счетоводстве товарищества было обнаружено очень много дефектов» – указывал в заключении Стоянов [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 21].

В течении следующего отчетного года «прогрессируя в отношении количества своих членов, товарищество заметно развило и свою вкладную операцию» [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 21]. Сравнение приведенных ниже результатов финансовой активности «товарищества» в 1912 и первого полугодия 1913 г. демонстрируют поступательный рост его денежно-кредитных операций.

В 1912 г.

Таблица 1

МЕСЯЦ	ПОСТУПИЛО ВКЛАДОВ	ВЫДАНО В ВИДЕ ССУДЫ
ФЕВРАЛЬ	300 руб.	–
МАРТ	550 руб.	–
АПРЕЛЬ	212 руб. 75 коп.	–
ИЮНЬ	975 руб.	–
ИЮЛЬ	595 руб.	–
АВГУСТ	1800 руб.	50 руб.
СЕНТЯБРЬ	2175 руб.	550 руб.
ОКТАБРЬ	2422 руб.	200 руб.

НОЯБРЬ	2255 руб.	925 руб.
ДЕКАБРЬ	270 руб.	191 руб.

[РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 21–21 об.].

В 1913 г.

Таблица 2

МЕСЯЦ	ПОСТУПИЛО ВКЛАДОВ	ВЫДАНО В ВИДЕ ССУДЫ
ЯНВАРЬ	17888 руб.	570 руб.
ФЕВРАЛЬ	200 руб.	200 руб.
МАРТ	845 руб.	500 руб.
АПРЕЛЬ	3427 руб.	1630 руб.
МАЙ	1270 руб.	1765 руб.
ИЮНЬ	1050 руб.	148 руб.
ИЮЛЬ	6180 руб.	1675 руб.
АВГУСТ	1245 руб.	200 руб.

[РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 21–21 об.].

Комментируя эти результаты, инспектор сделал неожиданное для себя наблюдение: «Как видно из приведенных таблиц, вкладная операция в товариществе идет усиленными темпами несмотря на то, что в слободе Нальчик имеется Общество Взаимного кредита, которое должно, казалось-бы, являться сильным конкурентом, так как норма процентов по вкладам почти одинакова». По заключению ревизора, стремительному росту числа пайщиков товарищества» и, соответственно, росту оборотных средств, «немало способствует состав Правления», в который входили «исключительно местные крестьяне – собственники, пользующиеся большим доверием населения» [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 21–21 об.].

Вместе с тем, несмотря на положительную динамику в оборотах кредитного товарищества, недостатки в постановке делопроизводства сохранялись и в последующие годы, и ревизор Стоянов вновь отмечал этот «весьма существенный недостаток в деятельности».

В декабре 1913 г. правление товарищества, от лица всех своих пайщиков, обратилось во Владикавказское Отделение Государственного Банка с прошением об увеличении размеров краткосрочного кредита до 10000 руб. Аргументируя свою просьбу, члены правления отмечали значительное увеличение числа своих членов (550 человек – Т.Д.), и то обстоятельство, что товарищество «имея всего лишь 4000 руб. кредита не может обслуживать такое количество членов». К тому же, ситуацию с выдачей кредита значительно осложнили последствия климатической аномалии, обрушившейся на округ в 1913 г., когда «район постиг неурожаем кукурузы и сена», почему выдача ссуд в прежних объемах не представлялась возможной [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Лл. 34–34 об.]. Вследствие непогоды, «требования товарищей-земледельцев на выдачу ссуд увеличились и главным образом на покупку корма для скота» – содержалось в объяснительной части обращения. «Кроме того, больше требований ссуд на аренду земли, приобретение рогатого скота ...» [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 38].

Владикавказское Отделение Государственного Банка рассмотрев прошение Нальчикского товарищества на своем заседании от 6 января 1914 г., сочло возможным удовлетворить его в полном объеме. В дальнейшем, по мере расширения состава участников, правление товарищества так же успешно добивалось

увеличения допустимых пределов кредитования своих пайщиков. В июне 1914 г. на очередном заседании Учетного Комитета Владикавказского Отделения Государственного Банка было принято решение о дополнительном увеличении краткосрочного кредита «нальчан» с 10 до 25 т. руб. [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 56]. Параллельно увеличению суммы основного кредита, возрастал и размер краткосрочных ссуд пайщиков. Как видно из журнального постановления Терского Областного Комитета по делам мелкого кредита от 12 ноября 1914 г., Нальчикскому кредитному товариществу было позволено увеличить предельный размер единого личного кредита с 500 до 600 руб., в том числе, для ссуд, не обеспеченных залогом с 200 до 300 руб. [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 64]. К этому времени деятельность товарищества охватывала район, где насчитывалось до 3130 домохозяйств, из которых более 700 человек входили в число его пайщиков. Не смотря на отмеченную «проблему роста», постоянную нужду в оборотных средствах, расширение числа пайщиков, продолжалось и в последующие годы [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 56].

Умение преодолевать возникающие трудности, честность и порядок в финансовых операциях, и еще то обстоятельство, что в округе больше не имелось кредитно-финансовых учреждений, ориентированных на работу с крестьянскими хозяйствами, привлекали в его ряды новых членов. Помимо зажиточных крестьян, в финансовых услугах товарищества были заинтересованы как владельцы мелких промышленных предприятий, которых только слободе Нальчик к 1903 г. имелось 14 [УЦГА АС КБР Ф. 6. Оп. 1. Д. 602. Л. 110], так и отдельные юридические лица, например, «Нальчикское потребительское общество Сл. Нальчик», пытавшееся найти средства на свои нужды.

Терский Областной Комитет по делам мелкого кредита, как явствует из его журнального постановления от 23 декабря 1915 г., заслушав ходатайство Нальчикского кредитного товарищества о разрешении принять в его члены Нальчикское Потребительское общество «с кредитом до 1000 руб.», вынес положительное решение по этому вопросу [РГИА Ф. 585. Д. 1011. Л. 64]. Таким образом, «потребительский кооператив» Нальчика, вступив в ряды кредитного товарищества, получил наконец возможность решить ряд важнейших задач по улучшению качества обслуживания населения.

Подводя итоги исследования, необходимо указать, что с началом XX в. в экономическом развитии народов Кабарды и Балкарии происходят существенные позитивные изменения, связанные с распространением в крае кооперативного движения. В Нальчикском округе начинают функционировать разнообразные учреждения мелкого кредита и потребительские организации, имеющие своей целью решение проблем кредитования крестьянских хозяйств, промышленных предприятий округа, улучшение уровня обслуживания населения. Оптимизация этих процессов, уже в первые годы деятельности кооперативных предприятий принесла существенные результаты. Доступность краткосрочных займов позволила значительно ограничить ростовщичество округа и одновременно способствовала увеличению площадей арендуемой под сельскохозяйственные нужды земли.

Появление потребительской кооперации в Нальчикском округе ознаменовало кардинальные изменения в социально-экономическом развитии его населения. Впервые были озвучены проблемы бесплатного медицинского обслуживания, питания и производства, организованного на общественных началах и для общественной же пользы. Сформулированы задачи дальнейшего обустройства социально-культурной жизни общества, улучшения ее качества.

Несмотря на то, что дальнейшему осуществлению запланированного в помешала Первая Мировая война и последовавшие вслед за ней драматические события 1917 г., отдельные насущные задачи экономического развития края все же удалось решить. В Нальчикском округе была развернута сеть мелких кредитно-финансовых и других кооперативных учреждений, деятельность которых, оставила глубокий след в экономической истории народов Кабардино-Балкарии.

Список источников и литературы

- Баев 1908 – *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ: Типография С. Назарова, 1908. 56 с.
- Пеннер 1993 – *Пеннер В.Я., Пеннер Н.В.* Нальчик глазами современников. Нальчик: Эльбрус, 1993. 142 с.
- РГИА – Российский Государственный Исторический Архив.
- Терек 1911. N 4002. С. 4.
- Терек 1911. N 4006-1. С. 4.
- Терек 1911. N 4023. С. 4.
- Терек 1912. N 4023. С. 4.
- Терек 1912. N 4693. С. 4.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

- BAEV G. *Narodnyj kredit v Terskoj oblasti* [People's credit in Tersky region]. Vladikavkaz: Tipografiya S. Nazarova, 1908. 56 p.
- PENNER V.YA., PENNER N.V. *Nal'chik glazami sovremennikov* [Nalchik through the eyes of contemporaries]. Nal'chik: El'brus, 1993. 142 p.
- RGIA – Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv.
- Terek 1911. N 4002. P. 4.
- Terek 1911. N 4006-1. P. 4.
- Terek 1911. N 4023. P. 4.
- Terek 1912. N 4023. P. 4.
- Terek 1912. N 4693. P. 4.
- UCGA AS KBR – Upravlenie Central'nogo Gosudarstvennogo Arhiva Arhivnoj Sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki.

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Department of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 08.11.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 08.11.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 94(471.6).084.8

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-67-78

**РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЛАТИНИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (20-Е ГГ. XX В.)**

Лаврова Наталья Сергеевна¹, Такова Александра Николаевна^{2✉}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия

² Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ llawrowa.natali2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5651-333x>

² sanatakova@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© Н.С. Лаврова, А.Н. Такова, 2025

Аннотация. Целью настоящего исследования является определение того, как реформа графики языков коренных народов Кабардино-Балкарии, проводившаяся в первой половине 20–х гг. XX в., повлияла на религиозную сферу субрегиона. Новизна исследования обуславливается вводом в научный оборот ранее неиспользованных специалистами источников, которые были извлечены из различных архивохранилищ республики, а также выявлением того, как и в какой степени перевод графики языков кабардинцев и балкарцев с арабской на латинскую графическую основу способствовал масштабным изменениям в системе образования и в положении некоторых социальных групп. В исследовании дается характеристика состояния национальной письменности коренных народов в дореволюционный период, определяется степень ее распространенности в обществе. Проанализированы причины активного внедрения алфавитов на основе арабской графики, имевшего место в первые годы после окончательного установления советской власти, выявлены связанные с ним сложности. Рассмотрен ход реализации перевода алфавитов с арабской на латинскую графическую основу, отмечено, что он являлся важной составной частью общего процесса социалистической модернизации. Определяется, что наибольшее влияние реформа графики имела на положение местного духовенства, ввиду того, что немалая его часть оказалась вытесненной из системы образования, где до недавнего времени доминировала, что способствовало резкому сужению ее социального функционала и степени потенциального влияния на жителей субрегиона.

Ключевые слова: Социалистическая модернизация, языковое строительство, арабская графическая основа, латинская графическая основа, мусульманское духовенство, всеобщее образование, религиозная сфера

Для цитирования: Лаврова Н.С., Такова А.Н. Развитие процессов в религиозной сфере Кабардино-Балкарии под влиянием латинизации национальной письменности (20-е гг. XX в.) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 67–78. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-67-78

Original article

THE DEVELOPMENT OF PROCESSES IN THE RELIGIOUS SPHERE OF KABARDINO-BALKARIA UNDER THE INFLUENCE OF THE ROMANIZATION OF THE NATIONAL SCRIPT (20TH CENTURY)

Natalya S. Lavrova¹, Aleksandra N. Takova²

¹ Kabardino-Balkarian State University n.a. H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

² Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia.

¹ lawrowa.natali2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5651-333x>

² sanatakova@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© N.S. Lavrova, A.N. Takova, 2025

Abstract. The purpose of this study is to determine how the graphic reform of the languages of the indigenous peoples of Kabardino-Balkaria, carried out in the first half of the 20th century, influenced the religious sphere of the subregion. The novelty of the research is due to the introduction into scientific circulation of sources previously unused by specialists, which were extracted from various archives of the republic, as well as the identification of how and to what extent the translation of graphics from Kabardian and Balkarian languages from Arabic to Latin graphic basis contributed to large-scale changes in the education system and in the situation of some social groups. The research describes the state of the national writing of indigenous peoples in the pre-revolutionary period, and determines the degree of its prevalence in society. The reasons for the active introduction of alphabets based on Arabic graphics, which took place in the first years after the final establishment of Soviet power, are analyzed, and the difficulties associated with it are revealed. The course of implementation of the translation of alphabets from Arabic to Latin graphic basis is considered, it is noted that it was an important component of the overall process of socialist modernization. It is determined that the reform of the schedule had the greatest impact on the position of the local clergy, due to the fact that a considerable part of it was displaced from the education system, which until recently dominated, which contributed to a sharp narrowing of its social functionality and the degree of potential influence on the inhabitants of the subregion.

Keywords: Socialist modernization, language construction, Arabic graphic basis, Latin graphic basis, Muslim clergy, universal education, religious sphere

For citation: Lavrova N.S., Takova A.N. The development of processes in the religious sphere of Kabardino-Balkaria under the influence of the romanization of the national script (20th century). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 67–78. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-67-78

История развития письменности народов Кабардино-Балкарской республики на протяжении многих десятилетий вызывает интерес у исследователей различных научных направлений ввиду сложности и многогранности данного процесса. Его влияние на религиозную сферу очевидно, но до настоящего момента не стало предметом специального исследования. Настоящая работа позволяет частично ликвидировать данный пробел, что и обуславливает ее актуальность. Задачами работы являются: 1) Анализ состояния письменности кабардинцев и балкарцев в дореволюционный период; 2) Объяснение причин, предопределивших необходимость использования алфавитов на основе арабской графики в первые годы после установления в субрегионе советской власти; 3) Рассмотрение хода реализации процесса перевода национальных алфавитов на латинскую графическую основу и связанных с ним трудностей; 4) Выявление влияния процесса внедрения новых алфавитов на различные общественные группы субрегиона; 5) Оценка значения внедрения письменности на основе латинской графики на развитие народов Кабардино-Балкарии, и, в том числе, на ситуацию в религиозной сфере.

Методами исследования являются: 1) системный – позволил рассмотреть реформирование письменности как часть общего процесса социалистической модернизации; 2) сравнительно-исторический – дал возможность выявить этапы реформирования письменности коренных народов субрегиона: массовое внедрение алфавитов на арабской графике, затем форсированный переход на латиницу и, несколько позже, на кириллицу; 3) проблемно-хронологический – способствовал вычленению ряда сопутствовавших процессу латинизации письменности следствий, оказавших непосредственное влияние на ситуацию в религиозной сфере рассматриваемого региона (вытеснение из образовательной сферы значительной части духовенства, сужение их социального функционала, ослабление позиций религии в обществе в целом); 4) источниковедческий – определил отбор ряда новых источников, посредством использования которых некоторые содержащиеся в статье положения и выводы были подкреплены документально. Историографическую базу работы составляют труды В.М. Алпатова, Х.Б. Мамсирова, Х.И. Хутуева, Т.Х. Кумыкова, Н.А. Нефляшевой, З.Я. Емтыль, В.Х. Кажарова, С.М. Алхасовой [Алпатов 2000; Мамсиров 2004; Хутуев 1984; Кумыков 1996; Нефляшева 2022; Емтыль 2017; Кажаров 2012; Алхасова 2002]. Источниковую базу исследования составляют документы отдела народного образования Нальчикского окружного ревкома, отчеты и протоколы облисполкома КБАО, материалы редакции газеты «Карахалк», извлеченные из фондов Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики и Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

20–30-е гг. XX в. в Кабардино-Балкарии, как и в других национальных регионах страны, являлись периодом интенсивного советского культурного строительства. Одним из стержневых элементов данного процесса было создание письменности коренных народов, которая за весьма ограниченный временной промежуток – чуть более 10 лет – трижды претерпела изменение своей графической основы от арабской к латинской и, в итоге, к кириллической. При этом переход от арабской графической основы к латинской оказался весьма непростым. В контексте процессов, происходивших в этот же период в прочих, связанных с религией сферах (ограничение деятельности шариатских судов, давление на мусульманские образовательные учреждения и пр.), данный переход был воспринят частью социума как разрыв с предшествующей духовной традицией. В настоящем исследовании процесс внедрения алфавитов на основе латинской графики у коренных народов региона рассматривается сквозь призму его влияния на общую ситуацию в религиозной сфере.

До революционного 1917 г. кабардинцы и балкарцы – коренное население субрегиона – официально утвержденных алфавитов не имели, формально считаясь народами бесписьменными. Однако, фактически, к началу рассматриваемого периода, различные варианты письменности у них уже существовали, причем некоторые из них применялись на практике. Н.А. Нефляшева пишет, что «всего с первой четверти XIX в. вплоть до 1918 г. русскими учеными-кавказоведами и адыгскими просветителями было создано 16 алфавитов адыгского языка, из них 7 – на арабской, 9 – на кириллической основе» [Нефляшева 2022: 70]. Алфавиты на основе русской графики не выходили за рамки теоретических разработок, некоторые же варианты на арабской – использовались на практике.

Большая востребованность алфавитов на арабице, в отличие от кириллицы, у кабардинцев и балкарцев, как, впрочем, и у других мусульманских народов страны, объясняется, главным образом, их религиозной принадлежностью. Она обуславливала естественное приобщение населения к арабскому языку через семейную коммуникацию, обучение в многочисленных примечетских начальных религиозных школах, и, таким образом, делало данную графическую основу более легкой для восприятия народами, которым она адресовалась.

До 1917 г. целой плеядой кабардинских просветителей, фактически в пределах одного десятилетия, было подготовлено несколько вариантов алфавита родного языка на основе арабской графики, которые применялись на практике. Так, в 1905 г. М.М. Фанзиев и Х.У. Эльбердов разработали кабардинскую азбуку с букварем и издали ее тиражом 500 экземпляров в Темир-хан-Шуре (Дагестан). Первыми начали ее изучать воспитанники мусульманских школ [Хутуев 1984: 42]. После утверждения в субрегионе советской власти она использовалась и в первых советских национальных школах.

В 1906 г. П.И. Тамбиев, при содействии инспектора Кавказского учебного округа Л.Г. Лопатинского, издал в Тифлисе «Кабардинскую азбуку». Она также использовалась в части образовательных учреждений как в дореволюционный период, так и в первых советских школах [Психомахова 2014: 2].

Нельзя обойти вниманием и деятельность в данном направлении представителей зарубежной адыгской диаспоры. Так, в 1909 г. Нури Цагов и Нагуч Сауд издали в Стамбуле кабардинский букварь на арабской графической основе, «на котором дети изучали кабардинский язык» [Кумыков 1996: 271]. Данная разработка несколько позже будет использована в рамках деятельности Баксанского мусульманского просветительского центра, а также и после революции – при выпуске первых советских учебников.

В 1912 г. в Темир-хан-Шуре кабардинскую азбуку издал С.Б. Тайсаев. Еще один вариант подготовил в 1916 г. Т.-С.А. Шеретлоков. Примечательно, что параллельно он работал и над вариантами на латинской и кириллической основах [Алхасова 2002: 184], которые окажутся востребованными уже в послереволюционный период.

Наиболее же широкое распространение в дореволюционный период получил варианты кабардинской письменности на арабской графической основе, разработанные лидерами Баксанского мусульманского просветительского центра А.Г. Дымовым и Н.А. Цаговым. Так, в 1913 г. А.Г. Дымов составил азбуку кабардинского языка. Она была отпечатана в Темир-хан-Шуре (Дагестан). На ее основе были подготовлены первые учебники на кабардинском языке, использовавшиеся в работе новометодных духовных образовательных учреждений. В 1917 г. А.Г. Дымов и Н.А. Цагов издали в Казани учебник кабардинского языка «Тхыбзэ» («Азбука»), который стал своеобразным синтезом азбуки А.Г. Дымова и разработок представителей адыгской диаспоры в Турции, существенно доработанных Н.А. Цаговым. На его основе в 1917–1918 гг. выпускалась первая национальная газета «Голос адыга». Она выходила на протяжении восьми месяцев – с ноября 1917 по июль 1918 г. [Соблирова 2022: 92].

У карачаево-балкарцев, в свою очередь, развитие национальной письменности в дореволюционный период, так же, как и у кабардинцев, шло преимущественно по пути использования арабской графики. Наибольшее распространение в начале XX в. имели разработки карачаевского просветителя И.Я. Акбаева (Чокун-эфенди). В 1910 г. он впервые стандартизировал карачаево-балкарский алфавит и опубликовал на его основе в Темир-хан-Шуре (Дагестан) «Учебное пособие для начального обучения детей письму и чтению». В 1916 г. им же был составлен букварь «Ана тил» («Родная речь») на арабской графической основе. Он был отпечатан в Тифлисе тиражом 2000 экземпляров и активно применялся в духовных школах. Букварь И.Я. Акбаева использовался в Карачае и Балкарии вплоть до перевода письменности на латинскую графическую основу, завершившегося в 1924 г. [Чотчаев 2016: 186].

Таким образом, к 1917 г., несмотря на отсутствие официально утвержденных алфавитов, кабардинцы и балкарцы имели довольно серьезные наработки в сфере национальной письменности, большую часть которых составляли различные неунифицированные варианты на арабской графической основе, которые не

получили массового распространения и применялись преимущественно в работе религиозных образовательных учреждений различных типов. С лингвистической точки зрения все они были несовершенны, однако в первые годы советской власти использовались весьма широко.

Окончательное установление в Кабардино-Балкарии советской власти произошло в марте 1920 г. С этого времени в субрегионе начали разворачиваться масштабные модернизационные преобразования, направленные, в самом широком смысле, на его быструю и тотальную советизацию. В контексте рассматриваемой проблемы наибольшее значение имело форсированное формирование системы массового народного образования посредством повсеместного открытия советских школ и одновременное проведение кампании по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Законодательно данное направление было зафиксировано Декретом Совнаркома от 24 ноября 1920 г. «О мерах по ликвидации неграмотности среди населения области» [УЦГА АС КБР. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. Курировал и направлял работу в данной сфере отдел народного образования при Нальчикском окружном ревкоме, созданный в апреле 1920 г.

Генеральная цель, стоявшая перед новыми властями в вопросе конструирования образовательного пространства, выходила далеко за границы простой организации обучения больших масс людей чтению и письму. Образовательная сфера должна была стать своего рода каналом, посредством которого в сознание обывателей на их родном языке внедрялись бы актуальные ценности и идеалы. Этот момент в свое время тонко подметил У.А. Алиев, указавший, что «не может быть никакой подлинной советской власти без того, чтобы власть не говорила на том языке, на котором говорит народ» [Алиев 1926: 10].

Острая необходимость властей субрегиона в быстром претворении в жизнь принятых решений об открытии школ и пунктов ликбеза предопределила во многом стихийный характер его воплощения, при котором происходило задействование всех так или иначе пригодных для этого ресурсов, как материальных, так и интеллектуальных. В связи с этим в данный процесс, фактически на принципах трудовой повинности, вовлекались все без исключения образованные люди. При этом значительную их часть составляли лица, имевшие богословское образование и инкорпорированные в сопряженные с религией сферы (учителя религиозных школ, работники шариатских судов, муллы). З.Я. Емтыль, по этому поводу отмечает, что «к работе в системе светского образования, в кампанию по ликвидации неграмотности, широко привлекались действующие и бывшие муллы, а также сохсты – учащиеся религиозных школ» [Емтыль 2017]. Выходцами из этой же социальной категории были и лица, работавшие над созданием первых советских национальных учебников.

В целом, корпус учебников, использовавшихся при организации первых советских образовательных учреждений в Кабарде и Балкарии, включал как те, что были изданы еще до революции, о которых говорилось выше, так и новые, выпущенные уже после утверждения в субрегионе советской власти. Так, в ноябре 1920 г. в Нальчике была выпущена азбука Т.-С.А. Шеретлокова, ставшая первым советским учебником кабардинского языка на арабской графической основе. В 1921 г. было издано 400 ее экземпляров [Культурное строительство 1985: 383]. Она использовалась в школах вплоть до 1923 г. В конце 1920 г. был также подготовлен букварь карачаево-балкарского языка на арабской графической основе, автором которого были И.Я. Акбаев и И.М. Абаев. Им в области пользовались вплоть до 1924 г. [Аккиева 2020: 2434].

Технические возможности в субрегионе для тиражирования учебников в нужных количествах, по существу, отсутствовали. Проблема острой нехватки учебников для школ и пунктов ликбеза присутствовала постоянно. Во многом поэтому так и не удалось наладить выпуск материалов на кабардинском языке в рамках газеты «Красная Кабарда».

Внедрение и использование в советских школах и пунктах ликбеза учебников на основе арабской графики по времени шло параллельно с началом развертывания общегосударственной кампании по тотальному переводу языков страны на латиницу.

Идея латинизации письменности органично вписывалась в контекст эпохи. Советская Россия с 1918 г. перешла на григорианский календарь и метрическую систему. В деле языкового строительства новая власть стремилась максимально дистанцироваться как от наследия свергнутого царского режима, с которым ассоциировалась кириллическая система письменности, так и от использования арабской графики, прочно связываемой с мусульманской религией, считавшейся априори косной и противоречащей прогрессу. Взамен внедрялось нечто принципиально новое, но, при этом согласующееся с идеями, целями и европоцентристскими установками советской власти. В.В. Базарова отмечает, что «тогда многие еще ждали мировой революции, и предлагалось даже создать всемирный язык, на котором можно было бы в будущем говорить с рабочими всего мира» [Базарова, 2009: 92]. По мнению М.И. Исаева, в этот период часто указывалось на «революционные интеграционные процессы, происходившие во всем мире, и приходили к выводу, что латинский алфавит становится единым мировым, алфавитом победившего пролетариата» [Исаев 1979: 55]. По мнению Н.А. Нефляшевой, «латиница стала символом приобщения к европейской культуре, прогрессу и мировой революции» [Нефляшева 2022: 72].

К работе по переводу письменности народов страны на латинскую графику были привлечены лучшие специалисты во главе Н.Ф. Яковлевым. Ими была проделана беспрецедентная работа, не имевшая аналогов в мире.

Алфавиты кавказских и закавказских народов были переведены на латинскую графику в числе первых. Официальное решение об этом было принято в июле 1923 г. в г. Пятигорске на Первой горской конференции. Там же был утвержден проект кабардинской азбуки на латинской графической основе, автором которого был Б.Л. Хуранов. Таким образом, Первая горская конференция зафиксировала промежуточные результаты уже активно ведущейся в данном направлении работы. Практические же шаги в деле латинизации письменности народов Северного Кавказа были сделаны значительно раньше.

Вопросами латинизации письменности народов страны занималось множество разноуровневых структур. Так, уже с 1920 г. при Наркомпросе функционировала комиссия по выработке единого для всех народов РСФСР шрифта на основе латинской графики [Мамсиров 2004: 240]. В феврале-марте 1923 г. работала Комиссия по реформе арабского алфавита при Наркомнаце, в которой Северный Кавказ представлял У.Д. Алиев. В 1923 г. исследование языков Северного Кавказа и тюркских народов вела специальная комиссия по проблемам письменности Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР [Мамсиров 2004: 241] и др.

Для сбора информации из Москвы во все регионы страны направлялись научные экспедиции во главе с лучшими специалистами. На Кавказ в 1921–1922 гг. неоднократно приезжал и лично Н.Ф. Яковлев. В ходе данных экспедиций изучались как чисто лингвистические аспекты, такие как, наличие диалектов тех или иных местных языков, так и социальные – уровень грамотности населения, распространенность и укорененность арабской графики.

Перевод письменности народов субрегиона на латиницу в целом осуществлялся максимально гласно. Важность, необходимость и целесообразность латинизации письменности активно пропагандировалась в многочисленных речах и выступлениях видных общественных и политических деятелей. Так, к примеру, в 1922 г. председатель облисполкома Кабардино-Балкарии Б. Калмыков говорил о новом шрифте следующее: «...начертание этого шрифта гораздо проще

применявшегося до сих пор арабского и вдвое легче будет усваиваться детьми» [Калмыков 1983: 68].

Весомым аргументом в пользу перехода на латинскую графику, который часто использовали сторонники реформы письменности, было значительное упрощение процесса печатания, и, соответственно, ощутимое снижение типографских расходов. М.И. Исаев подробно описал сложности, имевшие место при издании текстов на арабице. В этом случае «в типографиях велся тройной набор, – пишет автор, – сначала устанавливали основные буквы – ядро строки, затем подбирали надстрочные знаки и только потом размещали подстрочные значки... это было трудоемко, и подобным образом набирали лишь коран и другие религиозные книги. Что касается светских книг, то здесь диакритические знаки опускались, в результате при массовом книгопечатании обнаруживался один из основных недостатков арабской графики: почти полное отсутствие обозначений для большинства гласных звуков. К этому стоит добавить, что точки над и под буквами часто не пропечатывались, что еще больше усложняло чтение текстов» [Исаев 1979: 45]. В Кабардино-Балкарии одним из самых последовательных критиков арабской графики был Т.-С.А. Шеретлоков, являвшийся при этом, как отмечалось выше, автором первого советского учебника кабардинского языка на данной графической основе. В своих многочисленных речах и выступлениях он неоднократно указывал на технические и практические дефекты арабского шрифта в отношении кабардинского языка [Архив КБИГИ. Ф. 15].

Однако довольно часто в деле критики арабской графики не удавалось соблюсти границы собственно ее недостатков, к слову сказать, вполне резонных. Нередко же данная критика экстраполировалась и на сам арабский язык, и на мусульманскую религию. «Арабского языка нам не надо – это язык религии. Мы же боремся за кабардинский, балкарский, русский язык...», – говорил по этому поводу в одной из своих речей председатель облисполкома Кабардино-Балкарии Б.Э. Калмыков [Калмыков 1983: 153].

Таким образом, процесс латинизации письменности, помимо своего прямого культурного-просветительского значения, имел опосредованно и антирелигиозную подоплеку. Несколько позже, уже в процессе перевода письменности кабардинцев и балкарцев на кириллицу, властями области констатировалось, что латинизация алфавитов в 1923 г. «помогла в борьбе с контрреволюционным панисламизмом» [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 163. Л. 310]. В.Х. Кажаров отмечал, что в рассматриваемый период «советской власти нужно было разорвать связь времен, преемственность культур и поколений, чтобы на образовавшейся «чистой доске» написать письмена новой идеологии» [Кажаров 2012: 17].

Академик В.М. Алпатов отмечал, что латинизация письменности была воспринята отрицательно частью населения, «больше всего, пожалуй, противодействовало такой политике мусульманское духовенство» [Алпатов 2000: 45–46]. В Кабардино-Балкарии со стороны местного духовенства открытого и сколько-нибудь организованного сопротивления непосредственно процессу латинизации не было. Однако наличествовало перманентное недовольство части представителей данной социальной группы в целом осуществляющимся в образовательной сфере преобразованиям, некоторые задокументированные примеры которого будут приведены ниже.

После официального утверждения перевода языков народов Северного Кавказа на латиницу, произошедшего летом 1923 г., потребовался еще целый год для создания в Кабардино-Балкарии необходимых условий, чтобы на основе официально принятых новых алфавитов стало возможно выпускать печатную продукцию. Так, в июле 1924 г. в Нальчике при издательстве газеты «Красная Кабарда» была открыта типография, укомплектованная оборудованием, позволяющим печатать тексты на латинской графической основе. Сама газета «Красная Кабарда»

вскоре сменила название на более обобщающее – «Карахалк» (букв. «Черный народ», «Беднота») и стала выходить на трех языках – русском, кабардинском и, несколько позже, на балкарском. Важным событием 1924 г. стал первый выпуск данной газеты на кабардинском языке на латинской графической основе. Это произошло 13 июля 1924 г. Текст первого номера лично правил Т.-С.А. Шеретлоков [Алхасова 2004: 186].

Именно на базе издательства газеты «Карахалк» были напечатаны первые кабардинские и балкарские учебники и пособия на латинской графической основе. Так, Б.Л. Хуранов издал в 1924 г. первый учебник кабардинского языка [Жилетежев 2018 : 13]. Он был отпечатан тиражом 5000 экземпляров. В конце 1924 г. была издана «Разрезная азбука кабардинского языка», «Букварь для школ 1-ой степени, «Учебник по арифметике», «Букварь для школ ликбеза» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. Л. 5], алфавит карачаево-балкарского языка И.М. Абаева и И.Я. Акбаева, «Букварь балкарского языка» М.А. Энеева.

В целом, активное внедрение в образовательный процесс национальных учебников на основе латинской графики, по оценке местных властей, положительно сказалось на состоянии народного образования. К примеру, в отчете областного отдела народного образования за 1924 г. отмечалось, что «введение преподавания родного языка в школах заставило в корне изменить у населения взгляд на школу. Это изменение повлекло за собой наплыв учащихся в советскую школу, дети стали бросать религиозные школы – они естественно стали отмирать. В прошлые годы количество школ (медресе) и учащихся в них превосходило трудовые школы, теперь же многие селения сами закрывают религиозные школы, мало того – отводят под советскую школу помещения, в которых ранее помещались медресе» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137. Л. 14].

Процитированный документ указывает на то, что в данный период в субрегионе имела место своего рода конкуренция между советской школой и мусульманской. Действительно, эти два сегмента образовательной системы действовали в одном и том же социальном пространстве, выполняли схожие функции и ориентировались на один и тот же контингент. Однако, ввиду всемерной поддержки властей, советская школа в этой борьбе побеждала, что не могло не вызвать ответную реакцию со стороны части учителей мусульманских школ. Она выражалась в резком сопротивлении реализуемым нововведениям, их отчаянной критике. К примеру, в 1925 г. имел место случай, когда эфенди Э.Т. из с. Урух вел пропаганду против действующей в селении советской школы. В результате «он принудил шесть граждан взять своих детей из советской школы и определить их в медресе. Жестокие слова эфенди, пророчащие гибель на том свете, заставляют граждан задуматься о спасении своей души, и они забирают своих детей из советской школы» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. Л. 5]. В 1926 г. был зафиксирован еще один похожий случай «провокационной агитации со стороны бывшего учителя корана (здесь и далее так в источнике. – *Н.С., А.Т.*) на той почве, что в советских школах не учат коран, а раз не учат коран, то он (ученик – *Н.С., А.Т.*) пойдет в коммуны и отречется от религии» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об]. Данные случаи, несмотря на их выраженную иррациональность, демонстрируют серьезные социальные и психологические последствия, вызванные форсированным осуществлением масштабных модернизационных преобразований, сложность и болезненность их принятия, особенно со стороны части местного духовенства. Действительно, данные преобразования в корне меняли их социальные функции, способствуя массовому вытеснению из образовательной сферы, где они совсем еще недавно доминировали абсолютно. Смириться с такими изменениями были способны далеко не все.

Создание латинизированных алфавитов и национальных учебников на основе новой графики стало лишь первой ступенью в деле их массового внедрения в

повседневную жизнь социумов. На протяжении десяти лет, с 1927 по 1937 г. данным направлением занимался Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) при Президиуме ВЦИК. В обязанности Комитета входило «содействие организации письменности на новом (латинизированном) алфавите для народов СССР, организация и содействие изданию научной, учебной литературы, периодической печати на новом латинизированном алфавите на языках народов СССР, содействие проработке и усовершенствованию вопросов языковой культуры народов, принявших новый алфавит (орфография, терминология, выработка литературного языка), ведение специальной работы по практическому применению нового алфавита в технике (телеграф, пишущие и наборные машины), разработка системы стенографического письма и научной транскрипции на новом алфавите» [ГАРФ. Ф. Р-7543. Оп. 1. Д. 92. Л. 102–105].

В целом же результаты языкового строительства в СССР были весьма впечатляющими. Они были опубликованы в сборнике «Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР» (Алфавит Октября, 1934) в 1934 г. Согласно отчетным данным, внедрение латинской графики было реализовано в отношении 72 народностей СССР, в том числе 60 народностей РСФСР, «при этом 20 народностей провели латинизацию взамен арабской письменности» [Алфавит 1934: 4]. Кабардинцы и балкарцы были отнесены к числу народностей, ранее письменностью не обладавших. К 1934 г. крупнейшее книжное издательство СССР – Центриздат – выпускало учебники и учебные пособия на 104 языках [Национальные школы 1958: 9], что являлось беспрецедентным для того времени показателем.

Однако столь масштабные достижения на фронте языкового строительства оказались недолговечными. С середины 30-х гг. в масштабах всей страны начался перевод алфавитов на кириллическую основу. Как и в случае с внедрением латинской графики, данный процесс был тесно связан с изменениями в идеологической и во внешнеполитической сферах, в частности с потерей актуальности идеи мировой революции и ее заменой идеей построения социализма в отдельно взятой стране.

Смена графической основы письменности кабардинцев и балкарцев с латинской на кириллическую была осуществлена в 1936 г. В многочисленных документах этого периода отмечалось, что латинизированный алфавит «является тормозом для дальнейшего роста культуры, затрудняет усвоение русского языка» [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 163. Л. 309]. Перевод же на кириллицу, напротив, «обеспечит сближение и взаимное обогащение культур русского народа и народов Кабардино-Балкарии» [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 163. Л. 310].

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлено, что в предшествующий 1917 г. период у кабардинцев и балкарцев, несмотря на отсутствие официально утвержденных алфавитов, существовало и применялось на практике, главным образом в работе религиозных образовательных учреждений, несколько вариантов письменности на основе арабской графики. После утверждения в субрегионе советской власти (март 1920 г.) и в первые ее годы, в рамках процесса конструирования новой образовательной системы, национальные алфавиты на арабской графической основе использовались при создании советских национальных учебников. Идея латинизации письменности народов страны воплотила в себе идеологические установки большевиков, их оценки текущего внешнеполитического курса и перспективный взгляд на необходимость быстрой советизации национальных окраин. В условиях субрегиона перевод письменности на латинскую графическую основу являлся сложным многогранным процессом. Помимо своих прямых, безусловно, положительных эффектов – ликвидации неграмотности большей части населения, формирования системы всеобщего образования, появления национальных литературных языков, развития культуры, печатного дела, журналистики, а также, в широком смысле, поступательной интеграции

кабардинцев и балкарцев в советское политическое и культурно-идеологическое пространство, он также опосредованно способствовал ослаблению влияния на социум мусульманского духовенства. Это произошло ввиду вытеснения значительной его части, не принявшей модернизационных преобразований советской власти, из системы образования, что привело к значительному сужению их социального функционала и возможностей влияния на информационно-интеллектуальную сферу региона, в которой совсем недавно они доминировали абсолютно.

Список источников и литературы

Акиева 2020 – *Акиева С.И.* Сохранение балкарского языка в период 1950–2019 гг. // Сборник статей XIII Конгресса этнологов и антропологов России. Казань, 2020.

Алиев 1926 – *Алиев У.Д.* Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае: (итоги и перспективы). К предстоящему съезду горских народов. Ростов-н/Д.: Севкавказ; Крайнациздат, 1926. 128 с.

Алпатов 2000 – *Алпатов В.М.* Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 150 языков и политика. 1917–2000. М.: ИВ, 2000. 224 с.

Алфавит... 1934 – *Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР.* Москва–Ленинград: Центральный комитет нового алфавита при президиуме ВЦИК, 1934. 165 с.

Алхасова 2002 – *Алхасова С.М.* Тау-Султан Шеретлоков и его вклад в создание кабардинской азбуки // Вестник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Вып. 9. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2002. С. 182–187.

Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Архив КБИГИ). Ф. 9, 10, 16.

Базарова 2009 – *Базарова В.В.* Эксперименты языковой политики первой половины XX в. // Власть. 2009. № 8. С. 92–97.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7543.

Емтыль 2017 – *Емтыль З.Я.* Опыт взаимодействия советской власти и мусульманского духовенства Северного Кавказа в культурно-просветительской сфере в начале XX в.) (по материалам адыгских народов) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 7.

Жилетежев 2018 – *Жилетежев Х.Ч.* У истоков кабардинской письменности: Батый Лукманович Хуранов // Научный диалог. 2018. № 6. С. 9–18.

Исаев 1979 – *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979. 352 с.

Кажаров 2012 – *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 83 с.

Калмыков 1983 – *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи. Нальчик: Эльбрус, 1983. 240 с.

Кумыков 1996 – *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 328 с.

Мамсиоров 2004 – *Мамсиоров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20–е гг. XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.

Национальные... 1958 – *Национальные школы РСФСР за 40 лет / Сборник статей.* М.: Издательство Академии педагогических наук, 1958. 302 с.

Нефляшева 2022 – *Нефляшева Н.А.* «Арабисты» против «латинистов»: к вопросу о латинизации алфавита в Адыгее в 1920–е гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 1. С. 66–85.

Психомахова 2014 – *Психомахова А.Р.* Проблема светского образования в деятельности адыгского просветителя П.И. Тамбиева // Науковедение. 2014. № 4. С. 1–8.

Соблирова 2022 – *Соблирова З.Х.* Становление журналистики в Кабардино-Балкарии: газета «Красная Кабарда» // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3. С. 90–98.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. 2, 106.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1, П-1.

Хутуев 1984 – Хутуев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 452 с.

Чотчаев 2016 – Чотчаев Д.Д. Роль Исмаила Акбаева в развитии письменности и образования карачаево-балкарского народа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. С. 183–185.

References

AKKIEVA S.I. *Sokhranenie balkarskogo yazyka v period 1950–2019 gg.* [Preservation of the Balkar language in the period 1950–2019] IN: Sbornik statei XIII Kongressa etnologov i antropologov Rossii. Kazan', 2020. (In Russian)

ALIEV U.D. *Natsional'nyi vopros i natsional'naya kul'tura v Severo-Kavkazskom krae: (itogi i perspektivy). K predstoyashchemu s"ezdu gorskikh narodov.* [The national question and national culture in the North Caucasus Region: (results and prospects). For the upcoming Congress of the mountain peoples]. Rostov-n/D.: Sevkavkniga; Krainatsizdat, 1926. 128 p. (In Russian)

ALPATOV V.M. *Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva. 150 yazykov i politika. 1917–2000.* [Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space. 150 languages and politics. 1917–2000]. Moscow: IV, 2000. 224 p. (In Russian)

Alfavit Oktyabrya. Itogi vvedeniya novogo alfavita sredi narodov RSFSR. [The alphabet of October. The results of the introduction of the new alphabet among the peoples of the RSFSR]. Moscow–Leningrad: Tsentral'nyi komitet novogo alfavita pri prezidiume VTSIK, 1934. 165 p. (In Russian)

ALKHASOVA S.M. *Tau-Sultan Sheretlokov i ego vklad v sozдание kabardinskoi azbuki.* [Tau-Sultan Sheretlokov and his contribution to the creation of the Kabardian alphabet] IN: Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNTS RAN. Vol. 9. Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN, 2002. P. 182–187. (In Russian)

Arkhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (Arkhiv KBIGI). [Archive of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies]. F. 9, 10, 16. (In Russian)

BAZAROVA V.V. *Ehksperimenty yazykovoi politiki pervoi poloviny XX v.* [Experiments in language policy in the first half of the 20th century].] IN: Vlast'. 2009. Vol. 8. P. 92–97. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). [The State Archive of the Russian Federation] F. R 7543. (In Russian)

EMTYL' Z.YA. *Opyat' vzaimodeistviya sovetskoj vlasti i musul'manskogo dukhovenstva Severnogo Kavkaza v kul'turno-prosvetitel'skoj sfere v nachale XX v.) (po materialam adygsikh narodov)* [Review of the interaction of the Soviet government and the Muslim clergy of the North Caucasus in the cultural and educational sphere at the beginning of the 20th century) (based on the materials of the Adyghe peoples)]. IN: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2017. Vol. 7. (In Russian)

ZHILETEZHEV KH.CH. *U istokov kabardinskoi pis'mennosti: Batyi Lukmanovich Khuranov* [At the origins of Kabardian writing: Batu Lukmanovich Khuranov]. IN: Nauchnyi dialog. 2018. Vol. 6. P. 9–18. (In Russian)

ISAEV M.I. *Yazykovoje stroitel'stvo v SSSR.* [Language construction in the USSR]. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russian)

KAZHAROV V.KH. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardintsev vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v.* [Historiography and historical consciousness of Kabardians in the second half of the XX – beginning of the XXI century]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2012. 83 p. (In Russian)

KALMYKOV B.EH. *Stat'i i rechi.* [Articles and speeches]. Nal'chik: Ehl'brus, 1983. 240 p. (In Russian)

KUMYKOV T.KH. *Kul'tura, obshchestvenno-politicheskaya mysl' i prosveshchenie Kabardy vo vtoroi polovine XIX – nachale KHKH veka.* [Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the 19th – early 20th century]. Nal'chik: Ehl'brus, 1996. 328 p. (In Russian)

MAMSIROV KH.B. *Modernizatsiya kul'tur narodov Severnogo Kavkaza v 20–e gg. XX veka (na materialakh Adygei, Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii).* [Modernization

of cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the XX century (based on the materials of Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia)]. Nal'chik: Ehl'brus, 2004. 328 p. (In Russian)

Natsional'nye shkoly RSFSR za 40 let / Sbornik statei. [National schools of the RSFSR for 40 years / Collection of articles]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1958. 302 p. (In Russian)

NEFLYASHEVA N.A. «ArabistY» protiv «latinistov»: k voprosu o latinizatsii alfavita v Adygee v 1920–e gg. [“Arabists” versus “Latinists”: on the Romanization of the alphabet in Adygea in the 1920 s.]. IN: Istoriya, arkhеologiya i etnografiya Kavkaza. 2022. T. 18. Vol. 1. P. 66–85. (In Russian)

PSIKHOMAKHOVA A.R. *Problema svetskogo obrazovaniya v deyatel'nosti adygskogo prosvetitelya P.I. Tambieva* [The problem of secular education in the work of the Adygehe educator P. I. Tambiev]. IN: Naukovedenie, 2014. Vol. 4. P. 1–8. (In Russian)

SOBLIROVA Z.KH. *Stanovlenie zhurnalistiki v Kabardino-Balkarii: gazeta «Krasnaya Kabarda»* [The formation of journalism in Kabardino-Balkaria: Krasnaya Kabarda newspaper]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza, 2022. Vol. 3. P. 90–98. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [The Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. 2, 106. (In Russian)

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 1, P-1. (In Russian)

KHUTUEV KH.I. *Stanovlenie i razvitie sotsialisticheskoi kul'tury Kabardino-Balkarii.* [Formation and development of the socialist culture of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Ehl'brus, 1984. 452 p. (In Russian)

SHOTCHAEV D.D. *Rol' Ismaila Akbaeva v razvitii pis'mennosti i obrazovaniya karachaevo-balkarskogo naroda* [The role of Ismail Akbayev in the development of writing and education of the Karachay-Balkarian people]. IN: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. Vol. 12. P. 183–185. (In Russian)

Информация об авторах

Н.С. Лаврова – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории;

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the authors

N.S. Lavrova – Candidate of Science (History), associate Professor, Head of the Department of General History;

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior Researcher in the Modern History Sector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 392+7.031

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-79-89

ЭКОЛОГИЯ АРХАИЧНОЙ МУЗЫКИ ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ) КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ЭТНОМУЗЫКОЗНАНИЯ

Анджела Вячеславовна Гучева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, anggucheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8683-9189>

© А.В. Гучева, 2025

Аннотация. На основании сохранившихся материалов и образцов архаичной музыки раскрываются диалектные связи мира человека и мира природы, что позволяет выявить истоки экологического сознания в музыке черкесов (адыгов). В своем образном, символическом, аудиальном воплощении архаичная музыка рассмотрена как сжатый зашифрованный культурный код, образ, символ и знак мифа, а также как носитель определенного мифологического сознания и культурной традиции, выполняющая медиаторную функцию между миром человека, миром природы и миром божеств.

Установлено, что экологическая музыка возводит мир природы в эстетический объект традиции, транслирует мыслительные процессы человека, создает «активное пространство», санкционирует и сопровождает древние ритуалы, которые живописуют красочные природные пейзажи природного ландшафта, неба и земли. Символически это экологическая акция на обеззараживание ритуального пространства, санкционирует выполнение определенных действий, воспринимается как призыв к сохранению исторического наследия, развивает эстетическое чувство человека, охватывает земное, небесное и водное пространство для сотворения «нового» мифа и прекрасных музыкальных иллюминаций.

Ключевые слова: черкесы, адыги, архаичная музыка, экология, природа, образы, символы, небо, земля, вода, день, ночь

Для цитирования: Гучева А.В. Экология архаичной музыки черкесов (адыгов) как актуальная проблема современного этномusicology // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 79-89. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-79-89

Original article

ECOLOGY OF CIRCASSIANS (ADYGHES) ARCHAIC MUSIC AS AN ACTUAL PROBLEM MODERN ETHNOMUSICOLOGY

Andzhela V. Gucheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, anggucheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8683-9189>

© A.V. Gucheva, 2025

Abstract. Based on surviving materials and samples of archaic music, we will attempt to uncover the dialectal connections between the human and natural worlds, as well as identify the origins of environmental awareness in Circassians (Adyghes) music. In its symbolic, figurative, and auditory expression, archaic music is examined as a compressed, encrypted

cultural code, an image, symbol, and sign of myth, as well as a carrier of a specific mythical consciousness and cultural information of tradition, serving as a mediator between the world of man, the world of nature and the world of deities.

Our analysis revealed that ecological music: elevates the natural world to an aesthetic object of tradition, conveys human thought processes, creates an «active space», sanctions and accompanies ancient rituals, depicts colorful natural landscapes, sky, and earth, is an ecological action to disinfect ritual spaces, sanctions the performance of certain actions, is perceived as a call to preserve historical heritage, develops an aesthetic sense of beauty in man, embraces earthly, celestial, and aquatic space for the creation of a «new» myth and beautiful musical illuminations.

Keywords: Circassians, Adyghes, archaic music, ecology, nature, images, symbols, sky, earth, water, day, night

For citation: Gucheva A.V. Ecology of circassians (adyghes) archaic music as an actual problem modern ethnomusicology. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 79–89. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-79-89

Аудиальный и языковой материал позволяет выделить основные фрагменты взаимодействия мира человека и мира природы, чтобы реконструировать целую картину мира. Среди них выделяются, во-первых, Природа с ее животным и растительным мирами, Земля, Вода, Воздух и др. Во-вторых, важными являются антропологические данные человека, анатомия человека, его жесты, пластика, интеллект. В-третьих, мы можем выделить такие важные составляющие как бытовые представления, куда входят такие понятия как жилище, стойбище, единицы измерения, меры длины, время, пространство, вес, одежда, различные трудовые процессы жизнедеятельности (выделка шкур, обработка шерсти, посев, уборка и обработка семян, плодов и овощей), домашняя утварь, посуда, игры, развлечения, спортивные развлечения, пища и др. В-четвертых, социальные отношения (семья, родственные связи, этикет). В-пятых, человек создал особый типы хозяйства: охота, рыболовство и др. В-шестых, особое место во взаимодействии мира человека и мира природы выделяется духовная культура, которая охватывает: а) обряды, верования, суеверия, б) религиозные представления, в) космогонические представления и т.д. В-седьмых, речь, язык и т.д.

В выделенных идеографических рубриках картины мира человека, можно отметить, что в ней природная составляющая преобладает над другими компонентами и пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. В изображенной картине мира человек не рассматривается отдельно от природы, он взаимодействует с ней и является ее важной частью.

Благодаря постоянным поискам человек осознал, что он способен подчинять первозданные природные стихии, может воздействовать на живые организмы и растения при помощи «особых» песен и наигрышей. Природа раскрывается уже не извне, не как картинка для зрения, слуха и мозга, а как особый код внутри человека хранящий жизнепорождающие знания для оживления ее объектов. Музыка стала мотивировать человека к более близкому контакту с миром природы, к экологичному выбору образа жизни, что привело к оформлению новых этических, правовых, социальных норм поведения и развитию нового движения нам известного как экологическое движение. Истоки научного направления экология музыки связаны с общей экологией и немецким биологом Эрнстом Геккелем (1834–1919) (Ernst Heinrich Philipp August Haeckel), который еще в 1866 г. в исследовании «Общая морфология организмов» («Generelle Morphologie der Organismen») [Haeckel 1866] в главе «Экология и хорология» ввел понятие «экология» и раскрыл ее содержание, предвосхитив большую часть того, что мы вкладываем в современное понятие «экология», тогда как сам термин «экология» вплоть до 1970 года в научной среде не использовался.

Возвращаясь к вопросу экологии и человека, мы можем отметить, что уже во второй половине XX века, в связи с большим приростом населения на Земле и

развитием научно-технического прогресса перед человечеством встал вопрос об экологической угрозе и необходимости заботы об окружающей природе, ее сохранности в чистом и первозданном облике, о важности поддержания чистоты в мире, что потребовало от человека и общества изменения отношения к природе и ее природным ресурсам.

В этой связи гуманитарная составляющая экологии в поиске путей сохранения природы (закон, политика, техника, защита и др.), приобрела особую практическую надстройку, которая сейчас известна как хоррология, которая рассматривает механизмы саморазрушения цивилизации. Смысл этого направления направлен не на определение «конца» человека и цивилизации, а на расширение самого понятия «человек и цивилизация» в совокупности с «сотворенным» человеком новым миром. Конечно же, перспективы исчезновения человека, в нашем информационном мире пугающие, но для нас важно понять то, что человек по своей природе, взаимодействуя с природой и находясь в обществе, стал проявлять свои «особые» способности к самотрансценденции, транслируя и реализовывая идеи из своего сознания в нечто радикально отличное от себя.

Экология музыки не стала исключением. Музыкальная экология как самостоятельное научное направление оформилась значительно позднее. Этому предшествовал поиск диалектических связей человека и окружающей среды, который привел к формированию новых научных направлений, которые занимают центральное место в современных гуманитарных науках. В частности, направление «экология культуры» было представлено и обосновано Д. Лихачёвым в ряде публикаций [Лихачев 1991: 3–8; Лихачев 2000], которое послужило катализатором для возникновения нового культурологического направления, исследующего проблематику взаимоотношений человека и общества с природным миром.

Эти изыскания ученого получили дальнейшее развитие в работах Н. Маньковской и оформились в концепцию экологической эстетики. Ее подход был направлен на осмысление глобальных связей человека и природы в культурном контексте. В работе «Эстетика постмодернизма» она вводит понятие «искусство окружающей среды», определяя его как зону пересечения искусства и природы, где в процессе их взаимодействия возникают новые уникальные эстетические объекты Исаев [Маньковская 2000].

Так сложилось, что на современном этапе ключевые вопросы музыкальной экологии связанные с проблемой взаимодействия музыки и экологии окружающей среды до сих пор остаются мало исследованными, несмотря на тесную взаимосвязь этого научного направления с экологической философией, психологией, социальной экологией, экологической культурой, а также с педагогикой и экологией образования.

В ландшафте музыкального искусства экологическая музыка предстает как самобытный объект творчества, чья природа нашла отражение в работах композиторов самых разных школ и направлений. Среди тех, кто работал в этом направлении, мы можем выделить О. Мессиана, П. Вакса, А. Хованесса, И. Кефалиди, Дж. Крама, Э. Денисова, В. Артёмова, П. Карманова, а также основоположника экологического джаза П. Уинтера, виртуоза электронной музыки Китаро, а также множество композиций в стиле «нью-эйдж»*, содержащие медитативную и релаксационную музыку. Созданные «природные опусы»** наполнены звучанием «естественных» звуков природы (пение птиц, голоса животных, звуки ветра, дождя, шума воды и др.) и звуками различных электронных музыкальных инструментов. Использование

* New age music – «музыка новой эпохи».

** Наибольший интерес для нас представляют следующие опусы: Мессиа О. «Пробуждение птиц» для фортепиано с оркестром, Вакс П. Квintет для духовых инструментов «Музыка улетающим птицам» и симфония «Голоса» (II часть), Денисов Э. «Пение птиц», Артёмов В. Цикл для двух фортепиано «Лесные эскизы», Корндорф Н. «Ярило», Крам Дж. «Vox Balanaea» («Голос кита»), Уинтер П. «Колыбельная каньона», Кефалиди И. «Vogelperspektive» (с нем. яз. «с высоты птичьего полёта») и др.

природных и ландшафтных средств выразительности, как и различных технических приемов в этих произведениях, позволило их отнести к экологической музыке. Их многообразность потребовала определенной систематизации, которую попытался реализовать Е. Назайкинский в работах «Экология музыки» [Назайкинский 1995: 8–18] и «Стиль и жанр в музыке» [Назайкинский 2003] и, определяющей основой его теории стала – человек, музыка, экология, стиль и жанр.

Принадлежность сочинения к экологической музыке определяется совокупностью стилеобразующих факторов, которые реализуются на уровне формообразования, звуковысотной и метроритмической организации, а также способов фактурного изложения музыкального материала, которые были проанализированы в работах Ц. Когоутека [Когоутек 1976], Ю. Евсюковой [Евсюкова 2012-1: 27–33; Евсюкова 2012-2: 26–31], К. Петрова [Петров 2000], Л. Мельникаса [Мельникас 2000], М.А. Харлей [Harley 1996], Дж. Титона [Titon 2013] и др.

Природосберегающая сущность культуры адыгов была основана на их детерминированности миром природы. Правила взаимодействия человека и природы строились на принципах адыгской этики и этикета, где человек в облагороженной форме создает вокруг себя особый мир, в котором все живое в природе, как и сама природа с ее обитателями, без особой необходимости не уничтожались, что способствовало формированию и поддержанию в обществе высокого уровня синергизма. В это понимание входят нормы и правила, регулирующие отношения социума с природной средой, которые включают этические представления, а также основанные на них практические действия, которые нашли отражение еще в мифе. Поэтому правомерно рассмотреть истоки экологического сознания и экологической этики взаимодействия человека и природы посредством архаичной музыки адыгов. Такой анализ представляет не только теоретический, но и научно-практический интерес. Экологические вопросы теснейшим образом связаны с проблемами формирования идентичности и коллективной защиты, вопросами об управлении ресурсами и контроля мира природы, включая и другие аспекты практик жизнеобеспечения этноса.

В анализе фактического материала используется метод суггестивного зрительно-ассоциативного и тембро-акустического восприятия звучащей музыки в сочетании с мифологическим сознанием адыгов. Методология исследования учитывает сложность исследуемого материала и в этой связи мы прибегаем к ассоциативно-семантическому, сравнительно-историческому, структурно-семиотическому и этномузикологическому подходу, адекватным объекту изучения.

Еще с древности музыка адыгов, всегда отзывчивая к миру природы, вместе с тем всегда была исполнена самых грозных предчувствий и предостережений о ее возможной гибели. Конец природы представлялся как разлад и противостояние друг против друга стихий: вода стеной встает на огонь, бушующие морские воды сражаются с небесами, разгул стихии ввергает в борьбу вихри с вихрями, тучи с тучами, огонь с землей... Если изначально это противостояние человек воспринимал как взаимодействие мощных сил мира природы с которыми он взаимодействовал посредством особого языка – музыки, то сейчас основную угрозу для них представляет сам человек.

Значительно позже музыка приобретет несколько самостоятельный интерес в контексте природы и общества, где она выступила аллегорией различных эмоциональных потрясений, социальных процессов, военных коллизий, передавая ужасы грядущего, связанные с промышленным развитием, загрязнением и уничтожением окружающей среды, социальными и гражданскими войнами, нравственными грехами человечества, эпидемиями и болезнями, а их поры внедрились в природу и общество, породив мрачные предчувствия будущих судеб мира и начало пессимистичных страниц в жизни человечества связанных с самоуничтожением

человеком самого себя. В этой страшной картине будущего особое место занимает музыка, которая выступает животворящей созидательной, очищающей силой и не просто откликается на голоса природы, вторит им, олицетворяет их как особый язык Вселенной, но и сама стремится стать частью природы, видя в этом для себя высшее предназначение способное спасти мир и человека от гибели. Музыка – это особый образ и акустический код традиции, культуры, искусства с высоким жизненным и эстетическим потенциалом, как бы изначально предполагающим прием развернутой и колоритной звуковой корреляции пространства и времени во взаимосвязи с определенным уровнем сознания человека. Собственно, «создав» музыку и музыкальный инструмент человек ощутил себя «творцом» мира природы и предпринял множество попыток познать себя как творца. Для человека музыка стала интеллектуальным и звуковым кодом, эмоциональной средой и творческой лабораторией-коммуникацией создающей мир вторичных образов, смыслов, знаков, систем и понятий в момент взаимодействия с природой и обществом.

Музыка выступила тем мощным инструментом, который мог влиять на сознание и поведение человека, а на определенном этапе своего развития, выработав специфические приемы, она стала оказывать влияние на природу, ее сохранность, как в своем мире, так и в мире человека. Именно тогда человек создал музыкальный инструмент – свирель (*камьль*). *Камьль* (къамыл – каб.-черк.; *Scirpus lacustris* – камыш озерный) – это старинная адыгская свирель традиционно изготавливается из камыша, а в более позднее время из ружейного ствола; где и имя и внешний вид отправные точки экзегезиса музыкального инструмента [Гучева 2022: 655–656]. Ствол камыля цилиндрический или, чаще, конусообразный, несколько сужающийся к нижнему концу, – в зависимости от материала, из которого он сделан. У нижнего конца располагаются два-три игровых отверстия. Камыль также изготавливают из тростника, дерева или железа. Деревянный камыль делают из цельного гладкого прута кустарниковой поросли, к примеру, молодой поросли фундука. Ровную ветку разрезают пополам, вынимают сердцевину (в основном сердцевину выжигают проволокой) и скрепляют обе половинки с помощью коры дикой черешни или фундука [Гучева 2020: 71].

Сам момент создания музыкального инструмента уникален. В нем запечатлен отпечаток мировоззренческого, психологического и ментального миропорядка, где божественная тайна полунедостоверностью и, так сказать, неочевидность очевидным образом позволяет человеку получить от природы природное для того, чтобы воздействовать на природу и ее стихии и, при этом, максимально не принося ей вред. Мы не случайно затронули такой аспект, как создание музыкального инструмента и, соответственно, окультуривание природного звука, который нашел свое отражение в героическом эпосе «Нарты»; он повествует, будто «герой нарт Ашамез во время охоты, устав, заснул под деревом в лесу. Ничто не могло разбудить героя. И только каким-то необыкновенным звукам оказалось это под силу. Звуки эти издавала сломанная ветка, в которой черви выточили сердцевину и образовали несколько дырочек в коре, сквозь которую дул ветер. Так и рождались звуки. Ашамез, срезав ветку, подул в нее, и из нее полилась музыка. С тех пор Ашамез прослыл среди нартов искусным музыкантом. Камыль Ашамеза имел белый и черный концы. Если подуть в белый конец – мир расцветал, умножались стада и возрастал урожай» [Нарты 1974: 259]. Если подуть в черный конец – земля пустела, погибали звери: «...Свирель у Ашамаза была не простая. То была свирель Тхаголеджа, бога плодородия. Один конец у свирели был белый, другой – черный. Песня, что лилась через белый конец, не похожа на ту, что лилась через черный. Дует Ашамаз в белый конец, и жизнь становится цветущей, изобильной, а подул бы в черный – исчезла бы радость на земле, повяли бы травы, погибли бы люди и животные» [Нарты 1974: 259]:

*Ашэмэзу лЫ пхъашэм,
Ашэ и къуэу бжъамиятцэм
И бжъамийр къызэкъуех,
Гум хыхъэ шынальэр зэфІеуцІэ.
ЩЫр арыххэу мэцхуантІэ,
Жыгхэр къотІэнІ, мэгъагъэ,
Удз гъэгъахэр цхъуэкІэпльыкІэц.
ХьэкІэкхуэкІэхэр къопсэуж... [Нарты 1957: 283].*

*Взял Ашамез справедливый
Жизни источник – свирель,
Тихо запел свой счастливый,
Свой задушевный напев.
Он на свирели играет, –
И оживает земля, доли, поля расцветают,
Вновь улыбаются лица.
Веселы звери и птицы, снова струится река... [Нарты 1957: 275–276].
(Перевод с кабардинского В. Звягинцевой)*

Данный фрагмент показывает, что гибели человека предшествует уничтожение природы и всех обитателей на Земле, так как во всех этих событиях, стирающих грани между человеком и природой, ощущается первоначальная воля того, кто дал музыкальный инструмент в руки человека. Вообще между человеком и природой обнаруживается какая-то тайная общность, двойственность и противоречивость. Ведь любой конфликт человека с миром природы заведомо был предопределен его гибелью, поэтому он стремился к экологически мирному сосуществованию с этим миром, как и с его обитателями.

Показательно, что загадочная и животворная сила музыки, внезапно одушевляющая природу, выдает и свою смертоносную враждебность ко всему живому, ее цель не только оживить, возродить, дать новую жизнь, но и умертвить, обездвижить, разрушить, забрать с собою в хаос, уничтожить все живое.

Возвращаясь к свирели, мы можем говорить о мифологической лиминальности музыкального инструмента, так как камыль озвучивал каждый отрезок пространства и времени, конвенционально олицетворяя нечто иное, чем музыка. В космологической символике камыль занимал центральное место, а звучавший на нем наигрыш, нечто большее, чем может показаться, и часто значительно большее – это особая сила природы и мощных сил стихий заключенных в хрупком корпусе инструмента.

Камыль стал проводником между человеком, миром природы и ее стихиями. Благодаря свирели мы можем услышать звуки восхищения ночному небу, полночи, утренней заре, солнцу, луне, звездам, земле, речным и морским водам, различным природным явлениям и т.д. Ночью при лунном свете, как и в солнечный день на земле (поля, луга, леса и др.) под открытым небесным сводом проводились праздничные действия посвященные божествам пантеона. Небо (уафэ) олицетворяло воздушную стихию в адыгской мифологической традиции. Небо наиболее архаичное божество и оно одним из первых приобрело пространственные характеристики в мифологической картине мира. Являясь местом обитания космогонических божеств, солнца (дыгъэ), луны (мазэ), звезд (вагъуэ), оно стало источником жизни, света и плодородия и под его покровительством находилась земля, природа, погода и фактически все пространство, поэтому небо изначально воспринималось в мифе хозяином верхнего мира. К небу обращались с различными просьбами и общение с ним, могло одарить различными благами, здоровьем, силой, властью, удачей в промысле, удачей на охоте, победой над врагом, а также оно могло и покарать за неблагоприятные проступки.

В звуках наигрыша во время вечернего ритуального «убаюкивания/усыпления» стада овец – «Мэлгэжэй», слышно пленительное и благозвучное обращение к небу, луне и ночи. Здесь же обнаруживаются их бинарные позиции – земля, солнце и день, которые оживают во время звучания наигрыша «Мэлегъажэ» в одноименном ему ритуальном выгоне отар на пастбища.

В двух наигрышах нашли живое равновесие фундаментальные вопросы, которые бесконечно ставил человек о себе, о жизни и ее возрождении после смерти, о его нахождении в мире природы. Жизнь и смерть, день и ночь, солнце и луна, свет и тьма – это смысловое двуединство мифотворения в которых человек достигает равновесия с миром природы не нарушая его, а уважая пределы, обозначающие важные исторические формы жизни человека, повышая его образ жизни и культурный уровень развития в единстве и гармонии с природой.

Звучание ритуального наигрыша «Мэлгэжэй» ассоциируется с ночью как завершение, рубеж, символическая смерть, гибель, но это не конец, а временной рубеж, за которым следует рождение нового, преобразование или рождение «новой» жизни. Ассоциативно, звучащий наигрыш можно соотнести с сакральной смертью или экологической катастрофой, где каждый звук мелодии способен привести к гибели всего живого на земле, тем самым подводит человека к размышлениям об агностическом отношении к жизни и подводит к страху фатальной или реальной физической смерти. С другой стороны, многократно повторяющаяся мелодия наигрыша в низком регистре рисует нам «звуко-тембральную» и «зрительную» образ-картину передавая цвета и оттенки красочного ночного неба, звуки легкого дуновения ветра и шелеста травы и листьев мира природы в котором нет страха гибели. Наигрыш также транслирует чувство бесконечного времени и безграничного пространства через особый акустический эффект – тембромотив, который своими звуками обволакивает и защищает небо, землю, животных и растения от мыслимой гибели.

Как показывает врачевальная практика адыгов, звучавший в загоне наигрыш мог предохранить и защитить стада овец от болезней, а также от мышей и других грызунов, которые являлись переносчиками различных болезней. Конечно же, в XXI веке источник происхождения многих болезней и подобного «обеззараживания» утратил свою экзотичность, потерял конкретику, а многие болезни превратились в фантазмагорию, символ. Тем не менее, мы имеем право проводить подсознательную связь с древними представлениями о примитивном врачевании в прошлом, где многие гипотезы невольно вызывают в памяти привычный набор стереотипов взаимодействия человека с миром природы и ее обитателями – от стандартного повествования о болезнях и эпидемиях, которые в современной медицине и ветеринарии облачены сейчас во множество симптомов, способов борьбы с ними, в огромном выборе средств для лечения и мер предосторожности, которые были заложены еще в древности. Несмотря на компетентность и осведомленность человека, в любом случае и сейчас и, в древности неподготовленных болезнь застигает врасплох, хотя и те, кто соблюдает меры предосторожности, также становятся ее мишенями.

Колоритное звучание камыля в низком тембре – это «своего рода криптограмма и идеография экологической музыки, которая требует интерпретации и расшифровки, и в данном случае – это фактически одно и то же. Это вызвано отчасти, во-первых, эстетико-звуковыми задачами передачи координат «чистого» пространства, свободы в Вечности, во-вторых, ритуальный наигрыш, выступая вербальным текстом ритуала, должен использовать все возможности и средства музыки, как для магического лечения и как средство для лечения, чтобы защитить стадо от любой напасти и болезни, и, в-третьих, это попытка смоделировать момент «перетекания» из одного пространства в другое для передачи сакральной идеи момента творения мифа в нейтрально-промежуточном пространстве, но при

этом сохраняя собственный пульс и темп для защиты животных и природы» [Гучева 2021: 31]. Это элементарная и неявная форма магии, которая продолжала жить, но так до конца и не была осознана, тем не менее, она была способна сохранить мир человека и мир природы в ее «лучшем» экологическом понимании и состоянии. Под магией мы здесь понимаем, собственно, наигрыш, звуки которого выступают в качестве особой врачевальной коммуникации, способной поддерживать здоровье домашних животных, а тембр и тоновая магия звучащего инструмента может интерпретироваться как баланс, а иногда и резонанс особой аудиальной магии, приносящей добро и сохраняющей жизнь человека, природы и ее обитателей.

При анализе двух ритуальных наигрышей «Мэлгъэжей» и «Мэлегъажь» с позиции экологии музыки, мы убеждаемся в том, что в них заложено важнейшее стремление к познанию и сохранению первозданной природы в девственно «чистом» состоянии. В мифотворчестве они имеют собственную цветосимволику и связываются с понятиями мистической и ритуальной жизни, сакральной смерти и представлениями об умирании и возрождении. Ритуал «Мэлегъажь» ассоциируется с белым цветом, в то время, как ритуал «Мэлгъэжей» образует антитетическую пару и связывается с черным цветом, соответственно, такая же цветовая градация относится к используемым ритуальным наигрышам. Данные концепты цвето- и звуковосприятия обеих ритуалов и ритуальных наигрышей основаны на символической ценности и семантической оппозиции, которые входят в основу экофилософских взглядов на взаимодействие экологии и музыки и, создают чувство общности между природой и человеком. Именно экологические концепции лежат в основе поиска и обретения гармоничного единства музыки, человека и природы, раскрываются в процессе их динамичного взаимодействия и синтезирования для обретения культурной целостности и ценности. В любом случае, всякая болезнь несла зло как человеку, так и животным, что порождало страх, было окутано таинственностью и воспринималось как заразная и всё уничтожающая, пусть и не в буквальном, но в экологическом и нравственном смысле. А контакт, как с человеком, так и животным, страдающим от недуга, всегда считался зловещим и таинственным, неизменно воспринимался как проступок, наказание, хуже того – нарушение табу в общении с миром природы. Возможно, поэтому оба наигрыша в адыгской традиции наделены магической таинственной властью и силой природных стихий, а их звуки обладали действием врачевания и, одновременно, могли как принести спасение, так и навлечь несчастье, хворь, испортить поголовье стада, помешать получению хорошего приплода, загрязнить природный ландшафт и т.д. Музыка не только действовала в полном согласии с воображением и выражала замысел человека, но и наделялась особой магической силой, чтобы творить добро и очищать природу. Таким образом, звучавшая музыка в музыкальной традиции приобрела уже статус экологического тотема.

Если кропотливо восстановить на первоначальном уровне все функции, накопленные в бессознательном вокруг образа свирели – камыля, то можно лучше понять символы экологии музыки, экологии жизни и экологии смерти как сакральной, так и реальной. Глубинное воображение при звуках наигрыша, подключив свои важнейшие сакральные и магические функции, вовлекали и обволакивали территорию взаимодействия и проекции трех миров для свободного «перемещения» звуков свирели между мирами, где камыль и звучавшие на нем наигрыши выступили как – символ сакральной чистоты, символ сакрального порядка, символ неба, символ земли, символ сакральной смерти, символ жизни всех трех миров.

Таким образом, от звучащей музыки мы обращаемся к целостному аудиальному отображению природы в системе экологической взаимозависимости человека и предметных деталей мира природы. Открывшиеся с новой стороны адыгская свирель и архаичные наигрыши, представили нам мир человека в новых звуковых

красках, которые способны открывать нереализованные резервы глубинной красоты мира природы, мира человека и мира музыки.

Звучащая музыка и музыкальный инструмент возводят мир природы в эстетический объект традиции с собственными чувствами и эмоциями. Их звучание создает ощущение сопричастности к его многообразным проявлениям, помогая человеку восстановить утраченную гармонию, ощутить себя частицей целого, приблизиться к природной мудрости, через непосредственное взаимодействие. Они транслируют мыслительные процессы человека и рождают внутреннюю философию, структурируя и «проявляя» экологически чистое пространство и время мифа: *во-первых*, создают «активное пространство», *во-вторых*, санкционируют и сопровождают древние ритуалы, *в-третьих*, живописуют красочные природные пейзажи природного ландшафта, неба, земли, *в-четвертых*, это экологическая акция на обеззараживание ритуального пространства, *в-пятых*, звуки наигрыша предназначены для выполнения определенных действий, *в-шестых*, звуки свирели и наигрышей воспринимаются как призыв к сохранению исторического наследия, *в-седьмых*, экспериментирование с экологически чистым природным звуком, развило эстетическое чувство прекрасного человека, *в-восьмых*, создаваемое камылем и наигрышем музыкальное пространство, охватывает земное, небесное и водное пространство мифа, которое всегда открыто для сотворения «нового» мифа и прекрасных музыкальных иллюминаций.

Экологическая музыка – целая система эстетических, акустических, врачевальных, противозидемиологических законов сочетания разных мотивов в реальном мире человека, в котором в единое целое собираются такие необходимые для его жизни элементы как – земля, вода, небо, день, ночь, объекты природы для создания идеальной картины мира человека. В них господствует так жизненно необходимая для человека чистая природа – реки, поля, леса, здоровые обитатели растительного и животного мира. Мы рассмотрели особую группу инструментальных наигрышей, которые до этого не изучались как «особые» наигрыши действовавшие человеку, чтобы взаимодействовать с миром природы, транслируя особый способ звукового ландшафтного запечатления дня, ночи, неба, земли, воды, а также «предельных» состояний мира, жизни, смерти и души человека, вырывающихся за грань слышимой, видимой и осязаемой сакрализованной экологически чистой природы. Такого рода «чистые» звуковые ландшафты в особенности благоприятны для изучения законов равновесия и экологического взаимодействия человека и природы, не только как воображаемые вторичные образы мира мифа, а как реальные современные образы индустриального и цифрового мира техники, общества, культуры, но и пересоздающего саму первозданность «новой» чистой природы, где человек открывает внутри себя «чистую» природу и «чистую» Землю, которую он сохранит для новых поколений.

Все эти темы входят в проблему экологически чистого взаимодействия человека с миром природы и заслуживают отдельного рассмотрения. Тогда как затронутая нами тема поиска истоков тембро-аудиального «очищения» и взаимодействия человека и природы, нами рассмотрена как особая форма медитации, где звучащая музыка транслирует взаимоотношения и взаимовлияния экологического сознания человека и окружающего мира, которые важно исследовать в этическом, гносеологическом, мифологическом, этномузыкалогическом и экологическом аспектах.

Резюмируя вышеизложенное, хотим отметить, что музыкальная экология адыгов – сложное и многогранное явление, которое предстоит постичь, а «новая» музыка современного мира никогда не разрываясь с истоками прошлых достижений. Уважение к эстетике архаичной музыки прошлого дает силы творить прекрасное настоящее.

Список источников и литературы

Haeckel 1866 – *Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine grundzüge der organischen formen-wissenschaft, mechanisch begründet durch die von charles Darwin reformirte descendenz-theorie. Allgemeine anatomie der organismen. Bd. 1. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1866. 626 p.*

Harley 1996 – *Harley M.A. Notes on Music Ecology: As a New Research Paradigm. Los Angeles: University of Southern California [Электронный ресурс] http://www.wfae.proscenia.net/library/articles/harly_paradigm.pdf (Дата обращения: 22.08.2025).*

Titon 2013 – *Titon Jeff T. Music and Sustainability: An Ecological Viewpoint. The World of Music // Ecology, Economy, and Music. 2013. [Электронный ресурс] <http://sustainablemusic.blogspot.com.au/> (Дата обращения: 14.07.2025).*

Гучева 2020 – *Гучева А.В. Картины мира черкесов (адыгов): музыка, танец, слово. Москва: ООО «Научтехлитиздат», 2020. 216 с.*

Гучева 2021 – *Гучева А.В. Символизм и концепция иммерсивности музыкальной картины мира черкесов (адыгов) // История науки и техники. № 7. М., 2021. С. 28–34. DOI: 1025791/intstg.7.2021.1300.*

Гучева 2022 – *Гучева А.В. Камыль // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. М.: Наука, 2022. 870 с. (Народы и культуры). С. 655–660.*

Евсюкова 2012-1 – *Евсюкова Ю. Природа и искусство: особенности композиции в экологической музыке // Южно-Российский музыкальный альманах. № 2. М., 2012. С. 27–33.*

Евсюкова 2012-2 – *Евсюкова Ю. Экология музыки как актуальная проблема современного музыкознания // Проблемы музыкальной науки. № 3. Уфа, 2012. С. 26–31.*

Когоутек 1976 – *Когоутек Ц. Техника композиции в музыке XX века. М.: Музыка, 1976. 368 с.*

Лихачев 1991 – *Лихачев Д. Экология – проблема нравственная // Наше наследие. М., 1991. № 1. С. 3–8.*

Лихачев 2000 – *Лихачев Д. Экология культуры // Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.*

Маньковская 2000 – *Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.*

Мельникас 2000 – *Мельникас Л. Экология музыкальной культуры. М., 2000. 324 с.*

Назайкинский 1995 – *Назайкинский Е. Экология и музыка // Музыкальная академия. М., 1995. № 1. С. 8–18.*

Назайкинский 2003 – *Назайкинский Е. Стиль и жанр в музыке. М.: Владос, 2003. 248 с.*

Нартхэр 1957 – *Нартхэр. Адыгэ эпос. Нарты. Адыгский эпос. М.: Госиздат, 1957. 528 с.*

Нартхэр 1974 – *Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1974. 415 с.*

Петров 2000 – *Петров К.М. Экология и культура: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2000. 358 с.*

References

HAECKEL E. *Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine grundzüge der organischen formen-wissenschaft, mechanisch begründet durch die von charles Darwin reformirte descendenz-theorie. Allgemeine anatomie der organismen. Bd. 1. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1866. 626 p.* (In German)

HARLEY M.A. *Notes on Music Ecology: As a New Research Paradigm. Los Angeles: University of Southern California [Elektronnyj resurs] http://www.wfae.proscenia.net/library/articles/harly_paradigm.pdf (Data obrashcheniya: 22.08.2025).*

TITON J.T. *Music and Sustainability: An Ecological Viewpoint. The World of Music // Ecology, Economy, and Music. 2013. [Elektronnyj resurs] <http://sustainablemusic.blogspot.com.au/> (Data obrashcheniya: 14.07.2025).*

GUCHEVA A.V. *Kartiny mira cherkesov (adygov) muzyka, tanec, slovo* [Pictures of the world of the Circassians Adyghe) music, dance, word]. Moskva: Nauchtekhlitizdat, 2020. 216 p. (In Russian)

GUCHEVA A.V. *Simvolizm i koncepciya immersivnosti muzykal'noj kartiny mira cherkesov (adygov)* [Symbolism and the concept of immersion in the musical picture of the world of the Circassians (Adyghe)] // *Istoriya nauki i tekhniki*. № 7. Moskva, 2021. P. 28–34. DOI: 1025791/intstg.7.2021.1300. (In Russian)

GUCHEVA A.V. *Kamyl'* [Kamyl] // *Adygi: Adygejcy. Kabardincy. CHERkesy. SHapsugi* [Adyghe: Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs] / *otv. red. A.H. Abazov, YU.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova*; In-t etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN; Kabardino-Balkarskij nauchnyj centr RAN; Adygejskij respublikanskij in-t gumanitarnyh issledovanij im. T.M. Kerasheva. Moskva: Nauka, 2022. 870 p. (Narody i kul'tury). P. 655–660. (In Russian)

EVSYUKOVA Y.U. *Priroda i iskusstvo: osobennosti kompozicii v ekologicheskoy muzyke* // *YUzhno-Rossijskij muzykal'nyj al'manah*. № 2. Moskva, 2012. P. 27–33.

EVSYUKOVA Y.U. *Ekologiya muzyki kak aktual'naya problema sovremennogo muzykoznanija* // *Problemy muzykal'noj nauki*. № 3. Ufa, 2012. P. 26–31.

KOGOUTEK C. *Tekhnika kompozicii v muzyke XX veka*. Moskva: Muzyka, 1976. 368 p.

LIHACHEV D. *Ekologiya – problema npravstvennaya* // *Nashe nasledie*. Moskva, 1991. № 1. P. 3–8.

LIHACHEV D. *Ekologiya kul'tury* // *Russkaya kul'tura*. Moskva: Iskusstvo, 2000. 440 p.

MAN'KOVSKAYA N. *Estetika postmodernizma*. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2000. 347 p.

MEL'NIKAS L. *Ekologiya muzykal'noj kul'tury*. M., 2000. 324 p.

NAZAJKINSKIJ E. *Ekologiya i muzyka* // *Muzykal'naya akademiya*. Moskva, 1995. № 1. P. 8–18.

NAZAJKINSKIJ E. *Stil' i zhanr v muzyke*. Moskva: VladoS, 2003. 248 p.

Narther. Adyge epos. Narty. Adygskij epos [Nartkher. Adyghe epos. Narty. Adyghe epic]. Moskva: Gosizdat, 1957. 528 p. (In Russian)

Narther. Adyge llyh'uzh' epos. Narty. Adygskij geroicheskij epos [Narthar. Adyge llykhuzh epic. Sled. Adyghe heroic epic]. Moskva: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva Nauka, 1974. 415 p.

PETROV K.M. *Ekologiya i kul'tura: Uchebnoe posobie*. Sankt-Peterburg: Izd-vo S-Peter. un-ta, 2000. 358 p.

Информация об авторе

А.В. Гучева – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии.

Information about the author

A.V. Gucheva – Candidate of Historical Sciences (PhD), Assistant Professor, Senior Researcher of the Ethnology and Ethnography Sector.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 811.35

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-90-97

КОСВЕННАЯ НОМИНАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Карина Вячеславовна Ошроева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, karinzal@yandex.ru, Author ID: 1114541

© К.В. Ошроева, 2025

Аннотация. Целью исследования является выявление единиц косвенной номинации в трех разноструктурных языках – кабардино-черкесском, русском и английском, чтобы показать важную роль указанных языковых единиц в формировании языковой картины мира. Обращение к единицам косвенной номинации вполне вписывается в актуальную проблему реконструкции языковой картины мира. Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые на основе сравнительного анализа указанных языковых единиц выводятся культурно-значимые параллели, имеющиеся в кабардино-черкесском, русском и английском языках, а также проводится дифференциация признаков, используемых в качестве образов эталонов. В работе использованы методы сплошной выборки и сравнительного анализа. Роли вторичной или косвенной номинации в разных языках посвящены работы многих известных лингвистов, некоторые из них стали теоретической базой данного исследования. В работе показана системообразующая роль компаративных сочетаний в формировании языковой картины мира. Единицы косвенной номинации представляют собой результат особого когнитивного процесса, который формирует новые знания об объекте действительности, на основе имеющегося у человека опыта взаимодействия с другими объектами, познания их свойств и признаков. Этот комплекс знаний о предмете занимает определенное место в когнитивной базе человека. Выделение того или иного признака обусловлено стереотипами обыденного сознания языкового коллектива. В работе исследованы причины появления вторичной номинации для наречения нового предмета или процесса. Кроме того, показаны как в процессе косвенной номинации происходит вторичная категоризация обработанного и усвоенного сознанием человека информации. Так образуется новое содержание, которое базируется на знаниях человека о мире, которые формируются в виде косвенных наименований самой различной структурной организации.

Ключевые слова: косвенная номинация, когнитивная база, категоризация, кабардино-черкесский язык, компаративные сочетания

Для цитирования: Ошроева К.В. Косвенная номинация и языковая картина мира (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 90–97. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-90-97

Original article

INDIRECT NOMINATION AND THE LINGUISTIC WORLDVIEW (BASED ON KABARDINO-CIRCASSIAN, RUSSIAN, AND ENGLISH)

Karina V. Oshroeva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov», Nalchik, Russia, karinza@yandex.ru, Author ID: 1114541

© K.V. Oshroeva, 2025

Abstract. The aim of this study is to identify units of indirect nomination in three languages with different structures – Kabardino-Circassian, Russian, and English – in order to demonstrate the important role of these linguistic units in shaping the linguistic worldview. The study of indirect nomination units, such as standard comparison studies, fits well with the pressing issue of reconstructing the linguistic picture of the world. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time, based on a comparative analysis of the aforementioned linguistic units, culturally significant parallels existing in the Kabardino-Circassian, Russian, and English languages are deduced, and a differentiation of the features used as standard images is carried out. The work utilizes the methods of continuous sampling and comparative analysis. The role of secondary or indirect nomination in different languages is the subject of works by many renowned linguists and they form the theoretical basis for this study. The work demonstrates the system-forming role of comparative combinations in shaping the linguistic picture of the world. Indirect nomination units represent a specific cognitive process that generates new knowledge about an object of reality based on a person's experience interacting with other objects and understanding their properties and attributes. This body of knowledge about an object occupies a specific place in a person's cognitive base. The selection of a particular attribute is determined by stereotypes in the everyday consciousness of a linguistic community. This paper examines the reasons for the emergence of secondary nomination for naming a new object or process. Furthermore, it demonstrates how, during the process of indirect nomination, secondary categorization of information processed and assimilated by human consciousness occurs. This process creates new content based on a person's knowledge of the world, which is formed as indirect names of a wide variety of structural organizations.

Keywords: indirect nomination, cognitive base, categorization, Kabardino-Circassian language, comparative combinations

For citation: Oshroeva K. V. Indirect nomination and linguistic picture of the world (based on the Kabardino-Circassian, Russian and English languages). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 90–97. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-90-97

Структурирование окружающей действительности является необходимым условием существования человека. В результате этого человек получает представление о мире, в котором живет, и о себе. Все полученные знания складываются в некую картину мира. Подтверждая важность этого многовекового процесса, некоторые исследователи отмечают, что картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, оно выражает специфику его бытия [Постова-лова 1988: 18].

Ученые отмечают, что окружающий мир может описан на трех уровнях. В первую очередь, действительность предстает перед нами на физическом и математическом уровне. Объективная реальность переводится в формулы и термины указанных наук. При этом взаимоотношения человека и мира вещей не принимается во внимание. Следующий уровень – это мир живых существ, так называемый экологический уровень. Он является результатом жизнедеятельности человека, где вещи и явления отражены в определенной иерархической организации, в зависимости от их ценности и значимости для человека. И последний уровень

представления мира – это языковой. Мир предстает, обработанный сознанием человека. Появляются ограничения, обусловленные особенностями восприятия, а также спецификой самого языка, его типологическим строем и языковым репертуаром. На этом уровне знания, полученные человеком, складываются в языковую картину мира. Ее реконструкция рассматривается как важное направление исследований в современной лингвистике [Резин 1994: 79].

Между реальным миром и человеком – языковое сознание, которое является главным «аранжировщиком» при переводе фактов мира в факты языка. Все многообразие воспринимаемой информации фильтруется сознанием человека, проходя «жернова» категоризации и концептуализации. В результате формируются понятия, отражающие сущностные характеристики предметов и явлений, на основе которых складывается концептуальная картина мира. На следующем этапе концепты, образующие концептуальную картину мира, приобретают языковую форму в виде языковых значений. Здесь происходит дифференциация способов выражения одних и тех же понятий в разных языках. Например, понятие *масло* (жидкое или твердое жировое вещество, растительного или животного происхождения) получает разное языковое выражение в зависимости от его происхождения. Так, в кабардино-черкесском языке *тхъу* – масло животного происхождения, а *дагъэ* – растительного. Такая же картина наблюдается и в английском языке: *butter* – животного, а *oil* – растительного происхождения. В русском языке нет такой дифференциации: *масло* – и животного происхождения, и растительного происхождения.

Термины родства в кабардино-черкесском могут иметь дифференцированное выражение: *щыкъуанэ* «мать жены», *гуащэ* – «мать мужа». В русском языке наблюдается такая же картина: *теща* «мать жены», *свекровь* – «мать мужа», тогда как в английском языке нет такой дифференциации: *mather-in-law* (букв.: мать по закону) используется для именованья как *матери жены*, так и *матери мужа*.

Итак, слово является основным средством формирования и способом существования понятия. Из этого следует, что слово, прорастая в сознание, меняет многие отношения и процессы, протекающие в нем.

Языку отводится двоякая роль в освоении картины мира. С одной стороны, в его недрах протекает постоянный процесс формирования языковой картины мира. С другой стороны, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира (физико-математические, экологические и т.д.).

Языковая картина мира традиционно толкуется как способ восприятия мира и его отражения в языке, свойственный отдельному этносу. Единая биологическая и социальная сущность человека предопределяет универсальные черты языковой картины мира. С другой стороны, пребывание человека в определенном природно-географическом окружении, историческая ретроспектива этноса, членом которой он является, обуславливает специфичность и уникальность языковой картины мира.

Подчеркивая сложность и многогранность процесса формирования языковой картины мира, В.И. Постовалова пишет, что человек ощущает мир, видит его, познает, контактирует с ним, интерпретирует его, воображает другие миры, отражает в языке. В результате формируется образ мира как результат его переживаний в непрерывном процессе познания [Постовалова 1988: 20].

Из этого следует, что объективная реальность, переводимая человеком в языковую картину мира, претерпевает влияние человеческого фактора. Он аранжирует картину по своему усмотрению, под воздействием культурных, ценностных составляющих своего внутреннего мира. Поэтому языковая картина мира действительно уникальная, этноспецифичная, а не зеркальное отражение или фотография объективного мира.

В исследовании языковой картины мира ведущую роль играет лексический состав языка, лежащая в его основе – семантическая организация – сочетание

денотативных и прагматических компонентов значений. Это связано с тем, что предметный ряд, наполняющий пространство, вещи находятся в непосредственной доступности перцептивным каналам человека – зрению, слуху и т.д. Однако языковая картина мира включает и организацию предметов, явлений, характер действий, а также способы соединения знаков в речевой цепи. Эти функции, выполняемые грамматическими элементами, являются не менее значимыми, не менее важными, но они уходят на задний план, уступая «первенство» видимому миру предметного ряда.

Подчеркивая значимость грамматической системы языка для понимания своеобразия языковой картины мира, Б.Л. Уорф отмечал, что на поведенческие характеристики людей типы грамматических категорий могут оказать гораздо более сильное влияние, чем лексические значения слов. Например, такие категории, как число, род, личные формы глагола, залог, частеречная классификация и т.д. во многом определяют поведенческую стратегию человека [Уорф 1999: 62]. Так, например, в английском языке невозможно построить предложение без подлежащего. Ср.: *it is warm* – тепло; *it is difficult to say* – трудно сказать и т.д. В этой особенности прослеживается индивидуалистический тип англосаксонской культуры. Человек, его интересы становятся точкой отсчета в любом деле, как и подлежащее в синтаксической структуре. Дифференциация временных форм в английском языке: длительные (Continuous tenses) и завершенные (Perfect tenses) являются иллюстрацией особого видения протекания действия или процесса. Это свидетельствует о педантичности и скрупулезности англичан.

Известно, что кабардино-черкесский язык отмечен важной типологической особенностью. Адыгские языки унаследовали от праязыкового состояния систему глагола, обладающего исключительно сложной структурой и высокой степенью синтеза. Так, например, одна глагольная корневая морфема *шэ* «вести» может быть осложнена пятнадцатью аффиксальными элементами: *у-а-кьы-ды-д-е-з-гьэ-шы-жы-ф-а-тэ-кьым-и* «я не смог же тогда заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними». Эта парадигма в пределах одного слова состоит из пятнадцати значимых элементов – восемь префиксов+ корневая морфема+ шесть суффиксов: *у-* префикс прямого объекта 2-го лица ед.ч., *а* – префикс косвенного объекта 3-го лица мн.ч., *кьы-* направительный префикс «сюда», *ды-* префикс союзности действия, *д-* локальный префикс, *е-* префикс объекта 3-го лица, *з-* префикс субъекта 1-го лица ед.ч., *гьэ-* каузативный префикс, *шы-* корневая морфема глагола *шэ-н* «вести», *-жы* – возвратный суффикс, *-ф* – суффикс возможности действия, *-а-*суффикс прошедшего времени, *-тэ* –суффикс «тогда», *-кьым* – отрицательный суффикс, *-и* – суффикс с модальным значением [Кумахов 2006: 154].

Языковая картина мира носит антропоцентрический характер, следовательно, является результатом креативной деятельности человека. Сообразно своим целям человек творит языковую картину мира, воплощая в ней результаты обыденного познания, свои эмоции и чувства, свое отношение к происходящему, как результат, языковая картина мира образна, эмоциональна, выразительна [Брутян 1973; Павиленис 1983; Колшанский 2005].

Основу лексической составляющей языковой картины мира формируют единицы первичной номинации. Самый глубокий пласт номинативных единиц, существующий в любом языке, представлен единицами доконцептуального уровня категоризации. Сюда относится лексика языка, обозначающая привычные понятия. Они впоследствии становятся основой для концептуализации сложных понятий, появляющихся в результате осложнения человеческого опыта и знаний. Древнейший пласт лексики включает соматизмы, зоонимы, названия простейших предметов быта. Такие наименования просты и с точки зрения морфологического строения, легко выстраиваются в более сложные структурные единицы. Например, в кабардино-черкесском: *псы* «вода», *шы* «лошадь» *жыг* «дерево» *хьэ* «собака» *нэ* «глаз» *пэ* «нос», *жьэ* «рот» и др. Аналогичные примеры есть во всех языках.

Лимитированность лексического состава единиц первичной номинации, а также ограниченные возможности памяти человека, обуславливают появление единиц вторичной и косвенной номинации. Суть их заключается в использовании существующих в языке номинативных единиц в новой функции наречения [Телия 1977]. При необходимости дать имя новому фрагменту действительности человек обращается к опыту, к известным сущностям объективного мира, выделяя то, что наилучшим образом поможет ему «изобрести» подходящую номинативную единицу. Объективный мир предлагает человеку большое количество предметов, схожих по каким-то признакам, с ищущим наречение объектом. И разные языки прибегают к различным предметам для решения этой задачи. Например, деталь чайника, откуда вытекает вода, в русском языке называется *носик*, в кабардино-черкесском языке – *быдз* (букв.: *сосок*), а в английском языке – *sprout* (букв.: *струя*). Ср. также: тыльная часть последних фаланг пальцев рук, именуемая в русском языке *подушечки* пальцев рук, в кабардино-черкесском языке называются *Іэнэ джэдыкІэ* (букв.: яйца пальцев); часть глаза в русском языке – *глазное яблоко*, в кабардино-черкесском языке – *нэ джэдыкІэ* (глазное яйцо), а в английском языке – *eye ball* (букв.: глазной мяч); пузырьки, образующиеся на поверхности лужи во время дождя, в кабардино-черкесском языке называются *хьэндыркъуакъуэ napІэ* (букв.: веко лягушки) и т.д. Подобных примеров можно привести множество.

Особенность вторичной номинации заключается в том, что она заимствует из структуры прямого значения часть признаков, необходимых для называния нового объекта. Это универсальная особенность языка мотивирована рядом причин. Так, познание нового эффективнее, если оно происходит с опорой на известное и знакомое. Это же правило действует в случае с процессом номинации. Существующее в языке имя, приписанное новому объекту, запоминается лучше, нежели новое имя, присвоенное ему. Здесь проявляются ограниченные свойства памяти человека и принцип экономии, действующий в языке. Язык стремится обойтись как можно меньшим количеством слов, но при этом удовлетворить все запросы человека по осуществлению актов номинации в коммуникации. Вторичные значения автономны, их актуализация в речи не предполагает дополнительных маркеров поддержки.

Механизм действия косвенной номинации другой. Для ее актуализации необходим дополнительный элемент. Именно он превращает название в косвенное, так как только сквозь призму его значения возможно именование объекта, предмета действительности. В процессе косвенной номинации происходит вторичная категоризация уже обработанной и усвоенной сознанием человека информации. Следовательно, формируется новое знание о знакомых человеку объектах. Косвенная номинация основана на взаимодействии коннотативных признаков исходного значения слова и слова, которое переосмысляется. В итоге образуется новое содержание, которое базируется на знаниях человека о мире, аккумулированных в его когнитивной базе. Знания о мире формируются поверх лексических значений слов, они получают языковое выражение в виде косвенных наименований самой различной структурной организации.

В системе косвенных наименований значительное место занимают фразеологические единицы – устойчивые, состоящие из нескольких слов, именованные с полностью или частично переосмысленным значением. Помимо номинативной функции они выполняют еще и другие функции, собственно для чего и создаются фразеологизмы, – характеризующую, оценочную, экспрессивную.

Фразеологизмы представляют собой номинативные единицы особого рода, в семантике которых закреплены итоги когнитивно-оценочной деятельности познающего субъекта, проявляющиеся в специфичном сочетании денотативного и коннотативного компонентов значения идиомы Культурная информация, мотивированная денотативным компонентом значения, отражает природные условия, эмпирическую деятельность, культуру и историю конкретного этноса. И, несомненно,

это самый культуроносный пласт лексики любого языка [Телия 2004: 19]. Являясь «экспонентами национально-культурной специфики и уникальности одного языка по отношению к другому», они «аккумулируют в себе информацию не только о культурных традициях народа-носителя языка, но и об особенностях его мировосприятия, о формах языковой концептуализации действительности» [Кумыкова 2017: 75].

В основе образных выражений лежит антропометрический принцип, согласно которому «человек – мера всех вещей». Этот принцип проявляется в том, что человек создает систему эталонов и стереотипов, которые служат ему своего рода ориентиром в восприятии мира. Так, в кабардино-черкесском языке *вы*, в русском языке *бык* и в английском языке *ox* служит эталоном для обозначения *здорового, крепкого человека*, обычно *мужчины*, а *шыд*, *осел*, *stubborn as a mule* – для характеристики упрямого человека.

Кабардино-черкесский фразеологизм *пцIащхъуэ унэу лъэлъэжащ* (букв.: рассыпался как ласточкино гнездо) актуализирует элементы природы (ласточка, гнездо), что говорит о близости этноса к природе. Более того, внутренняя форма позволяет вывести еще дополнительные коннотации, отражающие состояние человека – печаль, грусть, сожаление. Ведь гнездо – это дом, и он разрушен. Другой компаративный фразеологизм *Сурэт тхам хуэдэщ* (букв. словно нарисована) адыги используют, когда говорят об очень красивой девушке. В сочетании проявляется значимость сделанного человеком рисунка, который превосходит то, что создала природа. Ср. также: *Унэр пхъуантэм хуэдэщ* (букв.: дом как сундучок) – передает значение функционального, хорошо построенного, «крепкого» дома. Следовательно, можно сделать вывод о предпочтении *качества* каким-то другим атрибутам.

Идиомы выполняют двоякую роль в аккумуляции и трансляции культурных смыслов. С одной стороны, идиомы являются средоточием стереотипов и эталонов обыденного сознания, выработанных языковым коллективом. Они включают в свое содержание обычаи, традиции, типичные артефакты. С другой стороны, фразеологизм, функционируя в языке, приобретает новые оттенки значения, новые коннотации. Постепенно на их основе вырабатываются новые стереотипы и эталоны, которые служат ориентирами для носителей языка [Маслова 2004: 71].

Итак, фразеологизмы со временем превращаются в эталоны и стереотипы, которые являются для этноса ориентирами, формируют приоритеты, ценности, т.е. становятся культурно-значимыми. Культурно-национальная коннотация формируется при соотнесении языковых значений с каким-либо культурным кодом. При этом культурно-значимая маркированность проявляется не только в значении фразеологизмов, но и в содержании целых текстов [Телия 1996: 219].

Культурный эталон соотносит один объект действительности с другим посредством сравнения. *База* сравнительного сочетания выступает в качестве образа – эталона. Например, в кабардино-черкесском языке, *ятIэм хуэдэу пшэрц* (букв.: жирный как земля), формируется эталон плодородия, богатства. Эталон изобилия формируется природным явлением *уэсу къригъэсащ* (букв.: выпал как снег) – много, в изобилии. Контекст употребления этого компаратива предполагает субъект, который быстро доставил что-то нужное и в большом количестве.

Культурный стереотип описывает определенную ситуацию, связанную в менталитете народа с определенным культурным кодом. Сравним две фразеологические единицы кабардино-черкесского и английского языков: *си цхъэр позгъэуцIынищ* (букв.: дам голову на отсечение) и *to bet one's bottom dollar* (букв.: заключать пари на доллар). Как видно, обе идиомы генерируют значение готовности доказать состоятельность своих слов, действий, поступков любой ценой. Развертывание текста фразеологических единиц позволяет вывести стереотипы, сформировавшиеся в соответствующем языковом коллективе. Они и служат внутренней формой идиом. Так, в англосаксонской культуре говорящий готов пожертвовать материальным достатком – лишиться некоторой суммы денег, чтобы

доказать свою правоту. В адыгской культуре иные ценности – человек без сомнения принесет в жертву самое ценное – жизнь. Гипербола в идиоме подчеркивает значимость правды и справедливости в адыгской культуре. Честь – высочайший приоритет для носителей кабардино-черкесского языка.

Фразеологические единицы, закрепляясь в языке, сами в свою очередь становятся носителями стереотипной, символической и эталонной информации. Человек, воспринимая мир сквозь призму своего родного языка, моделирует свое поведение, дает оценку окружающим вещам, событиям на основе аксиологической составляющей языковой картины мира. В формировании последней значительную роль играют единицы косвенной номинации. Они становятся частью концептуальной системы, сформированной в результате познания мира. Образные единицы языка придают уникальность интерпретации видимого и невидимого миров, делают их этноспецифичными.

Таким образом, единицы косвенной номинации образуют значительный пласт языковой картины мира. Они воплощают в себе этноспецифические денотаты природного ландшафта, элементы жизненного уклада, формируют аксиологическую компоненту значения. Идиомы, как косвенные наименования, являются мощным средством выражения национально-культурной специфики осмысления окружающего мира. Они вбирают в себя культурные коннотации, ценностные установки и ориентиры. Именно они определяют уникальность культуры этноса, оказывают значимое влияние на все существование человека.

Список источников и литературы

- Брутян 1973 – *Брутян Г.А.* Язык и картина мира // *Философские науки.* 1973. № 1. С. 57–65.
- Колшанский 2005 – *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 128 с.
- Кумахов 2006 – *Кумахов М.А.* Глагол. Общая характеристика полисинтезизма глагола // *Кабардино-черкесский язык.* В 2-х т. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 1. С. 154–270.
- Кумыкова 2017 – *Кумыкова Д.М.* Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук.* 2017. № 1 (32). С. 71–76.
- Маслова 2004 – *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие. 2-е изд. М.: Академия, 2004. 204 с.
- Павиленис 1983 – *Павиленис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
- Постовалова 1988 – *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова.* М.: Наука, 1988. С. 8–69.
- Рузин 1994 – *Рузин И.Г.* Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // *Вопросы языкознания.* 1994. № 6. С. 79–100.
- Телия 1977 – *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // *Языковая номинация (виды наименований).* М.: Наука, 1977. С. 129–221.
- Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. 288 с.
- Телия 2004 – *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция // *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
- Уорф 1999 – *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // *Зарубежная лингвистика.* В 3-х т. М.: Прогресс, 1999. Т. 1. С. 58–91.

References

- BRUTYAN G.A. Yazyk i kartina mira [Language and Worldview] // *Filosofskie nauki*. № 1. 1973. P. 57–65. (In Russian)
- KOLSHANSKIY G.V. Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke [An objective picture of the world in cognition and language]. 2-e izd., dop. M.: Editoriyal URSS, 2005. 128 p. (In Russian)
- KUMAHOV M.A. Glagol. Obshchaya harakteristika polisintetizma glagola [Verb. General characteristics of verb polysyntheticism] // *Kabardino-cherkesskiy yazyk*. V 2-h t. Nal'chik: El'-Fa, 2006. T. 1. P. 154–270. (In Russian)
- KUMYKOVA D.M. Lakunarnost' frazeologicheskikh edinic v kabardino-cherkesskom i russkom yazykah [Lacunarity of phraseological units in the Kabardino-Circassian and Russian languages]. IN: *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2017. № 1 (32). P. 71–76. (In Russian)
- MASLOVA V.A. Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie [Linguocultural Studies: A Textbook]. 2-e izd. M.: Akademiya, 2004. 204 p. (In Russian)
- PAVILENIS R.I. Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka [The Problem of Meaning: A Modern Logical-Philosophical Analysis of Language]. M.: Mysl', 1983. 286 p. (In Russian)
- POSTOVALOVA V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life] // *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira / Pod red. B.A. Serebrennikova*. M.: Nauka, 1988. P. 8–69. (In Russian)
- RUZIN I.G. Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy percepcii (zrenie, sluh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ih vyrazhenie v yazyke [Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy percepcii (zrenie, sluh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ih vyrazhenie v yazyke] // *Voprosy yazykoznanija*. № 6, 1994. P. 79–100. (In Russian)
- TELIYA V.N. Vtorichnaya nominaciya i ee vidy [Vtorichnaya nominaciya i ee vidy] // *Yazykovaya nominaciya (vidy naimenovaniy)*. M.: Nauka, 1977. P. 129–221. (In Russian)
- TELIYA V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij, lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguacultural aspects]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1996. 288 p. (In Russian)
- TELIYA V.N. Kul'turno-yazykovaya kompetenciya [Kul'turno-yazykovaya kompetenciya] // *Kul'turnye sloi vo frazeologizmah iv diskursivnyh praktikah*. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. P. 19–30. (In Russian)
- UORF B. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku] // *Zarubezhnaya lingvistika*. V 3-h t. M.: Progress, T. 1, 1999. P. 58–91. (In Russian)

Информация об авторе

К.В. Ошроева – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Information about the author

K. V. Oshroeva – Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of English.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 21.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 811.352.2

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-98-102

НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕКОМЫХ И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Эва Шавелевна Тания

Университет Дюздже, Дюздже, Турецкая Республика, kleo.kler@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3461-5097>

© Э.Ш. Тания, 2025

Аннотация. Статья посвящена наименованиям насекомых и пресмыкающихся в абхазском языке, которые в полной мере отражены в существующих словарях, художественной, профессиональной и печатной абхазской литературе. Показаны причастные и деепричастные обороты, которые дополняют учебную и художественную литературу. Обозначенные в статье неологизмы активно пополняют терминологическую систему данной лексической группы, которая обогащается в том числе и калькированными образованиями. Отражены также наименования насекомых и пресмыкающихся, использующиеся вместо личных имен в качестве прозвища, которые в основном употребляются в вопросительной форме, когда есть желание намеренно охарактеризовать названного человека. В статье также представлено значительное количество иллюстративного материала, характеризующего метафорические образы насекомых. Приведены синонимические ряды, образованные от названий насекомых, а также их фонетические и лексические дублиеты.

Ключевые слова: абхазский язык, наименования насекомых, причастные обороты, неологизмы, фонетические дублиеты, лексические дублиеты, вредоносный характер, метафорический образ

Для цитирования: Тания Э.Ш. Наименования насекомых и пресмыкающихся в абхазском языке // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 98–102. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-98-102

Original article

NAMES OF INSECTS AND REPTILES IN THE ABKHAZ LANGUAGE

Eva Sh. Taniia

Düzce University, Düzce, Republic of Turkey, kleo.kler@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3461-5097>

© E.Sh. Taniia, 2025

Abstract. The article is devoted to the names of insects and reptiles in the Abkhazian language, which are fully reflected in existing dictionaries, artistic, professional and printed Abkhazian literature. Participial and adverbial phrases that supplement educational and fiction literature are shown. The neologisms mentioned in the article actively replenish the terminological system of this lexical group, which is being enriched. The names of insects and reptiles are also reflected, which are used instead of personal names as nicknames, which are mostly used in the interrogative form when there is a desire to intentionally characterize the named person. The article also presents a considerable amount of illustrative material

characterizing the metaphorical images of insects. Synonymous series formed from the names of insects, as well as their phonetic and lexical doublets are given.

Keywords: Abkhaz Language, insect names, participial phrases, neologisms, phonetic doublets, lexical doublets, harmful character, proverbs, phraseological units.

For citation: Taniia E.Sh. Names of insects and reptiles in the Abkhaz language. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 98–102. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-98-102

Лексема «ахэача» – насекомое, объединяет то, что создано природой и живет в ней. Она включает в себя названия насекомых, которые можно найти в существующих словарях, художественной, профессиональной и печатной абхазской литературе. Лексемой «ахэаза», которая образована от масдарной формы «ахэазара» ползать, обозначены наземные позвоночные животные. Эти названия создают в языке целые метафорические образы, фразеологизмы, пословицы, поговорки, отражающие восприятие объектов в национальном сознании, их характеристики и свойства. Большинство лексем является частью базовой лексической структуры языка, которая восходит ко времени его формирования. Здесь представлены:

- «ашышкамс» – муравей,
- «амй» – муха,
- «акдыбры» – комар,
- «ахьчәаңыр» – бабочка,
- «арйу» – стрекоза,
- «аихынцәагь» – оса,
- «аңсынкәа» ухәа – шершень и пр.

В языке нет единого названия насекомых. Они образуют широкий спектр синонимов.: «ахэача» // «ахэача-мача» // «ахэымткар» // «схэынтар» // «амайа» // «амаамаса». Наиболее обширно используемой лексемой является «ахэача», со своим собственным повторяющимся вариантом *ахэача-мача*. Оба значения используются одинаково.

В разговорной речи, как и в художественной литературе, единообразно используются имена, составляющие:

- синонимические ряды:
 - 1) «аинйәыш – акыркаламышә – ахьынчкәыр» – ящерица,
 - 2) «абылтых – арйушхам – адерць – амарйыф» – ядовитая стрекоза,
 - 3) «абгарымй – азыркәи» – светлячок,
 - 4) «акәңа – арйу» – стрекоза,
 - 5) «анцәарыжә – айымз» – божья коровка,
 - 6) «архәаса – ахәырпыжә» – таракан,
 - 7) «ахәац – ахәырышы» – червь;
- фонетические дублеты:
 - 1) «амызкәтәха – абызкәтәха» – паук,
 - 2) «апты – абты – мраморный клоп,
 - 3) «апжы – абжы» – жук,
 - 4) «апаҕ – апаҕа» – клещ,
 - 5) «аих – аиха» – медведка,
 - 6) «ашышкымс – ашышкамс» – муравей,
 - 7) «аихьырйәагь – аихьырйәыгь» – шершень,
 - 8) «аңарңалыкь – аңырңылыкь» – бабочка;
 - 9) «акаркалымшә – акаркалымшә – акаркаламышә – акырклымшә» – ящерица;
 - 10) «ахьчәаңыр – аңарңалыкь – аңырңылыкь» – бабочка;
- лексические дублеты:
 - 1) «акамышаш – акамышаша» – улитка,
 - 2) «ашышкылымс – ашышкамс» – муравей,

- 3) «*аишхынїдагь – аишхырїдагь*» – шершень,
- 4) «*акаркалоу – акаркалмаш – акаркалмыш*» – ящерица.

Весной, с потеплением, насекомые, не выдерживающие зимних холодов, питающиеся молодыми листьями и соком растений начинают пробуждаться вместе с природой. Именно эти общеизвестные признаки их жизнедеятельности пополняют абхазскую литературную речь причастными оборотами:

- 1) «*азын ахьтара ззымчхауа*» – не выдерживающие зимних холодов,
- 2) «*азын ахьтара зпырхагоу*» – те, кому мешают зимние холода,
- 3) «*абыгь ға зчысхәу*» – те, чьей едой являются молодые листья,
- 4) «*абыгь ға хзыркәғаауа*» – те, кто пожирает молодые побеги,
- 5) «*аїиаа ркатара*» – побеги растений,
- 6) «*аїиаа иазгагоу*» – помешанные на растениях,
- 7) «*аїиаа ркатара фатәыс измоу ахәаҭа-мача*» – насекомые, поедающие молодые побеги растений.

На стадии созревания плодов, ягод оживают насекомые, которые питаются ими. Так в пору созревания шелковицы появляется насекомое «*анты*» – мраморный клоп, который активно лакомится ее ягодами, и не только ими. Он известен как пожиратель и вредитель многих видов растений, ягод, фруктов, наносящий серьезный ущерб сельскохозяйственным культурам. Его признаки вредности образуют в языке немалое количество причастных оборотов:

- 1) «*аїиаа апырхага гәгәа азтә*» – кто наносит сильнейший вред растительности,
- 2) «*иалоу азы алызәцәауа*» – кто высасывает из нее все соки,
- 3) «*абыгь ға зфо*» – кто поедает поросль,
- 4) «*апыткәыркәа зырманзо*» – кто высушивает почки,
- 5) «*зыффы гәгәала ибааҭсу*» – чей запах невозможно вонючий,
- 6) «*амїыжәа змоу, ипыруа*» – летающий, у кого есть крылья.

Стадия созревания шелковицы обозначается лексемой «*мжәачан*», букв. время употребления шелковицы в пищу.

Различия в физиологических особенностях насекомых отражают причастия:

- 1) «*ипыруа*» – летающие: жук, стрекоза,
- 2) «*ихәазо*» – ползучие: ящерица, уж, улитка,
- 3) «*ихәырхәыруа*» – семенящие: вошь, блоха,
- 4) «*иҭо, икаҭо*» – прыгающий, подпрыгивающий: клоп, стрекоза,
- 5) «*ашьа зжәуа*» – пьющие кровь: блоха, вошь, гнида, муха, клоп, куриная вошь, клещ, комар,
- 6) «*аутра иапырхагоу*» – наносящий вред огороду: саранча,
- 7) «*хырхагара злам*» – бесполезные: моль, оса, шершень.

Терминологическая система этой лексической группы поддерживается следующими неологизмами, встречающимися в учебной литературе:

- 1) «*аҭархалтә ацбыхәхәабжы – анышә иҭаланы адац зфо*: свекловичный долгоносик – поедающий корни под землей,
- 2) «*аїгәашәтбжы – аїгәаїла ашәтәымтәзы ицәырїуа, ашәтә иаграланы изфо*»: яблоневый цветоед – жук, который появляется во время цветения яблонь, поедая цветки изнутри,
- 3) «*ахәылырхәтә хьҭапырыш – ахәылырхә абгьы зфо ахәац зхылїуа ахьҭапыр шкәакәа*»: бабочка кольрабовая – белая бабочка, поедающая листья кольраби,
- 4) «*америкатәи ахьҭапыр, ахьҭапыр бырфынхафы – абнатоурақәа, ашәырбахҭақәа ыкәызхуа ахәыршы зхылїуа*»: американская бабочка, бабочка шелкопряд, уничтожающая леса, сады [Кәыпцниа 2012].

Равным способом в учебной литературе находит свое полное применение калькированная терминология насекомых:

- 1) «*амгәацәашьапқәа*» – брюхоногие,
- 2) «*абызкәтәхаҭирақәа*» – паукообразные,

3) «адыҭаҭиҭирақәа» – ракообразные,

4) «аҭҭаиҭырыфа – аҭҭа аиҭыры зфо ахәацқәа зхылҭуа ахьчҭаҭыр»: бабочка, из которой появляются черви, поедающие яблоки,

5) «амзайлаҭанч – амзайла абзгы зфо, ихзырфаауа ахәац зхылҭуа ахьчҭаҭыр»: бабочка, из которой появляются черви, поедающие листья сосны,

6) «атәыҭаиҭыхәа – аҭла аггыцә ҭызфаауа ахәаца»: насекомое, поедающее нутро древесины,

7) «ахәылырхә амҭ – ахәылырхәы иаггылаланы икылзфаауа ахәырышы зхылҭуа»: насекомое, от которого появляется муха кольрабовая, поедающая кочаны изнутри [Кэйтцниа 2012].

Многие насекомые получили свои названия по цвету:

1) «арҭу иайҭа» – зеленая стрекоза,

2) «абжы еиқәаҭа» – черный жук,

3) «ахьчҭаҭыр ҭеижь» – желтая бабочка,

4) «ахьчҭаҭыр икәакәа» – белая бабочка,

5) «ахьчҭаҭыр гҭа» – пестрая бабочка.

Из всех насекомых именно бабочки составляют большую часть этой группы.

Некоторые насекомые получили свои названия от пищи, которую они потребляют: «арҭырахаац» – навозный жук, «аишылахәац» – мучной червь, «акәацмҭы» – мясная муха, «аҭлацәа зфо абжы» – жук-короед, «аишыла хьчҭаҭыр» – мучная бабочка.

Имеются также наименования насекомых по месту обитания: «акәаҭрамҭ» – кухонная муха, «анышәхәац» – земляной червь, «арҭырахаац» – навозный жук, «аҭлапаҭа» – древесный клещ.

Наименования насекомых в языке образуют значительное количество метафорических образов, отражающих разнородные по своему содержанию человеческие качества. Здесь в равной степени встречаются как положительные, так и отрицательные свойства характера:

1) «арҭу каҭа – ҭырак изымтәо»: попрыгунья стрекоза, о человеке, беспокойном, чрезмерно подвижном, неутомном,

2) «аз еиҭи зеыззаз – икәитҭа иҭоу»: кто спрятался как блоха, о спокойном, молчаливом человеке,

3) «аишынҭәагь – згәы намзо, есымшиа ицхауа»: оса, о вечно недовольном, готовом «ужалить» человеке,

4) «аишынҭәагьтҭа – гәагәла еилашуа, згәы намзо рееизакны иахьыҭоу»: осиное гнездо, сборище злобных, недовольных людей,

5) «абызкатаҭа – ацәгьа зыришо ауауы, ицәыҭатәаны иката зхауа»: паук, о человеке, который занимается хитросплетениями.

Наименования насекомых и пресмыкающихся используются вместо личных имен в качестве прозвища. Именно эти качественные прозвища наиболее прозрачно характеризуют объект, достойный «чести» быть названным так. Они в основном употребляются в вопросительной форме, когда есть желание намеренно охарактеризовать названного человека:

1) Арҭу дабаца? – Стрекоза куда делась?

2) Ари азырлаиҭ дабаказ? – А эта ящерица откуда взялась?

3) Ахымат даама? – Гадюка пришла?

Сравнения с внешним видом насекомых и пресмыкающихся широко используются в языке, кроме того, в основном они носят негативный характер:

1) Ахымат еиҭи лхы каткато – С головой, раскачивающейся, как у гадюки;

2) Амаҭ еиҭи лхы кьакьаза – С высоко поднятой головой, как у змеи;

3) Ахәац еиҭи деикәаҭәиуа – Извивающийся, как червяк;

4) Амҭ еиҭи дгынҭкло – Надоедливый, как муха;

5) Амҭ реиҭи агьу рыхга – Надоедливый, жужжащий, как муха;

6) Аптфи рыхиҭшәа – Вонючий, как клоп.

Особенно часты предложения с пренебрежительным оттенком, побуждающие к принятию каких-либо мер. Роль выражения сильных негативных чувств, неприятия отводится аффиксу –жэ и сравнительному слову *еиџи* – подобно:

1) *Ахэаџыжэ еиџи дырџьџтэун!* – Надо раздавить его, как червяка!

2) *Амат аџиь еиџи ихы рџэаџэатэун!* – Надо размозжить ему голову, как змее!

Наравне с ними употребляются унизительно-злобные вопросительные формы:

1) *Аз уџџама?* (згэы намзо, игэамџ-хамџуа изкны) – Блоха укусила? (О сердитом, раздраженном человеке)

2) *Аџаџэа урџыма?* (уажэи-уажэи зџэа иафо, избџуа изы) – Вши у тебя завелись? (Тому, кто постоянно чешет себя)

3) *Аинџдыш еиџи уџыхэ џыџрыма?* (иџџакзаны, итџьканы акы зџахьызгзо изы) – У тебя отвалился хвост, как у ящерицы? (О притком)

4) *Амайа узроума?* (зызхара џамло изы) – Внутри тебя саранча что ли? (О ненасытном человеке, который не наедается досыта)

Рассмотрение номинативных особенностей лексической группы, связанной с насекомыми, пресмыкающимися позволяет проследить, как человек воспринимает этих созданий, и на познавательном уровне сформулировать основные смысловые изменения.

Использование в речи качественных прозвищ, фраз-клише с пренебрежительным оттенком отображают общее негативное отношение человека к насекомым-паразитам, пресмыкающимся.

Наименования насекомых и пресмыкающихся также частично отражают стремление людей остерегаться прямого соприкосновения с насекомыми.

Список источников и литературы

Кэыџниа П.К. 2012 – *Кэыџниа П.К.* Аџьстэџэа рбиология. Амаџэар апсышэала аџаразы аџхьыраагза шэџы. Акэа, 2012.

Шьаџрыл, Конџьариа 1986 – *Шьаџрыл К.С., Конџьариа В.Х.* Аџьсуа бызшэа ажэар. I ат. Акэа, 1986.

Шьаџрыл, Конџьариа 1986 – *Шьаџрыл К.С., Конџьариа В.Х.* Аџьсуа бызшэа ажэар. II ат. Акэа, 1987.

References

KVITSINIA P.K. *Biologiya zhyvotny`x. Posobie dlya izucheniya predmeta na abkhazskom yazy`ke* [Animal Biology. A Handbook for Studying the Subject in the Abkhaz Language]. Sukhumi, 2012.

SHAKRYL K.S., KONDZHARIYA V.Kh. *Slovar` abkhazskogo yazy`ka* [Dictionary of the Abkhaz Language]. Vol. I. Sukhumi, 1986.

SHAKRYL K.S., KONDZHARIYA V.Kh. *Slovar` abkhazskogo yazy`ka* [Dictionary of the Abkhaz Language]. Vol. II. Horse. Sukhumi, 1987.

Информация об авторе

Э.Ш. Тания – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков и культуры Кавказа.

Information about the author

E.Sh. Taniia – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Languages and Culture of the Caucasus.

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК: 821.512.142.0

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-103-109

ХАЛКЪ ЖЫРЧЫ АТАБИЙЛАНЫ МАГОМЕТНИ АДАБИЯТХА ЖОЛУ

Биттирланы Шамишудинни кызы Тамара

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академия-сыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал кырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик, Россия, tbittirova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© Биттирланы Т.Ш., 2025

Къысха магъана. Илму иште къарачай-малкъар адабиятда онтогузунчу ёмюрню ахырында – жыйырманчы ёмюрню аллында элпек тюбеген маданият болумну – халкъ жырчыланы жазма адабиятха элтген жолларын Атабийланы Магометни чыгъармачылыкъ къадарыны юсю бла ачыкъланады. Ол адабиятха белгили назмучуладан кечигип келген эсе да, аланы төрелерине тыяннганына жазмада баямланады. Атабийланы М. биринчи китабындан башлап, ол ауушхандан сора басмаланган китаплары да адабиятчылыкъ жаны бла тинтиледиле. Жазыучуну «Къадар», «Тау элде» эм башха повестлери бла хапарлары миллетибизни харкюнлюк жашаууна жоралангандыла, аны бла бирча тарихни белгили кезиулеринден да хапарлайдыла. Атлары айтылган тарих жигитлери бла бирге битеу жамауат да сургон зорлукъну, урушну кыйын кезиулерин къалай кётюргенлерини юсюнден Атабийланы Магомет къара сёз бла тынгылы суратлагъанды, назмуларында, жырларында да айтханды. Назмучулукъда бла къара сёзде авторну жетишимлери бла бирге учхара жерлерини юсюнден да айтылады бу статьяда. Атабийланы Магометни чыгъармачылыкъына жораланган бу биринчи илму ишди.

Баш магъаналы сёзле: малкъар адабият, Атабийланы Магомет, халкъ жырчыла, тарихни шартлары, эсгериуле

Цитата этерге: Биттирланы Т.Ш. Халкъ жырчы Атабийланы Магометни адабиятха жолу // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 103–109. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-103-109

Original article

THE CREATIVE PATH OF THE FOLK SINGER MAGOMET ATABIEV

Tamara Sh. Bittirova

Institute for Humanitarian Research – Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Nalchik, Russia, tbittirova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© T.Sh. Bittirova, 2025

Abstract. This article examines the unexplored literary work of the renowned Karachay-Balkar folk singer M. Atabiyev, who emulated the artistic career of many Karachay-Balkar improvisational singers of the late 19th and early 20th centuries. Although M. Atabiyev entered the literary scene much later than these famous improvisational singers, the article

demonstrates his commitment to the traditions of oral poetry. This literary analysis includes both the author's lifetime publications and three books published ten years after his death. M. Atabiev's novellas "Fate," "In a Mountain Village," poems, short stories, and essays recount the daily lives of his fellow tribesmen, as well as dramatic periods in their history. Along with famous historical figures, each character in his poetry, prose, and journalistic works displays their everyday heroism, experiencing tragic events against their will. The article, along with the merits of the analyzed works, also notes the artistic inconsistencies of individual images and realities caused by objective circumstances.

Keywords: Balkar literature, Magomet Atabiev, folk singers, historical events, essays

For citation: Bittirova T.Sh. "The Creative Path of the Folk Singer Magomet Atabiev". Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 103–109. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-103-109

Научная статья

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ НАРОДНОГО ПЕВЦА АТАБИЕВА МАГОМЕТА

Тамара Шамсудиновна Биттирова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tbitirova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© Т.Ш. Биттирова, 2025

Аннотация. Статья посвящена неисследованному литературному творчеству известного исполнителя карачаево-балкарского фольклора М. Атабиева, который повторил творческую судьбу многих карачаево-балкарских певцов-импровизаторов конца XIX – нач. XX века. Несмотря на то что М. Атабиев пришел в литературу намного позже известных певцов-импровизаторов, в статье прослеживается его приверженность традициям устной поэзии. В литературоведческий анализ включены как прижизненные издания автора, так и три его книги, изданные через десять лет после смерти автора. Повести «Судьба», «В горном ауле», стихи, поэмы, рассказы и очерки М. Атабиева рассказывают о повседневной жизни его соплеменников, а также о драматических периодах истории народа. Наряду с известными историческими личностями в его поэтических, прозаических, публицистических произведениях совершают свой повседневный героизм каждый его персонаж, переживающий не по своей воле трагические события. В статье наряду с достоинствами анализируемых произведений, отмечаются и художественная несостоятельность отдельных образов и реалий, вызванных объективными обстоятельствами.

Ключевые слова: балкарская литература, Атабиев Магомет, народные певцы, исторические события, эссеистика

Для цитирования: Биттирова Т.Ш. Творческий путь народного певца Атабиева Магомета // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 103–109. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-103-109

Жазма адабият башланган кезиуде халкъ жырчылары асламысы фольклор жырлары айтып кьоймай, ёз назмулары, жырлары да кьурай эдиле. Ол шартны биз Магометни юсюнде да эслейбиз. Фахмусуна ол халкъ жырлары айтыуда чек салмай, кеси да жазып тебрейди – назмула, хапарла, жомакьла, газет бла журналлагъа очеркле бла статьяла. Ол болумну юсюнден жазычу былай дегенди: «Мен жазыу ишими жети жылымда башлагъанма. Бошагъан а... жашаудан умутуму юзалмай, жашдан-къарт болдум эсе да, аны бошар акьылгъа кирмейди эсим. Нек болгъанын а алыкъа кесим да иги ангылаялмайма» [Атабийланы 2021: 2].

Сабий эм жаш жыллары Магометни халкъыбызгъа жетген зарауатлыкь кезиуге тюшгенлери себепли, ол фахмусуна кёре бийик билим алалмагъанды. Болсада ол жашаууну кьайсы кезиуонде да билимин ёсдюргенлей тургъанды – кёп китап окьугъанды, таматаладан, кеси тенглиледен Черек аузунда болуп кетген зулму

ишлеге, къууанч кюнлеге, зор сагъатлагъа, ол кезиулени жигитлерине аталгъан таурухлагъа, хапарлагъа, жырлагъа суююп, уллу эс бѐлюп, тынгылагъанды. Аланы санында къарачай-малкъар фольклорну уста билген атасы Матгерий да болгъанды, ол кеси сабийлерине, туудукъларына да халкъны маданиятына суймекликни жарыгъын сингдиргенди.

Атабийланы Матгерийни жашы Магомет Мухол элде кеси къыйыны бла жашагъан таулу юйюрге туугъанды, жашауун, башха эллилерича, суйген элинде колхоз мюлкде урунуп, энчи жумушларын да жалчыта, ѳтдюргенди (1933–2014). Магомет кеси да халкъ чыгъармачылыкъны устасы болгъан къадарында, сабий заманындан тебиреп, халкъ жырланы, таурухланы айтханды. Къара иш бла да кюреше, халкъ жырланы, таурухланы, чамланы да айта, ол бир заманда да къаламын бир жанына салмагъанды, кесини рух дунясын талай китапда баямлагъанды («Кишилик», 1884; «Юч той», 1992; «Эсгериле», 2015; « Халкъ жашагъан жерде», 2021; «Ата журтум – алтын бешик», 2022).

Андан радио бла телевидениени ишчилери, алимле, жырчыла эски эм жангы фольклорну юлгюлерин жазып алгъандыла. Ол эскериулеринде миллетни терен ѳмюрледен келген байлыгъына ѳз къарамын ачыкълайды. Болуп кетген ишлеге керти хапарны излегенин Бийнѳгерни жырыны юлгюсю бла кѳргюзтеди: «Мен былайда Бийнѳгерни юсюнде элли къартларыбызны не зат ючюн жюректери къыйналгъанларын ачаргъа кюрешеме. Жигит уучу Бийнѳгерни тауруху жигитликни, мажарулукуну, халаллыкъны жылтырагъан кюзгюсюдо. Бу таурух жазуу хатыбызда тюз, керти хапарлы болуп, алай жазылып къалсын деп, аны оюмлайма» [Атабийланы, 2015: 231].

Магомет сюргюнню кезиуонде кѳп зат жазгъанды, алай басмаларгъа онгу болмагъанды: «Азияда жазылгъан къагъытла Малкъаргъа жыйылдыла, биргебизге келдиле. Алагъа мында да иги кесек жазуу къошулду. Басмадан чыгып, революцияны, Граждан урушну да жигити Асанланы Хажи-Муратха аталгъан «Кишилик» деген повесть, ызы бла «Юч той» деген чам хапарлы китапла кюнню кѳзюн кѳрдюле. Айтырыгъым а юзюлмеди. Къалай юзюлсюн, жашау узуну кѳп тюрлю эсде къалыр болум сынай, кѳп затха тюбей, эсингде туюмчек къойгъан хапарланы эшите барсанг?» [Атабийланы, 2021: 6].

XXI-чи ѳмюрню маданиятыны ишанларын тинтсенг, аны бек башы - ачыкълыкъды, башха ѳмюрледеча «жаз тил» бла хайырланган хазна тюбемейди, тюбесе да чам халда, не да мифологияны кеминде. Бу болум жыйырманчы ѳмюрде не сылтау бла башланганыны юсюнден Л. А Амелитдинова былай жазгъанды: «постиндустрияны кезиуонде жамауат тутхучсуз болумлада жашайды, жамауатны бирикдирген магъаналы фикирле тас болуп, жангы, жол кѳргюзтген оюмла къуралмагъанлары да аны апчытады. Бусагъатдагъы жамауат-маданият болум хар бирибизден энчи тириликни излейди, оюмларыбызны баямларгъа да башха тюрлю белгилени» [Аймелитдинова, 2015: 2].

Жазыучуну биринчи повестле китабы – «Кишилик» 1984 жылда басмаланганды. Мында аллай аты бла повести инкъыйлап къазауатны малкъарлы жигити Асанланы Хаджимуратха жораланганды. Бу темагъа багъышланган чыгъармалада малкъарлы жазыучула баш жигитни революцияны ниетлерине къалай бла келгенини юсюнден хапарлагъандыла. Атабийланы Магомет да ол жол бла баргъанды. Аны баш жигити кесини энчи къадарыны зор кезиулери бла атлап, инкъыйлапха жолну излейди, жашауну тюрлендирмей амал болмагъаныны юсюнден ангылайды, нѳгерлерине да ангылатады.

Китапны магъаналы жери – биринчи бетлеридиле. Мында жазыучу Хаджимуратны сыфатын къууар ючюн аны шуѳхлары бла бир ненча кере къатлап-къатлап тюбегенини юсюнден, аланы хапарларын кѳп жылланы ичинде жазып алгъаныны эмда архив къагъытланы тинтгенини юсюнден айтады. Авторну быллай тынгылы иши: жашау шартлагъа кертичилиги, жигитлени керти сыфатларын къурауу, повестни тарых шагъатха тийиншли этгенди.

Асанланы Хаджимурат – малкъар халкъны белгили уланы, аты таурухлада айтылгъан, кѣп назмулада, жырлада, хапарлада, повестледе баш жигит болгъанды. Ол орус-япон урушда, биринчи дуня къазауатында атын махтау бла айтдыргъанды, кѣп саугъалагъа, ол санда Георгиевский крестге тийиншли болгъанды. Аны кишилигини, билек кючюню юсюнден таурухла бла хапарла жорюгендиле. Повестде ол затха шагъатха тюбейбиз: Къарачайда бардырылгъан халкъ эришиуледе Хаджимурат биринчи жерни алып чыгъады. Бу затны юсюнден Магомед къайтып дагъыда «Малкъар ауузну пелиуан жашлары» деген очеркинде да жазгъанды.

Малкъар повестни жыйырманчы ёмюрню жетмишинчи жылларына жетишимлерин ачыкълай, Тѣппеланы Алим былай жазгъанды: «Малкъар повесть инсанни сѣфатын къурауда жангы амалланы хайырланып, аны урунууну, кюрешни юсю бла чыныкъгъанын суратларгъа жол тапханды. Адабиятны жигити халкъны эм иги ишанларын жорютюп, аны ниетлери ючюн къазауат этеди, замандашларын кесини энчи жашау юлгюсю бла байыкъдырады» [Теппеев: 137]. Атабийланы Магометни къара сѣз бла жазылгъан уллу хапарлары, гитче повестлери окъуучугъа кеч жетген эселе да, Тѣппеланы Алим айтхан оюмгъа, суратлау дуниялары бла сыйыныпдыла.

Жазыучуну «Юч той» аты бла экинчи китабы 1992 жылда басмаланганды. Атабийланы Магомет тау элни жашау турмушун чам, лакъырда халда суратлайды, кесини энчи дуниясын да баямлайды. Биринчи хапар – «Гошай ынна» – аты таурухлада хахимлик бла айтылгъан Мисирланы-Асанланы Гошайхгъа жораланады. Бу хапарны жаза туруп, автор таматаладан эшитген хапарларына таяннганды, ол хапарла уа жашау кертиликден узакъ эдиле. Таурухладан жашау кертиликни излеген да къыйынды – бирден бирге ёте, ала болгъан ишлени, шартланы да сакълаялмайдыла, алада заман оза баргъаны сайын жаланда ниет бла тема къаладыла. Гошай-ыннаны аты бла аны адамланы бакъгъан усталыгъындан сора, хапарда устаны жашау атламларындан керти хапар жокъду. Атабийланы М. кесине аллай борч да салмагъан эди – ол келин алып къачыу адетни чам халда, насийхат кюйде кѣргюзтюрге итиннгени кѣрюнюп турады. Кеси ыразылыгъы бла къачыу халда юйленнген бурундан келген тѣрени эртте заман эм совет власт киргенден сора болушун суратлайды. Ыннаны хоншусу жаш къыз Марзият арсар болуп тургъан кезиуонде андан юлгю алыргъа хазырды. Гошайхны урлагъан кезиуде ажащдырып ол сюймеген жашха – Жантемирге келтиредиле. Жантемирни жууукълары бла аны сюйген жашы Жашарбекни жууукъларыны арасында къаугъа ачылады. Битеу эл аланы мамыр халда жарашдырыргъа кюрешедиле. Ахырында эки жашха тутушургъа оноу чыгъады. Ол тутушууда Жантемир къыйналып хорлайды. Жаш юйор къуралады, Гошайх да насыплы ёмюр ётдюреди. Алай бла, Гошай ыннаны къадары адам кеси мурат этгенча болмай, жашау болумлагъа бойсуннганыны юсюнден айтады бу чыгъарма.

Китапны экинчи уллу хапары «Юч той» бир ажайып ишни юсюнденди – бир юйюрге ючеулен бир кюнню ичинде жангы юйюрге къурайдыла – ынна, аны жашы бла туудугъу. Хапарны башланыуу да хапарны кесича бир къужурду: «Жантакъланы Аудурай жангыз жашына къатын алыр умутда, кеси эллеринде къызлагъа бюсюремей эсе да, ахлу-жууукъ жетип, ала келинликге андан жарамай эселе да, аууздан чыгып, юч-тѣрт элде да жараулу да, жыйгъычлы да, этимли да, агъачы – сюрме бла урулгъанлай, ариулугъу да болгъан къыз излей айланады деп эшитмеген эсегиз, мен эшитдирирге боллукъма...» [Атабийланы, 1992: 30].

Хапарны магъанасын къатыш этген жигитлени къадарларыды, аланы жашырын ишлери. Шахбийче ынна кесини жашырын уланы Адурайны элни эм ариу къызы Сулийхан бла юйдегили этерге сюеди, ол туудугъу Асланбекни сюйген къызы болгъанын да биле тургъанлай. Сулийхан ол жашырынлыкъла анга белгили болгъандан сора Шахбийчени ырбыннга тыйып, кесини къадарын

суйгени бла байлайды, Адурайгъа анасын береди, Шахбийчени да аны атасына. Алай бла бир кюннге юч той этиледди.

Бу ажайып хапарда совет властны биринчи жылларында болгъан адетлени суратларында тюбеген шартла бусагъатда окъуучулагъа бла илму адамларына эс бурдурчадыла. Эски адетле кетип бошамай, жангы адетле бла бир къужур болумла туудургъан кезиу (сёз ючюн, галстугу болгъан къуллукъчу болмай амалы жокъду хапарлауда). Дагъыда бир сейир болумну ачыкълайды жазыучу – жашны къыз жыйын урлап, къызны юйюне келтиредиле. Аллай зат жашауда тюбемегени хакъды, болса да оюн-чам халда Атабийланы Магомет аллай сурат къурайды.

Повестни дагъыда бир энчилиги – къара сёз бла баргъан хапарлау айтышла эм чам жырла бла жасалыпдыла.

Китапны ахырында жазыучу Малкъар ауузну жамауатында жюрюген чам хапарланы, бир белгиги адамланы юсюнден чамланы да басмалагъанды.

Бу китап къарачай-малкъар тилни диалектлерин тинтген алимлеге уллу себеплик этерикди. Тилни тауушлары, морфология бла синтаксис жаны бла башхалыкъла, башха элдеде тюбемеген кёп сёз бла сёзтутушла - тил байлыкъны бир тюрлюсю – Ц-диалектни эничликлери Атабийланы Магометни чыгъармаларында элпекдила.

Магометни хапарларында адамланы атлары, башхалада хазна тюбемеген атладыла: сабий атла, эриклеуле, чам атла. Чыгъарманы жигитлери бири къалмай аталгъан атларын тюрлендирип жюрютедиле, жигитни сыфатына бир шартны къошадыла, аны этген ишлерин да ачыкълайдыла.

Атабийланы Магометни жанр жаны бла бай чыгъармачылыгъында баш жерни аны эскериулериде аладыла. Халкъ сынагъан къыйынлыкъланы юсюнден ол кесини къадарыны юлгюсюнде кёргюзталгъанды.

Жазыучу ауушхандан сора аны къызы Лида, «Малкъар» ансамблени солисткасы, атасыны ючтомлугъун басмадан чыгъаргъанды. Китаплагъа киргенлени асламы авторну сау заманында басмаланмагъанлары себепли, алада кёп учхара жер кетгенди – бир къауум жигитле тийишлисича ачыкъланмагъандыла, жашау болумла да анга кёре, хапарлауну магъанасы да бир бирде ангылашынмай къалады.

Ючтомлукъну биринчи китабы («Эскериуле») 2015 жылда басмаланганды. Китапха жазыучуну жылла бла жазылып тургъан эскериулериде бирча тюрлю-тюрлю газетледе, журналлада басмаланган хапарлары, очерклериде, башха жазмалары киргендиле. Аланы ичинде «Тау элде» деген повести (автор анга повест дегенликге, бу бир уллу хапарны чегинден озмайды) эс бурдурады. Мында чам халда Атабийланы Магомед кесини жазычулукъгъа жолун ачыкъларгъа кюрешгенди. Хапарны аллында ол кесин уллу жазыучу суннганыны юсюнден айтады: «Сунаманы къой, мени жазыллыкъ китапларым тюрлю-тюрлю омакъ тышлары бла кёз аллыма келип, бири бирини юсюне секирип, къалана башладыла». Бу чам хапарда жазыучуну къадарындан шартла аз эсленедиле, бир бири ызындан ашыгъып ётген ишле жашау кертиликге сыйынмагъанларын ангылагъан къыйын туйюлдю. Бу зат саякъ тишириу Буслиматны хыйла ишлеринде ачыкъ кёрюнюп турады. Повестде анга къажау тургъан сыфат лирика жигитни юй бийчеси Сайламады, атына кёре жазыучу аны бийик, ариу сыфатын къурайды: «ариу санлы, жютю кёзлю, ётгюр сёзлю, кеси саппа-сау жомакъ, къайсы тенгинден да омакъ, къызла ичинде сют башы къаймакъ болуп келген сыфатлы, суйдюмдю жашау нёгерим; тауушлукъ, акъыл токъмакъ, ариулугъу жашил гюлде чыкъ тамычыгъа ушагъан жашау нёгерим». Повестни башха жигитлери бир халде турадыла, аланы бир биринден айырмалы жукъ да этмейди.

Ючтомлукъну экинчи китабында («Халкъ жашагъан жерде») Малкъар ауузуну жашауундан тюрлю-тюрлю сейирлик хапарла бла шагъырей болабыз («Халкъ жашагъан жерде», «Жамауат эслилери», «Ата журтда»), чамла бла жомакъла да бардыла китапда («Чамла», «Къысха чам хапарла», «Жомакъла»), эртте басмаланган хапарлары да («Юч той», «Гошай ынна»).

Атабийланы Магометни эскериулерини терен магъанасы – ол кеси жашауун миллетни къадарындан айырмай, анга бир жанындан къарагъанчады. Къадарыны айланчлары жамауатны тарыхыны жүрюшю бла байламлыдыла.

Эскериуле жазыучудан ачыкълыкъ излейдиле, аны оюмларыны бла къарамларыны ачыкълыгъын. А.Л. Дмитриевский чертгенлей, «эссе акъылдан жаратылмайды, ол жашаудан, жашауну теренинден жаратылады» [Дмитриевский, <https://www.livelib.ru/book/1160281>].

Ючтомлукъну ахыр китабында («Ата журтум – алтын бешик») жазыучуну назмулары, поэмалары («Малкъар ауузу ...», «Ким эди Кязим хажиди?», «Танг къудуретли Туугъан жерим», «Тюбешиу», «Бийнөггер», «Уллу Хорламгъа – 30 жыл»), сабий назмучукъла бла хапарла киргендиле. «Атабийланы Магомет жырлагъан жырладан», «Сокъур Алийни жырлары» деген бѐлюмледе тарых магъанасы болгъан халкъ жырла бла бирге бир къауум жырны авторлары Атабийланы Магомет бла Алийдиле.

Илму ишни ахырында бир къауум оюмну чертирге тийиншлиди: Атабийланы Магометни назмулары халкъ чыгъармачылыкъдан жазма адабиятны жорукъларына баргъан жолдадыла. Ала халкъ назмучулукъну къучагъында тургъанлай, жазма тѐрелени жакълагъанлары баямды. Бу зат жазыучуну энчи къадарыны кюзгюсюдо – бийик окъуу-билим алмагъанлыкъгъа, Магомет кѐп назму китап окъугъаны бла къалмай, ол назму къурауну жашырынлыкъларын да билирге итингенди.

Атабийланы Магометни ючтомлукъу аны уллу суратлау дуниясыны шагъатыды, аны бла бирча бизни миллет маданиятыбызны да байыкъдырганды. Аны чыгъармалары бары бирча адабият жорукълагъа сыйынмай эселе да (жазыучуну аланы кереклисича «сормелерге» онгу болмагъанды), бийик ниетлери, дуниягъа жарыкъ къарамлары бла багъалыдыла. Аны чыгъармачылыкъ хазнасы жашау болумла не къыйын болсала да, фахму кесине жол тапмай къоймазлыгъына юлгюдю.

Хайырланган ишлени тизмеси Список источников и литературы

Айметдинова 2015 – *Айметдинова Л.А.* Проблема выражения авторской мировоззренческой концепции в эссеистике 20–21 веков // Новые идеи в философии: материалы I Междунар. науч. конф. Пермь: Зебра, 2015. 1–6 с.

Атабиев 2022 – *Атабийланы М.М.* Ата журтум – алтын бешик. (Родина моя – золотая колыбель). Нальчик: Принт центр, 2022. 468 стр.

Атабиев 1984 – *Атабийланы М.М.* Кишилик. (Мужество). Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1984. 110 с.

Атабиев 2021 – *Атабийланы М.М.* Халкъ жашагъан жерде. Хапарла. (Там, где живет мой народ. Рассказы). Нальчик: Принт центр, 2021. 468 стр.

Атабиев 1992 – *Атабийланы М.М.* Юч той (Три свадьбы). Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1992. 118 с.

Атабиев 2015 – *Атабийланы М.М.* Эскериуле. (Воспоминания) Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2015. 496 с.

Дмитриевский 2025 – *Дмитриевский А.Л.* Жанры журналистики. <https://www.livelib.ru/book/1160281/readpart-zhanry-zhurnalistiki-esse-uchebnoe-posobie-andrej-leonidovich-dmitrovskij/~2>. (Дата обращения: 17.10.2025).

Теплеев 1974 – *Теплеев А.М.* Балкарская проза. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1974. 177 с.

References

AIMELETDINOVA L.A. *Problema virazheniya avtorskoi mirovozzrencheskoi kontseptsii v esseistike 20–21 vekov* [The problem of expressing the author's worldview concept in essays of

the 20th-21st centuries]. IN: New ideas in philosophy: materials of the 1st International scientific conf. Perm: Zebra, 2015. 1–6 p. (In Russian)

ATABIEV M.M. *Rodina moya –zolataya kolibel* [My Homeland is a Golden Cradle]. Nalchik: Print Center, 2022. 468 p. (In the Balkar language)

ATABIEV M.M. *Muzhestvo* [Courage]. Nalchik: Elbrus Publishing House, 1984. 110 p. (In the Balkar language)

ATABIEV M.M. *Tam, gde zhivet moi narod* [Where My People Live]. Nalchik: Print Center, 2021. 468 p. (In the Balkar language)

ATABIEV M.M. *Tri svadby* [Three weddings]. Nalchik: Elbrus Publishing House, 1992. 118 p. (In the Balkar language)

ATABIEV M.M. *Vospominaniya* [Memories]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2015. 496 p. (In the Balkar language)

DMITRIEVSKY A.L. *Zhanri zhurnalistiki* [Genres of Journalism]. <https://www.livelib.ru/book/1160281/readpart-zhanry-zhurnalistiki-esse-uchebnoe-posobie-andrej-leonidovich-dmitrovskij/~2>. (Accessed on: 17.10.2025) (In Russian)

Терпеев А.М. *Balkarskaya proza* [Balkar Prose]. Nalchik: Elbrus Publishing House, 1974. 177 p. (In Russian)

Авторну юсюнден информация

Биттирланы Т.Ш. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар адабият секторну айырма илму къуллукъчусу.

Information about the author

T.Sh. Bittirova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Информация об авторе

Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 82–14

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-110-121

**НАУЧНО-КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭПИЧЕСКОГО
И РОМАННОГО МЫШЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ АДЫГСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(штрихи к методологии)**

**Юрий Мухаметович Тхагазитов¹, Хамиша Тарканович Тимижев²,
Раузат Абдуллаховна Керимова³**

^{1,3} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

²Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

² timizhev.ha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6776-8004>

³ K.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

© Ю.М. Тхагазитов, Х.Т. Тимижев, Р.А. Керимова, 2025

Аннотация. В статье предлагается концепция целостного осмысления феномена социокультурной системы литературы адыгского зарубежья, представляющей собой схему выживания этнонациональной духовности в условиях противоречивой для всех адыгов современной глобализации-западнизации. Авторы статьи акцентируют особое внимание на специфике формирования политики устойчивого развития литературы адыгского зарубежья в контексте общеадыгского (общероссийского) историко-культурного процесса. Актуальность статьи определяется диалектикой соотношения этнических и общечеловеческих уровней структурирования жанрово-видовых особенностей в становлении и развитии эпического мышления в литературе адыгского зарубежья: эпически-циклического, эсхатологического, социально-политического. В рамках системно-целостного (социетального) анализа авторы статьи выявляют роль и функции генетических и контактных связей литературы адыгского зарубежья в формировании жанра романа в 50-70 годы прошлого века. При самых трагических перипетиях адыгской истории (Кавказская война) целостный анализ культурно-антропологического подхода (религия, политика, культура, экономика) как антиэнтропийного механизма остается непреходящая общеадыгская художественная картина мира.

Таким образом, обозначенная в статье проблематика органического единства «своего» и «чужого» в художественном сознании адыгского зарубежья преломляется в общечеловеческом (мировом) духовном пространстве и остается условием самосохранения этноса.

Ключевые слова: кабардинский роман, литературные традиции, поэтика, эпopeя, адыгское зарубежье

Для цитирования: Тхагазитов Ю.М., Тимижев Х.Т., Керимова Р.А. Научно-критическая интерпретация эпического и романного мышления в литературе адыгского зарубежья (штрихи к методологии) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 110–121. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-110-121

Original article

SCIENTIFIC-CRITICAL INTERPRETATION OF EPIC AND NOVELTIES IN THE LITERATURE OF THE ADYGHE DIASPORA (methodological touches)

Yuri M. Tkhaqazitov¹, Hamisha T. Timizhev², Rauzat A. Kerimova³

^{1,3} Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia

² Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

² timizhev.ha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6776-8004>

³ K.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

© Yu.M. Tkhaqazitov, Timizhev H.T., Kerimova R.A. 2025

Abstract. The article proposes a holistic approach to understanding the sociocultural system of Adyghe literature, representing a framework for the survival of ethnonational spirituality in the context of contemporary globalization and Westernization, which is contradictory for all Adyghe.

The authors of the article place particular emphasis on the specifics of formulating a policy for the sustainable development of Adyghe literature in the context of a pan-Adyghe (all-Russian) historical and cultural process.

The particular relevance of the article is determined by the dialectic relationship between ethnic and universal levels of structuring genre-specific features in the formation and development of epic thinking in the literature of the Adyghe Diaspora: epic-cyclical, eschatological, and socio-political. Within the framework of a systemic and holistic (societal) analysis, the authors of this article identify the role and functions of genetic and contact ties in the literature of the Adyghe diaspora in the formation of the novel genre from the 1950s to the 1970s.

Amidst the most tragic upheavals of Adyghe history (the Caucasian War), a holistic analysis of the cultural-anthropological approach (religion, politics, culture, economics) as an anti-entropic mechanism remains an enduring pan-Adyghe artistic worldview.

Thus, the problematic of the organic unity of “ours” and “others” in the artistic consciousness of the Adyghe diaspora, outlined in the article, is refracted within a universal (global) spiritual space and remains a condition for the self-preservation of the ethnic group.

Keywords: Kabardian novel, literary traditions, poetics, epic, Adyghe diaspora

For citation: Thagazitov Yu.M., Timizhev H.T., Kerimova R.A. Scientific-critical interpretation of epic and novelties in the literature of the Adyghe diaspora (methodological touches). *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2025; 4-2 (67): 110–121. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-110-121

Демократические тенденции, активизировавшиеся после Второй мировой войны в значительной мере стимулировали зарождение и развитие эпических жанров в современной литературе в целом, в т.ч. и литературе адыгского зарубежья. Именно в этот период страны компактного проживания адыгов – Сирия, Иордания, Ирак, Ливан – начали преодолевать зависимость имперских оснований и переходить к постижению идей национального самоопределения и этнического самосознания [Ганиев 2000].

Следует отметить, к примеру, что эволюционные процессы в турецкой и арабской культурах в то время происходили разными путями. В литературе арабских стран, недавно получивших независимость, главенствующую роль заняла тема национально-освободительной борьбы. Для Турции этот этап как бы был уже пройден, и она уверенно вступала в новую веху своего развития. Представители же адыгского народа, долгое время находившегося в состоянии бесправия в Турции, оказались не готовы к грандиозным мировым переменам середины XX столетия [Бигуаа 2000].

И в этой ситуации само время напомнило адыгской интеллигенции о вековых духовных ценностях, которые непременно нужно сохранять, как идентификационные

маркеры. И в этом смысле трудно переоценить значение художественных произведений таких авторов, как И. Айдамир, О. Озбай, Ш. Куба, Г. Эргин, М. Кумук, Н. Хост, Б. Бленао, О. Челик, М. Уйсал, в произведениях которых наиболее зримо отражены перемены в миропонимании и самосознании адыгов второй половины минувшего века.

При этом, важно подчеркнуть, что страны «исламского мира» разнятся и по ориентации культурного, политического и экономического развития. При различии, сути предназначения культуры в «исламском мире» две тенденции у них остаются главенствующими: влияние Запада – и незыблемые основы шариата. Так, Турция и Египет избрали путь ассимиляции национальных традиций с веяниями нового времени, а религиозные ценности превалируют в Иране, Афганистане и многих странах арабского мира. Функционирование этих двух тенденций после Второй мировой войны послужило в Турции, Сирии, Египте толчком приходу к власти партий и военных сил, исповедующих идеи национального и религиозного превосходства в общественной жизни. Как следствие – весьма неоднородное, «пестрое» состояние культур стран Ближнего Востока [Ганиев 2000].

Некоторые арабские и турецкие писатели предпочитали западные ценности, усиленно продвигая идеи «искусство ради искусства», как путь к зарождению новой духовности. Другие призывали силами феодально-мусульманской культуры бороться с коллективным Западом, стремящимся к захвату нефтяных отраслей. Оставшиеся на основе идей исламского фундаментализма Шафик Джабри, Халил Марданбей, Салим аль-Джунди и другие не признавали последователей соцреализма, призывающих революционным путем установить мировую справедливость.

В первое послевоенное десятилетие в арабской и турецкой литературе начали появляться произведения, явившиеся результатом влияния экзистенциализма, набравшего силу в западной культуре (Сартр, Камю). Однако другая плеяда писателей, придерживающихся демократических принципов (Решард Нури, Назым Хикмет, Халиде Эдип, Четин Онер, Надим Мухамед, Сулейман Иса, Насух Фахри, Шауки Багдади и др.), противостояла веяниям прозападного модернизма.

Некоторые турецкие, арабские, адыгские авторы конца XX века все еще оставались во власти надежд на лучшее будущее, которое должно наступить после победы национально-освободительного движения. Их произведения (среди них наши соотечественники Кумук Мамдух, Надия Хост, Отар Самий, Омар (Апшаца) Захра, Осман Челик и др.) отличались оптимистическими сюжетами, в которых проблемы общечеловеческого характера сводятся к бытийным основам [Султанов 2000].

Большая группа писателей (наши соотечественники Муса Уйсал, Оздемир Озбай, Четин Онер, Мухадин Кандур, Самир Хараток, Рафик Тхагазит, Фоузий Тхазепл и др.), справедливо отмечала, что демократические преобразования далеко еще не завершены. Они объективно оценивают состояние современного общества, понимают, что реформы 60–80-х годов прошлого века не привнесли желаемого результата в жизни народа, и потому их герои открыто выражают свою готовность к новой борьбе за независимость.

В этом противоречивом социокультурном пространстве художественного мира литература адыгского зарубежья все же оказалась способной вернуться к общей и неминуемой задаче – сохранение родного языка, *адыгэ хабзэ*, истории, богатейшего фольклора.

Между тем литература потомков адыгских мухаджиров второй половины XX столетия в сравнении с литературой турецкой и арабской имела немало причин для ухода в тень пессимизма. Что касается Турции, ее неоднократно ввергали в конфликты социально-экономического характера различные партии и национальные движения, не имеющие твердой политической платформы. Из-за их бесконечного противостояния в 60–80-е годы власть в стране трижды переходила к военной верхушке, что тормозило демократические преобразования:

закрывались газеты и журналы, распускались партии и профсоюзы, борющиеся за социальную справедливость, а лидеры их подвергались гонениям. Как во времена кемалистов сводилась на нет работа национальных культурных центров, адыгская хаса могла собираться лишь в условиях строгой секретности. Так продолжалось до 1983 года, пока в Турции не появился указ «О политических партиях и национальном движении» [Гагин 2002]. В те годы новый толчок к развитию современной литературы адыгского зарубежья дали писатели и публицисты, борцы за права малочисленных народов (М. Уйсал, И. Айдемир, О. Челик, О. Озбай, Ч. Онер, Н. Машхоф, Н. Инамуко, Д. Кушха, Я. Баг, Н. Едыдж, Ф. Фахри, С. Барзадж, Н. Барзадж и другие). В художественную основу их произведений легли реальные события, очевидцами которых были сами авторы.

Сложнее приходилось в тот период адыгской диаспоре в странах арабского мира. Трижды (1948, 1956, 1967) вспыхивали арабо-еврейские конфликты, приводившие к тяжелейшим последствиям в экономике и жизни молодых государств, едва ощутивших независимость [Султанов 2002].

Столкновения группировок с разными политическими интересами порождали невероятные трудности, что сказывалось на положении адыгов. В 1938, 1958, 1967-м годах наши соотечественники предпринимали попытки вернуться на Северный Кавказ. Из числа адыгов, вынужденно покинувших Голанские высоты из-за арабо-еврейской войны, 3000 человек подали документы на возвращение на историческую родину. Однако в посольстве СССР в Сирии им ответили, что «СССР не готов принять черкесов обратно» [Надьярных 1996].

Адыги никогда не находили поддержки со стороны политических сил в странах проживания диаспор. Тех, кто осмеливался перешагнуть рубеж культуры, целенаправленно устраняли. В конце концов, как писал Мамдух Кумук, «тот клочок земли, что отцы наши пытались оставить нам (букв. «чтобы было куда поставить ноги»), занялся пламенем, и лучшие наши парни сложили головы...» [Кумук 1997: 90]. Страшнее огня было то, что в адыгов вселилось чувство страха. Бессилие, неурядицы в делах, утрата привычного образа жизни, разрушение сельского уклада, крушение надежд, избравших городскую жизнь, - все это стало темой художественных произведений того периода. Неудивительно, что произведения адыгских авторов полны печали, и многое в них остается недосказанным в силу понятных причин.

Писатели адыгского зарубежья нескоро сумели вырваться из плена пессимистических настроений, привнесенных в литературу в 50-е годы, прежде всего, поэтом Эргином Гунджером (Турция), автором афоризма «Адыгов состарило время». Лишь к 60–80-м годам прошлого века новая плеяда писателей под влиянием старших собратьев по перу (Ш. Куба, Н. Хост, Х. Каледах) нашла в себе силы и талант обратиться к объективному отображению социальных и политических коллизий.

В 50–70-е годы прошлого столетия капиталистические устои все заметнее проникали в отдаленные адыгские поселения. Первой приметой стали новые дороги. «Будто вчера из Дамаска в село добирались верхом – и это был целый день пути. А теперь садишься в скорую эту телегу – и ты уже дома», – рассуждает дед Хажрат из рассказа Мамдуха Кумука «Новый путь» [Кумук 1997: 78].

Новые дороги, конечно же, привнесли облегчение в жизнь сельчан, но и уничтожили многие жизненные устои адыгов: молодежи неинтересно стало трудиться на земле, у стариков сил на то не оставалось, и земля пришла в запустение, стали забываться извечные духовные ценности (О. Челик. Романы «Юнус Эмре», «Джабаги Казанок»; Ч. Онер. Роман «Высечено на скалах»; Омер З. «Гибель Сосруко» и др.).

Следует отметить, что в творческом своеобразии адыгской литературы того времени, как и арабской, сосуществовало несколько направлений: реализм, лирика,

романтизм, имевшие свои ответвления. В обозначенные годы также активно развивалась художественная документалистика, сатира и юмор, но что особенно важно, стала набирать популярность форма большой прозы – эпопея и роман. Темой романов стали события Кавказской войны и ее последствия, до того мало затрагиваемые в адыгейской, кабардинской, черкесской литературе.

До Октябрьской революции эта тема чаще освещалась в публицистических трудах прогрессивных авторов – Н. Цагова, К. Ахматуко, А. Кешева, Х. Хундж, С. Нагучева и др. Из числа адыгских писателей эмиграции первым обратился к этому вопросу Ахмед Мидхат (романы «Кавказ», «Хусейн Феллах», «Грузинская дева», драма «Адыгские урки»). Позже о великой трагедии адыгов писали и другие авторы из числа наших соотечественников за рубежом: Омер Сейфеддин (рассказ «Пояс»), Расим Рушди (повесть «Жан», роман «Султан Абдул-Хамид»), Осман Челик (роман «Кавказ»), Четин Онер (роман «Высечено на скалах»), Уйсал Муса (роман «Три всадника»), Айдемир Иззат (роман «Гёнар»), Мухадин Кандур (романы «Кавказ», «Черкесы. Балканская история»).

К авторам, которые блестяще справились с этой высокой задачей, мы прежде всего считаем должным причислить Захру Апшаца (Омар) (1938–2000). Родилась она в столице Иордании Аммане. Много лет работала журналистом в различных информационных агентствах. Жизнь адыгской писательницы, всеми силами стремившейся быть полезной своему народу, к сожалению, оказалась короткой. З. Апшаца – автор двух романов: «Гибель Сосруко» и «Сосруко в тумане», а также ряда рассказов на арабском языке.

События в романах Захры Апшаца разворачиваются у кавказского побережья Черного моря, в Иордании, Турции. Следует подчеркнуть сюжетно-композиционную особенность дилогии, в которой зачастую страницы истории ускользают и теряются в тумане времен. По признанию самой писательницы это по той причине, что она мало владела достоверной информацией об исторической правде, неоднократно утверждала, что в момент крушения миропорядка (*имеется в виду социалистическая система*) она остановилась и задумалась, и начала искать свои корни. Итак, она обратилась к устному народному творчеству, растворилась в тумане времен».

В основе сюжета – воспоминания старой женщины Мысырхан, прикованной к постели и разговаривающей с давно ушедшими в мир иной родственниками, пугая тем самым, сидящих у смертного одра детей и внуков. Но в какой-то момент у больной проясняется сознание, и она четко излагает события тех давних лет. Именно из разговора Мысырхан, еще ребенком попавшей в число изгнанников, и ее отца *Бабэжь* (Бекмурза Гиндоко) читатель узнает, какое насилие творилось над нашим народом. С этой печальной истории и начинается произведение.

Вторжение царского войска, схожее с адским пламенем в день страшного суда, исторгшее адыгов с их исконных земель, и скорбный путь изгнания – вот кульминация романа. Среди беженцев – родня Гиндоко, едва спасаясь от напалзающей, подобной гигантской черепахе, вражеской рати. Нестерпимо больно было покидать родную землю, невыносимо страшен был тот день. З. Апшаца сравнивает это состояние с чувством адыга, бросающего своего коня. Ни слезинки не проронил Гиндоко в тот день, когда на своих руках занес во двор окровавленное тело сына Темира, сраженного вражеской пулей. Адыг не может сдержать слез в двух случаях: когда он вынужден убить свою лошадь, чтобы не оставить врагу, и покинуть свою родину.

Ради «утраченной чести» адыгские мухаджиры не раз потом хватались за рукоять кинжала. Ступить на турецкую твердь довелось лишь немногим, выжившим после тягот пути, страшного мора и голода. Мать Мысырхан, ее братик Ельдар, дядя Осман – все они остались в «утробе моря». Земля турецкая не оказалась к ним милосердна. В Аммане, где нашли прибежище первые изгнанники, прибились Гиндоко с маленькой дочерью.

За недостаточностью исторических сведений писательница обратилась к устному народному творчеству, надеясь в них услышать об истинной причине «бегства адыгов с исконной земли».

Прекрасную землю адыгов автор сравнивает с «волшебным золотым деревом нартов», с несравненной Мигазаш (*Мыгъэзэи*), отведавшей плодов с того дерева:

Двух нартов она родила,
Одного нарекли Озермес,
Второго назвали Имыс,
Оба лицами были схожи,
Словно звезды на ясном небе [Апшаца 2004: 54].

Два крыла – это символ единства двух адыгских ветвей – кабардинцев и адыгейцев, которая прочитывается в романе о нартах. Сосруко вернул нартам огонь, похищенный иныжем, и просо, украденное иныжем у Тхагаледжа, вернул в качестве серпа месяц (сравним со схожей темой в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя). Сосруко увел своего отца из хасы нартов, где ему уготована была чаша с ядом. А причиной гибели Сосруко – по большому счету трагедии народа – могли быть непомерная гордость, чувство зависти, заложенные в самом народе.

Таким образом, в поисках истины З. Апшаца пытается исследовать суть образного мышления адыгов в «тумане воображаемого мира», в конце концов их ослабевший дух не может противиться реальным невзгодам, что актуализирует поиски формы и содержания эпического и романного мышления, увидеть судьбу народную в тумане социологического романтизма, объединяющего в традицию и утопию в восприятии «светлого будущего». Таков удивительный художественный мир адыгской писательницы Захры Апшаца – есть судьба своего народа с его вечными поисками выхода из этого замкнутого круга.

По стопам Захры Апшаца, вобравшей в своем творчестве и художественный опыт идеи символизма, пошел и другой адыгский писатель Четин Онер (Гогутль). Родился он в поселении Бинбогалар (Турция) в 1943 году. Окончил академию экономики и торговли в Анкаре, был профсоюзным деятелем, работал в государственном комитете по телевидению и радиовещанию заместителем генерального секретаря. Он работал в театре: актер, режиссер, писатель.

В литературу Четин вошел своими детскими рассказами и повестями: «Гюлибик», «Билиз несет весну», «Кто видел птицу счастья?», «И вороны не были черны» и др. Повесть «Гюлибик» переведена на несколько иностранных языков. Снятый по его сюжету фильм был признан лучшим на Берлинском кинофестивале в 1984 году.

Детские произведения нашего соотечественника наполнены добром, светом, красивой мечтой. В основу их легли его детские воспоминания, события, происходившие в 40–60-е годы в его родном селе Бинбого. Художественное произведение религиозно-этических ценностей и образа жизни адыгов получили хорошие отзывы литературных критиков.

Четин Онер первым из адыгских писателей сделал заметный шаг к преодолению периода депрессии. Свидетельством тому – его исторический роман «Высечено на скалах». Четин Онер не идет по пути авторов, пытавшихся нивелировать острые моменты истории, он устремлен к исторической правде. Именно это придает его произведениям реалистичность в изображении событий далекого прошлого.

Роман «Высечено на скалах» посвящен событиям Кавказской войны, и исходу адыгов в Турцию. В нем подробно описываются страдания мухаджиров, обосновавшихся в Узун-Яйле (провинция в Турции) и из одной войны попавших в новые многочисленные войны между курдами и турками, турками и армянами. Четин Онер, как и его предшественники, пытается анализировать причины нескончаемых

бедствий адыгского народа. Таким образом, автор по-своему разделяет судьбу тех, кто «растворил судьбу народа в тумане времен».

Кстати, этим символом истории адыгов начинается роман Четина: «В густом тумане скачет на коне адыг. Он верхом пересекает долины, пустыни, горы. На нем то форма арабского воина, то турецкое, русское, грузинское и иное национальное одеяние» [Онер 1984: 34]. Данный посыл вполне прозрачен: он о том, что адыги из века в век сражались за интересы других народов, забыв о себе, помогали другим создавать государственность. Исторически это отложилось в истории Турции, Египта, Иордании, Сирии, России.

Писатель справедливо считает внешнеполитическую ориентацию адыгов главной причиной «великой национальной трагедии». Но война многому научила адыгов. Теперь они «не пляшут под чужие песни», уже зная их смысл и цели. Нет у них больше доверия миссионерам, призывающим воевать «кто во имя бога, кто во имя царя».

Четин Онер первым обозначил в художественной литературе идею о том, что Кавказская война была не только следствием конфликта между русским царем и национальными лидерами Кавказа. В романе явственно говорится о заинтересованности западных стран в этой войне. Принимая исламизацию, как основу единства адыгов, писатель одобряет убеждения других авторов о том, что весь мусульманский мир был целиком на стороне адыгов. Автор не приемлет политику западных государств в отношении кавказских народов, сделавшую мишенью вольнолюбивый народ, противопоставив его армии, многократно превосходящей его по силе и численности, а потому заведомо проигранный для адыгов.

Адыгская лошадь в романе – символ свободы и надежды. Прозрачно обозначается автором мысль, что: пока жива адыгская лошадь, жива и надежда у народа. Эту мысль мы видим в образе Нафо: «Адыги произошли от лошади, – говорит она внуку. – И ты вырастешь и станешь горячим конем» [Онер 1984: 25]. Нафо грезит о том дне, когда он будет гарцевать перед Наной верхом на горячем адыгском скакуне.

Дада Дамыш упорно стремился к тому, чтобы адыги пустили корни на новой земле, но «почва оказалась каменистой, и ростки не прижились». Он долго стремился удержать возле себя своего вороного Карапца. Но и это ему не удалось, трудности и нищета подточили его силы. И до глубокой старости пытался он вернуть утраченного скакуна – свою свободу. В охоте за «елкызты» (свободная, дикая лошадь) и принял он свою смерть в горах. Есть много схожего в образах дады Дамыша и Бекана из романа Алима Кешокова «Сломанная подкова». Оба они являются собой пример стремления к высшей ценности – свободе и заставляют задуматься о реальном, а не эфемерном «светлом» будущем народа.

Писатель понимает, что на чужой земле твои корни не прорастут. Никогда адыг не обретет там желанной свободы. Вынужденные бежать от насилия адыги пережили всё – и трагедию переселения на чужбину, и горе потерь родных в пути, и войны – Турции с русскими, с армянами, с Антантой. Все они вынесли, но не могут вынести жизни без свободы. Надо вернуть ее, приблизить, но в новое для этноса у старца нет сил и времени. Потому уходит он в горы с арканом в руках. Автор прописал этому герою судьбу «светлого прошлого» достойную песни и легенды. Но со смертью старика не оканчивается его история.

Среди писателей особых сторонников диалога культур в человеческом сообществе, уместно будет назвать Османа Челика (Осман Хакуратэ, 1934–2003). Он писал на турецком языке. Его перу, одного из видных авторов адыгского зарубежья, принадлежат сборник рассказов «Нарты» (1976), пьеса «Джабаги Казаноко» (1985), исторические романы «Юнус Эмре» (1994), «Кавказ» (трилогия: «Гёнар», «Поколение воинов», «Изгнанные» 1994), а также ряд научно-исследовательских работ.

Сюжеты у Челика преисполнены любовью к своему народу и земле отцов. Эта особенность явственно актуализируется в гиперболизации образов. Край, где

обитают потомки нартов, это рай на земле, а живущий здесь народ возвышает и украшает свою родину. Мужчины рослые и могучие, женщинам нет равных по красоте, потомство достойное и здоровое.

Автор увлеченно и в подробностях рассказывает о полноте бытия народа в том сказочном краю. Он сам мечтает о такой родине и о такой жизни, этим он зажигает читателя мечтой об идеальном обществе, живущем по законам добра и управляемом мудрым тамадой. А конфликты, если и возникают, разрешаются мирным путем согласно закону. Правда, есть в той стране и князья, и тлякотлеши (среднее дворянство), и унауты (слуги), однако никто никого не принижает из-за низкого происхождения. Князь обращается к прислуживающим в его доме девушкам не иначе как «дочки мои». Одним словом, писатель рисует идеальный мир «далекого прошлого».

Много лет посвятивший собиранию и изучению фольклора, О. Челик индивидуализирует поэтику устного народного творчества. В рассказах из сборника «Нарты» индивидуализированы *пиинатли* (сюжеты героических песен), старинные сказания, а также фольклорная форма повествования. В подобном ключе написан и роман «Джабаги Казаноко», созданный не без влияния «Горцев» Аскерби Шортанова.

В самых разных по жанру произведениях О. Челик наделяет своих героев способностью верить в чудо, которое случается лишь по воле Всевышнего. Эта тема часто встречается также у поэтов адыгского зарубежья (М. Инамук, Н. Хунагу, Р. Тхагазит, Я. Баг и др.).

Частая смена власти в Турции породила и новые трудности для представителей малых народов, и им оставалось лишь надеяться, что власть предрержащие когда-нибудь обратят внимание на их нужды и чаяния.

Один из тех, кто всеми силами старался вывести адыгскую литературу из устоявшегося «тумана романтизма» и закреплявший в литературе духовные ценности реального осмысления-переосмысления, был именно Муса Уйсал.

Роман Уйсала «Три всадника» посвящен теме Кавказской войны и отличается от произведений других соплеменников тем, что он ближе к жанру документалистики. В самом начале автор сообщает, что его роман – не художественный вымысел, он создан на реальном историческом материале. О событиях, описанных в книге время от времени в художественный текст вклиниваются достоверные документы, которые свидетельствуют о коварномговоре Англии, Франции и России в отношении Кавказа, Балкан и Турции.

В основе сюжета – злоключения семьи Чинтов, изгнанных с берегов Кубани и пустившихся в путь «на Истамбул». Думавшие добраться до Турции сухопутным путем жители абазехского аула смогли достичь только южной оконечности нынешней Болгарии. Но и здесь им не дано было надолго задержаться. Они пустились вслед за турками, отступающими под натиском русских войск. Но самое ужасное и необъяснимое было в том, что бежавшие из родных краев люди в количестве двух сотен человек сами разделились на два лагеря. Одни считали – надо договариваться с русскими, чтобы они разрешили им вернуться на Кавказ. Другие, напротив, все еще хотели искать заступничества у турок.

Кончилось тем, что две группировки пошли друг на друга с оружием. Случилось это на подступах к Стамбулу. Разгорелась настоящая война, так что туркам пришлось выслать своих военных для усмирения разбушевавшихся адыгов. Это место в окрестностях турецкой столицы связано с черной страницей в нашей истории и до сих пор именуется турками «Черкесской долиной».

Писатель срывает завесу тайны с трагических событий, о которых живущие на исторической родине мало что знали. Роман «Три всадника» – это позиция писателя против тех, кто мог остановить заблудившийся в настоящем народ, но не сделал этого.

Мулид Инамук писал, что среди писателей адыгского зарубежья нет равных М. Урсалу, чей слог напоминает священную суру. «Пожалуй, среди писателей

адыгского зарубежья нет равных М. Уйсалу по силе трепетного отношения к соплеменникам. Каждая его строчка наполнена состраданием и любовью к своему народу. Язык его настолько богат и красив, что напоминает священную суру – читаешь и не можешь начитаться» [Культурная диаспора... 1993: 35].

Другим заметным писателем адыгского зарубежья, тяготевшим к реалистическому воспроизведению действительности является Мухадин Кандур (1940–2025) – потомок адыгского рода, в самом начале XX столетия покинувшего Малую Кабарду и переселившегося на «землю ислама». Он получил образование в США. Окончил колледж Ирлхэм, затем Клермонтский университет (штат Калифорния). Получил степень доктора философии. Он автор романов «Заговор в небе», «Разлом», трилогии «Кавказ», «Черкесы. Балканская история», «Революция», а также поэтических сборников и научных статей мемуарного характера.

Кандур вырос в обеспеченной семье видного военного деятеля. Однако личное благополучие не помешало будущему писателю рано задуматься о смысле жизни и о тех причинах, которые вынудили его соотечественников сняться с родной земли и пуститься в непредсказуемый путь на чужбину. В его ранних произведениях, особенно в стихах, заметно, что автор задается сложными вопросами общечеловеческих ценностей в области мировой культуры и истории. Особое отношение к окружающему миру и пристрастие к углубленному изучению причин межнациональных конфликтов вылилось в создание эпических полотен – трилогия «Кавказ», роман «Черкесы. Балканская история», большое художественное произведение «Революция», в основу которого легли национально-освободительные войны в арабском мире с активным участием представителей адыгских диаспор.

В 1994 году трилогия «Кавказ» вышла на английском и русском языках (вскоре увидела свет и кабардинская версия в переводе Хамида Кармокова). Роман-эпопея посвящен прошлому, настоящему, будущему адыгского народа. «Автор исторических трудов много лет работал в архивах в поисках причин современных конфликтов» [Газета Труд 1993].

В трилогии Кавказ параллельно эволюционируют две сюжетные линии – история Кавказа и жизнеописание его рода (Кандуров). В повествовании, охватывающем несколько поколений, естественным образом сменяются герои на смену персонажам «Чеченские сабли» – Суворову, Якоби, Булгакову – приходят «Казбек с Кавказа», в романе «Заговор» уже фигурируют Ермолов, Вельяминов, Бярятинский, Паскевич, другие полководцы-завоеватели. В исторической линии произведения упоминаются и иностранные деятели: Ю. Клапрот. Д. Эркварт, Дж. Белл, Дж. Лонгворт, Хусейн-паша, представители горских племен – шейх Мансур, Шамиль, М. Кундухов и другие.

Почерпнутые из исторических документов сведения нужны автору лишь с одной целью: ему важно продемонстрировать читателю всю катастрофичность войны, ломающей мир и веру человека. Живущая в вечном страхе Нурсан (жена Казбека) боится рожать детей, несмотря на недовольство супруга и свекра со свекровью.

По сути, это апогей большой трагедии: женщина, страшится исполнить самое высокое свое предназначение – воспроизводство человечества.

Обе сюжетные линии, проходящие сквозь все произведение, время от времени пересекаются. В окраинном селе Малой Кабарды – Хапсее – до людей доносится весть о том, что в Петербурге, Истамбуле, Лондоне за спиной адыгов решается их судьба.

Западные державы, не удовлетворенные разделом чужих территорий, находились в состоянии всеобщего конфликта. Османская империя, почти пять столетий удерживавшая под своей властью огромные территории и десятки народов, была ослаблена бесконечными войнами и национально-освободительными движениями. Потому Англия, Франция, Австро-Венгрия и Россия вознамерились поделить ее владения между собой. Между самими сообщниками не было согласия и тем более доверия. Ссылаясь на исторические документы и биографические

сведения, автор раскрывает тайные замыслы европейских политиков. Они не хотели уступить России Крым, Балканы, Константинополь и позволить ей закрыть ворота в Черное море. Из всех приглянувшихся земель они готовы были отдать России только Кавказ, после того, как стравят русскую армию с живущими там горскими племенами и этим истощат ее силы. В жанре, близком к политическому детективу, писатель раскрывает коварные планы лидеров западных стран.

Россию такой делёж не устроил. После разгрома Наполеона она считала себя достойной всяческих привилегий. Кавказ она и так считала своим без всяких условий. Европейские державы умело использовали нрав строптивых вольных горцев, не привыкших подчиняться никаким властям и ничьей воле. Такова идейная основа самой популярной эпопеи М. Кандура.

Политика Царской России в отношении горских народов была вполне определенной: «Горцы – это азиаты, – говорит Ермолов. – Они понимают только язык силы. И мы принудим их сдаться. Такова моя политика. И действовать будем мечом и огнем. Запылают их аулы, если окажут сопротивление. Другого языка они не понимают» [Записки 1991]. Сам того не осознавая, этот доблестный герой Бородинского сражения с солдатской прямоотой играл на руку западным политикам, ненавидевшим Россию.

Даже у бесстрашного Казбека, как подчеркивает М. Кандур, война выбила почву из-под ног: «Острой болью пронзило все его существо, болью, доселе не испытанной им...» [Надьярных 1996: 87]. Холодная рука войны разрушила мир Казбека. Единственный сын пал от руки казаков, мать не пережила этого горя. Для его отца Ахмата жизнь обесценилась. Лучшего друга с женой и ребенком убили, аул сожгли дотла. Еще вчера друг с нежностью, тайком от чужих взоров, играл с маленькой дочкой... Казбек, вооружившись, идет мстить за кровь близких.

Но произведение все же заканчивается символической картиной мира – строительством моста через Терек от аула Хапча к казачьей станице. Но еще одно тревожит Кандура, и он озвучивает это устами своего героя. Нахо в сомнениях, он видит, что на смену пушкам и ружьям приходят перо и бумага. Теперь одно из двух: забыть свою веру и обычаи и раствориться среди пришлого народа – или покинуть свои земли и пуститься в бег. А может, это всего лишь кажется герою? Как и самому Кандуру, рожденному и выросшему в Иордании? Придется сделать трудный выбор: остаться на родине или покинуть ее. Ответа он не находит, вопрос так и остается открытым.

Стиль Кандура лаконичен, лишен излишней описательности, эпитетов, метафор и сравнений. При этом каждое предложение писателя несет свою смысловую нагрузку, полновесную информацию.

Романы Мухадина Кандура – весомый вклад в адыгскую литературу. Писателю удалось разобраться в причинах трагедии своего народа, описать ее и рассказать об этом всему миру. «Нельзя допустить, чтобы иные проходили мимо трагедии моего народа, ничего не зная о той беде, что подкосила его на путях истории», – пишет Кандур [Кандур 2001: 98]. Он считает – прошлое уже не вернуть, и творившие насилие расплатились за него сполна. Теперь нужно беречь то, что осталось, не раствориться в среде многочисленных народов».

Газета «Труд» писала: «Не было случая, чтобы Кандур озвучил превосходство одного народа над другим. Его произведения наполнены любовью к родине, к соотечественникам» [Газета Труд 1993: 3]. Писатель всегда жил одной мечтой: для сегодняшних потомков этноса, обладавшего в прошлом высокой культурой, искать и найти пути духовного возрождения и развития, чтобы ни в чем они не уступали другим высокоразвитым нациям. Это главная идея Кандура и она утверждается во всех его произведениях – поэтических и прозаических.

Таким образом, творчество адыгского зарубежья на сегодняшний день является реальным ориентиром поиска «надландшафтного» единства структуры

духовного пространства этноса в контексте «национальной катастрофы» (по С. Сиюхову), советского, постсоветского и культуры зарубежья как периодов эволюции синкретизма «утопий» и «традиций» в художественном сознании адыгской картины мира. Как отмечено выше, в 60–70-е годы прошлого века литература адыгского зарубежья обретает новизну и жанровое разнообразие. Наблюдается постепенный отход от малых форм, от рассказов семейно-бытового характера и обращение к общенациональной, исторической тематике, отличавшейся различием художественных приемов и беспристрастностью нового взгляда на исторический путь адыгского народа его будущее.

Список источников и литературы

- Апшацэ 2004 – *Апшацэ З.* Гибель Сосруко. Нальчик, 2004. 89 с.
- Балагова-Кандур 2007 – *Балагова-Кандур Л. Х.* Литературная диаспора адыгов. Проблемы духовной идентичности // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. Вып. IV. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 183–204.
- Бигуаа 2000 – *Бигуаа В.А.* Литература абхазской диаспоры в Турции. Творчество Омара Бейгуаа // Литературное зарубежье: проблемы национальной идентичности. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000. Вып. 1. С. 140–163.
- Ганиев 2000 – *Ганиев В.Х.* Эмиграция – диаспора – писательские судьбы // Литературное зарубежье: Проблема национальной идентичности. Вып. I. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000. С. 197–211.
- Ганиев 2000 – *Ганиев В.Х.* Две эмиграции Гаяза Исхаки // Литературное зарубежье: национальная литература – две или одна? // Вып. II. М.: Наследие, 2000. С. 225–246.
- Газета Труд 1993 – *Газета «Труд».* 1993. 23 июня. С. 7.
- Записки... 1991 – *Записки А.П. Ермолова.* 1798–1826 гг. М., 1991. С. 268–270.
- Кандур 2001 – *Кандур М.* Черкесы. Балканская история. Нальчик, 2001. С. 174.
- Кумык 1997 – *Кумык М.* О чем поет речка. Нальчик, 1997. 178 с.
- Культурная диаспора... 1993 – *Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения.* Черкесск, 1993. 530 с.
- Надъярных 1996 – *Надъярных Н.С.* Пространство диаспоры // *Нация личность.* Литература. М.: Наследие, 1996. Вып. 1. С. 33.
- Онер 1984 – *Онер Ч.* Написано на скалах. Стамбул, 1984. 160 с.
- Султанов 2000 – *Султанов К.К.* Идеал, опрокинутый в прошлое. Образ Кавказа в литературе северокавказской диаспоры // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. // Вып. III. М.: Наследие, ИМЛИ РАН, 2000. С. 63–85.
- Султанов 2002 – *Султанов К.К.* Человек под чужим небом (О романе М. Кандура «Балканская история») // Проблема литературного зарубежья: национальная литература – две или одна? // Лица. Книги. Проблемы. // Вып. II. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 182–189.

References

- APSHATSE Z. *The Death of Sosruko*. [Gibel' Sosruko] Nalchik, 2004. 89 p. (In Russian).
- BALAGOVA-KANDUR L.KH. *Literary Diaspora of the Adyghe People* [Literaturnaya diaspора адыгов. Problemy dukhovnoy identichnosti] // *Literaturnoye zarubezh'ye: Litsa. Knigi. Problemy.* Vyp. V. Moskva, IMLI RAN. Issue IV. Moscow: IMLI RAS, 2007. Pp. 183–204. (In Russian)
- BIGUAA V.A. *Literatura abkhazskoy diaspory v Turtsii. Tvorchestvo Omara Beyguaa* [Literature of the Abkhaz Diaspora in Turkey. The Works of Omar Beyguaa] // *Literaturnoye zarubezh'ye: Litsa. Knigi. Problemy.* Vyp. V. Moskva: IMLI RAN, 2000. Issue 1. Pp. 140–163. (In Russian)
- GANIEV V.Kh. *Emigratsiya – diaspora – pisatel'skiye sud'by* [Emigration – Diaspora – Writers' Fates] // *Literaturnoye zarubezh'ye: Litsa. Knigi. Problemy.* Vyp. V. Moskva: IMLI RAN. Issue I. Moscow: IMLI RAS, "Nasledie". Pp. 197–211. (In Russian)
- GANIEV V.Kh. *Dve emigratsii Gayaza Iskhak* [Two Emigrations of Gayaz Iskhaki] // *Literaturnoye zarubezh'ye: natsional'naya literatura – dve ili odna.* Issue 1. Moscow: Nasledie, 2000. Pp. 225–246. (In Russian)

- Gazeta «Trud»* [Newspaper “Trud”]. 1993. June 23. (In Russian)
KANDUR M. *Cherkesy. Balkanskaya istoriya* [Circassians. Balkan History]. Nalchik, 2001. P. 174.
KUMYK M. *O chem poyet rechka* [What the river sings about]. Nalchik, 1997. 178 p. (In Russian)
NADYARNYKH N.S. *Ideal, oprokinuty v proshloye. Obraz Kavkaza v literature severo-kavkazskoy diaspory* [Diaspora Space] // *Literaturnoye zarubezh'ye: Litsa. Knigi. Problemy*. M.: Naslediye, IMLI RAN, 1996. Issue 1. P. 33. (In Russian)
ONER CH. *Napisano na skalakh* [Written on the rocks]. Istanbul, 1984. 160 p. (In Russian)
SULTANOV K.K. *Chelovek pod chuzhim nebom (O romane M. Kandura «Balkanskaya istoriya»)*. [An Ideal Overturned into the Past. The Image of the Caucasus in the Literature of the North Caucasian Diaspora] // *Problema literaturnogo zarubezh'ya: natsional'naya literatura – dve ili odna? // Litsa. Knigi. Problemy*. Issue 18. Moscow: Nasledie, IMLI RAS, 2000. Pp. 182–189. (In Russian)
SULTANOV K.K. *Ideal, oprokinuty v proshloye. Obraz Kavkaza v literature severo-kavkazskoy diaspory* [An Ideal Overturned into the Past. The Image of the Caucasus in the Literature of the North Caucasian Diaspora] // *Literaturnoye zarubezh'ye: Litsa. Knigi. Problemy // Vypusk ...*. M.: Naslediye, IMLI RAN, 2000. Pp. 63–85. (In Russian)

Сведения об авторах

- Ю.М. Тхагазитов** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы;
Х.Т. Тимижев – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и фольклора народов Северного Кавказа;
Р.А. Керимова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the authors

- Y.M. Thagazitov** – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Department;
Kh. T. Timizhev – Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Literature and Folklore of the Peoples of the North Caucasus;
R.A. Kerimova – PhD (in Philology), Senior Researcher at the Balkar Literature Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 16.10.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 821.512

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-122-130

ГЫТТЫУЛАНЫ МАКСИМНИ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫГЪЫНДА ЗАМАННЫ ХАТЫ

Ёзденланы Тауланны кызы Фатима

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал кырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик шахар, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© Ёзденланы Т.Ф., 2025

Кысха магъана. Малкъар жазычу, совет партияны къуллукъчусу Гыттыулары Исмайылы жашы (1916–1985) Магометни (Максимни) чыгъармачылыгына тинтиу эм хронология ыз бла къаралады. Социалист идеология тамал бла авторну ич дуниясын, жигитни психология халын берирге итিনিуонде диалектика къаршчылык ачыкъланганды. Жазычуну чыгъармачылык ёсюмюню баш кезиулери белгиленгендиле: романтика лирикасы бла граждан (совет) поэзиясыны ангылам даражасын-дан башлап, экзистенциал себеплеге эс бёлюннгенди эм миллет ангыны, аслам эс Уллу Ата журт урушну азабына, малкъар халкъны кёчгюнчюлюгюне, тарых-саясат болумлагъа эм жамауат ишни къураугъа салгъан кыйынына бурулады; китапланы атларында берилген белгилеге («Минги тауну къатында», «Кёндеден эли», «Солдат жолла», «Атламла», «Ант», «Космонартла», «Совестъ» д.б.) поэтика эм магъана жаны бла къаралганды; «адам бла тарых», «ата журт бла башха журт», «адет-намыс бла байламлы насийхат сёз» деген ангылаулары белгилерге себеплик этеди. Бу илму иште Гыттыулары М. къара сёз бла жазылгъан чыгъармаларына («Ачыкъ жюрекле», «Ёсюю» деген хапарла, акъ сёз бла жазылгъан роман «Минги тауну къатында», д.б.) эм аланы фило-софия хатларына айырма эс бёлюнеди.

Баш магъаналы сёзле: Гыттыулары Максим, малкъар поэзия, проза, ич дуния, сезим, чыгъармачылык иш, социалист идеология

Цитата этерге: Ёзденланы Т.Ф. Гыттыулары Максимни чыгъармачылыгында заманны хаты // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 122–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-122-130

Original article

WORKS OF MAXIM GETTUEV IN TIME TRENDS' CONTEXT

Fatima T. Uzdenova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© F.T. Uzdenova, 2025

Abstract. This article examines the works of 1985 the Balkar poet and prose writer, Soviet activist Maxim Izmailovich Gettuev (1916–1985) in a chronological and general manner. A diachronic analysis of his works is provided, revealing aesthetic, poetic, and stylistic features, as well as the dialectical contradiction between the dominant ideological tenet of socialist realism and the author's attempts to convey the inner world and psychological state

of the protagonist. Key stages in the writer's creative evolution are outlined, from early romantic lyricism and civic (Soviet) poetry of an abstract, conceptual nature to an understanding of existential motifs, a reflection of ethnic consciousness, and the influence of historical and political events, such as the Great Patriotic War and the deportation of the Balkar people, on the development of his work as a whole. The appeal to the iconic images-symbols, concentrated, among other things, in the titles of the collections themselves: "Mingi taunu k'atynda" ("Near Elbrus"), "Kyondelen ely" ("Kyondelen village"), ("Soldat zholla" ("Soldier's paths"), "Atlaml" ("Steps"), "Ant" ("Oath") "Kosmonartla" ("Cosmonarts"), "Conscience", etc.), allows us to conceptualize the main components of the poetic (artistic) consciousness of the author, to define ideas in the plane of "man and history", "homeland-foreign land", "ethical and aesthetic imperatives", etc. Particular attention is paid to the prose of M. Gettuev, its psychological component (stories "Achyk zhurekle" ("Open hearts"), "Yosyu" ("Growth"), the novel in verse "Mingi taunu" katynda" ("Elbrus is nearby"). Research methods: historical-typological, comparative, epistemological.

Keywords: Balkar literature, Maxim Gettuev, poem, novel in verse, socialist ideology, psychologism

For citation: Uzdенова F.T. Works of Maxim Gettuev in time trends' context. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 122–130. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-122-130

Научная статья

ТВОРЧЕСТВО МАКСИМА ГЕТТУЕВА В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ВРЕМЕНИ

Фатима Таулановна Узденова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© Ф.Т. Узденова, 2025

Аннотация. Обзорно и в хронологическом срезе рассмотрено творчество балкарского поэта и прозаика, советского партийного деятеля Максима Измаиловича Геттуева (1916–1985). Проведен диахронический анализ его текстов, выявлены их эстетические и поэтико-стилевые особенности, диалектическое противоречие между доминирующей идеологической установкой социалистического реализма и попытками автора передать внутренний мир, психологическое состояние героя. Обозначены ключевые этапы творческой эволюции писателя – от ранней романтической лирики и гражданской (советской) поэзии абстрактно-понятийного уровня к осмыслению экзистенциальных мотивов, отражению этнического сознания, влияния историко-политических событий, таких как Великая Отечественная война и депортация балкарского народа, на формирование творчества в целом. Обращение к знаковым образам-символам, сосредоточенным в том числе и в самих названиях сборников («Минги тауну кьатында» («Рядом с Эльбрусом»), «Кьенделен эли» («Село Кьенделен»), («Солдат жолла» («Пути солдата»), «Атламли» («Шаги»), «Ант» («Клятва») «Космонартла» («Космонарты»), «Совесть», др.), позволяет концептуализировать основные слагаемые поэтического (художественного) сознания автора, дефинировать представления в плоскости «человек и история», «родина-чужбина», «этико-эстетических императивов», др. Особое внимание уделено прозе М. Геттуева, в части ее психологической компоненты (повесть «Ачык жюрекле» («Открытые сердца»), рассказ «Ёсюу» («Рост»), роман в стихах «Минги тауну кьатында» («Эльбрус рядом»). Методы исследования: историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, гносеологический.

Ключевые слова: балкарская литература, Максим Геттуев, поэма, роман в стихах, социалистическая идеология, psychologism

Для цитирования: Узденова Ф.Т. Творчество Максима Геттуева в контексте тенденций времени // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 122–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-122-130

Белгили малкъар поэт Гыттыулары Исмайылны жашы Магомет (Максим) 1916-чы жылда Кенделен элде тууганды. Ол школну жетишимли бошап, республиканы ара шахары Нальчикде республикалы газетде ишлерге тохтайды. Уллу Ата журт уруш башланганлай, Гыттыу улу кыралын кьорууларга уруш аулаклагга атланады. Андада кишилигин танытханды. Уллу Ата журт урушда этген жигитлиги ючюн Ата журт урушну 2-чи даражалы ордени, талай майдалла бла да саугьаланганды. Мамыр жашауда жетишимлери ючюн «Октябрь Революцияны», «Урунууны Кызыл Байрагы», «Халкъланы шуьхлукълары» орденлеге тийишли болганды.

Гыттыу улу аскер кьуллугун тамамлап кьайтхандан сора, миллети бла бирге кечгюнчюлюк азабын сынады. Сьургюнню сынаулу жылларында фахмулу жаш адам Таджикистанда «Ленинабадская правда» деген газетни корреспонденти болуп ишлейди эм кьаламыны жютюлюгюн акь сьез бла, кьара сьез бла да тамам сынады. 1957 жылда тууган журтубузга кьайтхандан сора уа, иги кесек заманны «Коммунизмге жол» газетни редакторуну экинчиси болуп турганды.

Гыттыу улуну чыгьармачылык жолун илму кез бла тинтгенде, аны ал уруму 30-чу жылла бла белгиленгенлерин айтырга боллукьду. Болсада, аны миллет адабиятха кьыйматлы кьошумчулукь этиуюн XX-чы емьорню 60-чы жыллары бла белгилерге тийишлиди.

Поэт халкьы бла бирге тууган жерине кьайтып партия органлада кьуллукь этип башлайды. Гыттыулары Максим 1967–1980 жыллада Кьабарты-Малкъар АССР-ны Баш Советини Президиумуну баш кьуллукьчусу (председатели) болуп ишлейди. Ол кьырал, саясат ишле бла бир урумда чыгьармачылыкь ишине да уллу келлю болмайды. Миллетин сьуйген, фахмулу жаш адам миллет маданиятны, адабиятны да айнытыугга уллу кьыйын салып башлайды. Аны назмулары, статьялары, очерклери, поэмалары газетледе, журналлада, жыйымдыкь китаплада басмаланадыла. «Тырныаууз шахарны, аны адамларыны юслеринден орус тилде жазылган уллу публицистика чыгьармасын малкъар тилге кечьорюрге манга тюшдю...Анда хар сьезню, хар айтымны жаны болган суна эдим» [Шауаланы Х. 2021: 7].

Гыттыулары Максимни чыгьармачылыгына, ниет хазнасына бийик багга бичип, кеслерини ез кьарамларын Тьппеланы Алим, Биттирланы Тамара, Мусукаланы Сакинат, Тьппеланы Ханифа да белгилейдиле. Бу илму ишни баш борчу – Гыттыу улуну малкъар поэзияга, прозага кьошумчулугун белгилерге эм аны чыгьармаларыны суратлау энчиликлерин кергюзтюрге. Белгиленген борчну тамамлардан алга назмучуну жашау жолуну юсюнден айтырга тийишлиди, нек дегенде, бек биринчиден, аны кьадары бла чыгьармачылыгыны араларында байламлыкьны чертирге керекди.

XX-чы емьорню 60–70-чи жылларында Гыттыу улуну китаплары ез тилибизде, орус тилде кечьормелери да басмаланып, энчи китапла болуп чыгадыла. Аны поэзиясында урунган адамланы (малчылыкьда, жерчиликде), жашауну хар уругунда ишлегенлени сыфатлары кергюзтюлюнеди эм иш адамлыкьны баш шарты болганын теренден оюмлатынады.

Гыттыу улуну биринчи назмулары «Мен совет адамма» [Гыттыулары М.] демекликде, поэт азатлыкьны, баш эркинликни ангылап, аны жолунда жьорюуню тюзге санайды. Ол алдау чакьыруу тизгинле уггай, заманнга кере совет адамны тамблагга ийнаныуу эди. Малкъар поэзияда эм башха миллетлени поэзияларында да ол ызны тамам эслерге боллукьбуз.

Максимни биринчи энчи назму китабы «Тюбешиуле» [Геттуев 1961] 1961 жылда басмаланганды. Ызы бла – 1963 жылда «Ачыкь жьорекле» [Геттуев 1963] деген повести бла «Горская душа» [Гыттыулары М. [Геттуев 1963] деген китаплары чыгадыла. 1964 жылда «Космонартла» [Геттуев 1964] деген китабына сабий назмула бла поэмала киргендиле; «Жьорекле бла алтын кьолла» [Геттуев

1965] деген 1965 жылда басмаланган китапда – кысха документли повесть, очеркле эм хапарла. Бу китапда миллетни жашаууну хар уругуна энчи эс бурулады, поэт аланы хар бирин кесича ачыклайды, таулууну жашаууну тюрлю-тюрлю суратларын окъуучуну кёз аллына келтиреді.

Гыттыулары Максимни «Ачыкъ жюрекле» (1963) [Геттуев 1963] деген повести къара сёз бла жазылган биринчи энчи китабыды. Повестьде огурлу юйюрню халал жюрекли къабартылы эр киши бла малкъарлы тиширыу сарыгачлы ёксюз кызычкыны къалай ёсдюргенлерини, аны ариу халлы юйретгенлерини юсюнден айтылады. Мында автор энчи бир болумну белгилеу бла чекленмей, суратлау амалланы уста хайырлана, жашаууну кёп болумун оюмларгъа, тюз жолда барыуну амалларын не заманда да адам улу излерге борчлу болганына окъуучуну эсин бурады; баш жигитни ич жарсыуларын, сезимлерин, кылыкъ энчиликлерин ачыклайды, инсан бетин кёргюзтеди. Болсада, ол кесинден алгъа келген тёлюню тёрелерин сакълай, суратлау жигитлени ич дуниясындан эсе, идеология ызгъа аслам эс бурады. Юлгюге чыгъармадан «гестапочу» бла Марияны араларында чойрели ушакыны (диалогну) келтирейик:

« – Муну сиз жазгансыз да?

Мария жукъ айтмады.

– Туугъан журтум, туугъан журтум... Бизни адам этген сенсе, бизни насыбыбыз – сенсе, бизни жюрегибиз бла кёзюбюз да – сенсе! Сени ючюн, суйген къралым, не кыйынлыкълагъа да чыдарма, керек болса уа – жанымы да берирме... Арсарлы болмам, угъай, болмам!..

– Отвечайт! – деп кызыды гестапочу. Женгдирмесенг, асарбыз!.. Да, да...

Сабийинг саулай къалырын сую эсенг, женгдир!» [Геттуев 1963: 26–27].

Мында биз кёргенликден, тиширыуну ич сагъышлары коммунизмни жорукъларына тамам бойсунадыла.

«Уллу Ата журт урушха дери чыгъармаланы асламысы алай къуралгъанды. Фашист Германияны СССР-ге чапханындан сора Ата журтха суймеклик сезимле бютюн да бек кючленгендиле. Гыттыулары М. хапарында Мария – анады, андан тышында ол – тенг кызыды, жигит тиширыу коммунизмге кертиликни юлгюсюдю. Быллай халда къуралгъан жигитлени ишлери да не бла бошаллыгы чыгъарманы аллында окъуна белгили болады» [Тёппеланы Х., Ёзденланы Ф. 2022: 129–139].

Кёчгюнчюлюкден къайтхандан сора миллет прозаны келечилери суратлау сынамларын айнытхандыла. Аланы жигитлери туугъан жерге суймекликлери, кертиликлери бла юлгюлю болгандыла. Гыттыулары Максимни «Ёсюу» деген кысха хапарында Малкъарны табийгаты шарт суратланады: «Нарат... Назы... Къайын... Бу атланы джюрютген терекле – табийгаты омакълары, субайлары, тик тёшлени джабыб, таулары иелери бизбиз дегенча, ёхтем сюеледиле. Ала барыда, тау джел бла эришгенча, бирча шуулдайдыла, алай тау джел, къаяланы бла ташлы тиклени мазаллы кючлерин хорлаялмай, шошайгъанда, джангыдан тирилениуню санга къарап табайык дегенча, кёмюклениб, терен шорхаладан ётюб, джоргуб баргъан Бахсан суугъа къарайдыла. «О, залимсе, залим, Бахсан суу, Минги Тауну хапарчысыса, бизге да тирилик бересе... Джолунг мамукъдан болсун» [Геттуев 1965: 35].

Тинтиу кёзден къарагъанда, буюзюк жашырын, жаз тил бла жазылганын эслерге боллукъду. Мында халкыны миллет эси ёсе башлайды, кюнден-кюннге кючлене барады, жазыучу аны кёргюзтюрге юлгюге табийгъат болумланы келтиреді.

Гыттыулары Максимни хапарларыны баш мураты социалист къурулушну махтауду. Ол адабият излемлеринде коммунизмни жорукъларына бойсунган, «ишчи хорламгъа» итинген инсанны суратлайды. «Быхчыны кнопоксын басханлай, ол, шуу-шуу этиб, узун наратны джарыб тебрейди. Конторда бухгалтер'а, джыллыкъ отчетну джарашдыра, быхчыны тауушу бла бирге ишлегенча, четну ашыкъларын артха бла алгъа тюртеди, бир кесекчикге сагъышланады, джангыдан санауну башлайды.

– Ёсе барабыз, – деди ол, кишиге да айланмай, – ёсе барабыз. Мал да ёседи, джашау да джашнайды...

Счетовод Нафисатха айланыб, ышарды.

– Кючюбюз таулагъа тийишлиди, Нафисат.

– Къушлагъа къуш учуу керекди, – деб джууаблады счетовод.

Бухгалтер Алий аллай джууабны джаратды:

– Сау бол да къал, Нафисат. Алай бюгюнню бийиклик тамблагъа асыры алашады. Билемисе, ёргеден ёрге ёрлемеген къуш – къуш туююлдо [Геттуев 1965: 36].

Гыттыулары Максим миллетни жангырыуун, алчылыкъгъа тартыннганын чертеди. Аллай чыгъармаланы асламысыны ёзеклерин социалист жашауну темасы къурагъанды.

Гыттыу улуну чыгъармачылыкъ ишинде «Минги тауну къатында» [Геттуев 1979] (1979) деген акъ сёз бла (в стихах) жазылгъан романы энчи жер алады. Чыгъарма эки кесекден къуралады. Биринчи кесеги – «Назир», экинчиси – «Солдат жолла» деген ат бла басмалангандыла. Роман орус тилге кёчюрюлюп «Эльбрус рядом» (1972) деген ат бла да чыкыгъанды. Мында таулу жаш Назирни колхозчудан башлап, уста аскер командирге, андан инженерге дери кётюрюлген къадар, аны жашау жолунда болгъан чырмаула, сынаула уста суратланадыла.

Назир:

Жахил адам абынады,
Мен суймейме абыныргъа...
Жай кетерме окъургъа деп,
Илму отдан къабыныргъа! [Геттуев 1979: 60]

...Атасы жашха ыразыд:
– Эриусюз серме билимни!
Санларынгы тюшюрме, жаш.
Досха аяма тигимни! —
Сай тенгизча арбазы да,
Къызыл къошун юй башында,
Къара жолгъа хорлатмазны
Кёреди Жамбеч жашында...
– Окъуу, абидез алгъанчад,
Жашаугъа эсни бурлукъду...
Окъууну гам бегитип бар,
Къыжырыкълатып тишлени.
Тангынг бузлай атханда да,
Къойма огъурлу ишлени...
...– Инженер болуп кёрсемед,
Насып къонаред башыма... [Геттуев 1979: 283–284].

Урушдан сора онжыллыкъда жазылгъан миллет чыгъармаланы жазыучула социал-идеология жорукъладан терк азатланмагъандыла. 40–50 жыллада битеу адабият чыгъармала бир ниетли, интернационал халлы болгъандыла. Алай 60–70-чи жыллада да чыгъармалада ол кемчиликле кери болмагъанлары шагъатды. Къарачай-малкъар тилни байлыгъы ХХ-чы ёмюрню ал жылларында иги да тюрленеди. Сёз ючюн, Хочулары Салих «ол формада» деген орус сёзню «аны себепли» деген сылтаучу болумну орунуна хайырланганды. Гыттыулары Максимни «Минги тауну къатында» деген жазмасында да ол шарт эсленеди.

Ахырында заман жетди.
Механизмле бошланып,

Участка жетишим этди,
Началыниги сагъышланып [Геттулары 1979: 319].

«Жазычула кеслерини хапарларында, повестлеринде кемчиликлени эслей болур эдиле, алай аланы суйгенлерича жазыу иште эркинликлери болмагъанды, ол а бир бетли сыфатлагъа келтире эди» [Тёппеланы Х., Ёзденланы Ф. 2022: 134].

Поэтни «Совестъ» (1969) [Геттуев М. 1969] деген ат бла басмаланнган китабына кырал, партия ишин да жетишимли бардыргъан адамны туугъан жерине, ёсюп келген тёлюге, бюгюннге, тамблагъа да къайгырыуу да акт сёзге сыйынып бериледи. Алада адамланы кёз къарамлары, халлары, ангыламлары, ич дунияларыны теренлиги, анагъа, Ата журтха суймекликлери уста суратланадыла. Ол суймекликни ууакъ затланы юсю бла шартланыргъа автор суратлау амалла таба биледи.

Поэтни «Избранное» (1977) [Геттуев 1977] деген китабына айырмалы назмула бла поэмала киргендиле. Гыттыулары Максимни чыгъармачылыгына бийик багъа берип, белгили орус поэт Лазарь Шерешевскийни ал сёзюнде [Геттуев 1977: 3–12] былай чертеди: «Максим не темагъа жазса да, аны халкъы, миллети бла бирлиги, дуниялыкъгъа суймеклиги эм жүрек жылыуу эсленеди. Максимни поэзиясы саулай да кюрешни поэзиясыды. Ол кюреш а адам улуну игиликни жолуна кёллендиреди» [Шерешевский 1977: 11]. Бу жыйымдыкъгъа Гыттыу улуну «Кёндеден эли» деген поэмасын киргенди, аны энчи белгилерчады. Къайсы поэтни да туугъан жерине суймеклиги чексизди, ол сезимни кесича белгилейди. Поэмада тау элде ёсген жашчыкъны дуниялыкъ къарамын суратлауа аслам эс бурулады. Аны сабий дуниясыны кёп сейир заты ачыкъланады. «Ызы бла уа ол элни тарыхыны, кесини сабийлигини юслеринден да айтады (...поэма автобиографиялы чыгъарма болгъаны баямды). Юрдю сууну юсю бла салыннган ташкёпор жалаңда Кюнлюмню бла Чететни бир этип къоймай, Кёндеденни бла уллу дунияны бир этеди» [Мусукаланы С.]. Тау элни къыйын жашауу жашчыкъны жангы, зауукълу жашауа кёллендиргеди, «окуу-билим алып, халкъына, кыралына, миллетине жараргъа итинеди» [Анда]. Поэмада жашчыкъны кёз къарамын тюрлендирген, алгъа кёллендирген революцияны келечиси Ахмат болады.

Гыттыулары Максимни урушну, кёчгюнчюлюкню азап жолларына жоралагъан назмулары да аз туююдюле. Алада поэтни къарамы, суратлау хаты, урушха налат бериую, жашаудан кетген аскерчи нёгерлерини къадарларына бушуу этиую эм жашауну айланч жолларын ачыкълауу кёргозтюлонеди. Жашауну къайсы уругъун алып айтханда да, поэт урунган адамны махтаргъа, аны даражасын бийик кётюрюрге, жүрек халаллыкъдан толу сёзле, сыфатла, тизгинле да табады.

«Откуда мы родом» (1980) [Геттуев 1980] деген китабында поэт миллетини сынамлы тарых жолун эм алгъа, жарыкъ жашауа таукеллендирген болумланы теренден оюмларча белгилейди. «Тюненесин унутханны бюгюнню, тамбласы да белгисизди» демеклик бу китапта окуучуну эсин бийлегенлей турады. Китапха назмуладан сора да «Рыцарь Октября», «Лейла и Домаш», «Сокол», «Последний бой» деген төрт поэма киргенди. Ала хар бири энчи алып айтырча, бийик суратлау тил бла жазылгъандыла.

Поэма Гыттыулары Максимни суратлау усталыгыны белгисиди десек – жангылмазбыз. «Совет Союз» деген поэмасы битеу республикаланы халкъларыны тиллерине кёчюрюлгенди. «Пограничник» деген журналда орус тилде басмаланнганды. Адамны Ата журтуна суймеклиги, Ата журту ючюн адам не жигитликге да таукел болгъаны, кишилик, жигитлик адам улуну баш шартларындан бири болгъаны суратланады. «Аны (Гыттыу улуну – Ё.Ф.) «Почтальон», «Сюрючюню жашы Залим», «Кёлню башында», «Кёндеден», «Назир», «Солдат жолла» деген поэмаларында жерлешлерибизни аскер жоллары, мамыр заманлада этген иш жетишимлери суратланадыла» [Габаланы А. 2002].

Гыттыуларыны Максими поэмарыны баш жигитлери жашауу тюрлю-тюрлю сынауларындан тийишлисича ёте билген адамладыла. Поэт аланы жашаулары суратлай, биргелерине уруш жоллары барады, мамыр жашауда жетишимли болургъа итинеди. Гыттыуларыны Максимни лирика назмуларында бла поэмарында урунууу жигитлерине, «кыралны ишчилерине, алчыларына, жетишимли адамларына махтау салынады. Поэт философия теренликке кетмей, шарт юлгюлени юсю бла кёргюзтеди керти жашауу суратын белгилейди. Аны чыгъармаларыны жигитлери республикада, андан тышында да кеслерине урунууда жетишимлери бла белгиле адамладыла. Автор Социалист Урунууу жигити Камбулат Тарчоковха жоралап назму да жазганды. Урунууу кёп орденлери бла саугъаланган ийнек сауучу Кылабеклары Магомедни сыфатын да поэт нарт жигитле бла тенгледирип суратлайды» [Теппеев 2003: 143].

Гыттыуларыны Максими саулай поэзиясын алып айтханда, аны назмулары бла поэмары жашауу оюмлауда, дуниялыкъда адам улуну жерин тергеуде, баш жигитни жюрегине кирсизлигин, дуниягъа сыймеклигин суратлауда жаратылган чыгъармаларыны. Аны поэзиясыны баш жигити къадар берген сынауладан махтауу ёте, кыралына къуллукъ этеди, дунияны ариулугъун кёрюрге, жашаууна ыспас эте, сый бере жашаргъа чакырадыла. Поэт тенгликни багъасын теренден оюмлатады, хар иште да кертичиликни сакъларгъа юйретеди. Бир сёз бла айтханда, аны поэзиясы бюгюнню бола турган ишле бла къаты байламлыды, патриотлукъну кючлерге себеплик этеди.

Поэт чыгъармаларында не тюрлю жашау болумлары, халкъны эртте заманларыны юсюнден жазса да, ол окъуучуну бюгюнню жашаугъа къайтармай къоймайды эм бек сыйлы, махтау сёзлени урунган адамгъа жоралады. Аны поэзиясы кертичиликни жаны болган суратыча шартланады эм кёп болумну оюмларгъа онг береди. Гыттыу улуну назмуларына иги кесек жыр къуралганды: «Муртазовские тополя», «Прозрение», «Высокая надежда», «Молчание», «Ростовчанка», «Тюльпаны», «Твои глаза», «Потому что я тебя люблю», «Герои давно отгремевшей войны», «Розы Долинска».

Гыттыуларыны Исмайлыны жашы Максим халкъыны, Ата журтуну жырчысы болуп, фахмусун, къалам жютюлюгюн уста хайырлана, республиканы маданият эм адабият хазнасына къыйматлы къошумчулукъ этгенди эм 1975 жылда «Къабарты-Малкъар республиканы халкъ поэти» деген сыйлы атха тийишли болганды.

Гыттыуларыны Максими поэзиясы миллет адабиятта кесине орунун тапханды; хат ызыны энчилиги бла белгиледи. Урушну жоллары ётген поэт урушха, мамыр жашаугъа кесича багъа бичеди. Аны назмулары миллетге, халкъына, туугъан жерине кертичилик этедиле.

Хайырланган ишлени тизмеси Список источников и литературы

Габаланы А. 2002 – *Габаланы А.* Малкъар жазыучула: био-библиография справочник. Нальчик: Эльбрус, 2002. 289 б.

Геттуев 1963 – *Геттуев М.* Ачыкъ жюрекле: повесть. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. 154 б.

Геттуев 1963 – *Геттуев М.* Горская душа: стихи и поэмы. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. 170 с.

Геттуев 1965 – *Геттуев М.* Джюрекле бла алтын къолла. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. 178 б.

Геттуев 1977 – *Геттуев М.* Избранное: стихотворения и поэмы / пер. с балк. М.: Художественная литература, 1977. 358 с.

Геттуев 1980 – *Геттуев М.* Откуда мы родом : стихи и поэмы / пер. с балк. М.: Воениздат, 1980. 287 с.

Геттуев 1969 – *Геттуев М.* Совесть : стихи. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1969. 48 с.

Геттуев 1964 – *Геттуев М.* Космонартла. Нальчик: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1964. 80 б.

Геттуев 1979 – *Геттуев М.* Минги тауну къатында. Нальчик: Эльбрус, 1979. 330 б.

Геттуев 1961 – *Геттуев М.* Тубешиуле. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. 192 б.

Мусукаланы 2022 – *Мусукаланы С.* Ата журтуну керти жырчысы // Электронная газета «Заман». 2022. Июнь 16. <https://www.zamankbr.ru/calendar/2022/06/16>.

Теппеев 2003 – *Теппеев А.М.* Геттуев Максим Измаилович // Писатели Кабардино-Балкарии: XIX – конец 80-х гг. XX в.: библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 142–143.

Тёпеланы М. къ. Х., Ёзденланы Т. къ. Ф. 2022 – *Тёпеланы М. къ. Х., Ёзденланы Т. къ. Ф.* Малкъар прозада социалист идеологияны шартлары (Хочуланы С. бла Гыттыулары М. чыгъармаларына кёре) // Кавказология. 2022. № 1. Б. 129–139.

Шауаланы Х. 2021 – *Шауаланы Х.* Жазуларында заманны ауазы // Минги-Тау. 2021. № 6. Б. 4–7.

Шерешевский 1977 – *Шерешевский Л.* С людьми и для людей... // Геттуев М. Избранное: стихотворения и поэмы / пер. с балк. М.: Художественная литература, 1977. С. 3–12.

References

GABALANYA. Malkar zhazyuchula. Nalchik: Elbrus, 2002. 289 p. (In Karachay-Balkarian)
GETTUEV M. Achyk zhurekle: a story. Nalchik: Kab.-Balk. book publishing house, 1963. 154 p. (In Karachay-Balkarian)

GETTUEV M. *Gorskaya dusha: stikhi i poemy* [Mountain soul: poems and poems]. Nalchik: Kab.-Balk. book publishing house, 1963. 170 p. (In Russian)

GETTUEV M. Dzhurekle bala altyn kolla. Nalchik: Kab.-Balk. book publishing house, 1965. 178 p. (In Karachay-Balkarian)

GETTUEV M. *Izbrannoye : stikhotvoreniya i poemy* [Favorites: poems and poems], trans. with beam. Moscow: Fiction, 1977. 358 p. (In Russian)

GETTUEV M. *Otkuda my rodom* [Where We Come From: Poems and Verses], Translated from the Baltic. Moscow: Voenizdat, 1980. 287 p. (In Russian)

GETTUEV M. *Sovest' : stikhi*. [Conscience: Poems]. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1969. 48 p. (In Russian)

GETTUEV M. Kosmonartla. Nalchik: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1964. 80 p. (In Karachay-Balkarian)

GETTUEV M. Mingi taunu k'atynda. Nalchik: Elbrus, 1979. 330 p. (In Karachay-Balkarian)

GETTUEV M. Tyubeshiule. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1961. 192 p. (In Karachay-Balkarian)

MUSUKALANY S. Ata zhurtunu kerti zhychysy. IN: Electronic newspaper “Zaman”. 2022. June 16. <https://www.zamankbr.ru/calendar/2022/06/16>. (In Karachay-Balkarian)

ТЕППЕЕВ А. М. Gettuev Maxim Izmailovich. IN: Writers of Kabardino-Balkaria. The end of the 19th–20th centuries: biobibliographic dictionary. Nalchik: El-Fa, 2003. P. 142–143. (In Russian)

TÖPPELANY M.KH., YOZDENLANY T.F. Malkar prozada socialist ideologists shartlars (Khochulany S. blah Gyttyulany M. chygyarmalaryna kore). IN: Caucasology. 2022. No 1. P. 129–139. (In Karachay-Balkarian)

SHAUALANS KH. Zhazyularynda zamanny auazy. IN: Mingi-Tau. 2021. No 6. P. 4–7. (In Karachay-Balkarian)

SHERESHEVSKY L. *lyud'mi i dlya lyudey* [With people and for people...]. IN: Gettuev M. Favorites: poems and poems / trans. with beam. Moscow: Fiction, 1977. P. 3–12. (In Russian)

Авторну юсюнден информация

Ёзденланы Т.Ф. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар адабият бёлюмню тамада илму къуллукъчусу.

Информация об авторе

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

F.T. Uzdenova – Doctor of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkar Literature.

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 25.11.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-131-138

СЮЖЕТ АТУ 960А «ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ» В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© М.Ф. Бухуров, 2025

Аннотация. В настоящей статье представлен сравнительно-типологический анализ вариантов реализации международного сюжетного типа АТУ 960 А («Журавли Ивика») в устном народном творчестве адыгов. Предметом исследования являются фольклорные тексты новеллистических и богатырских сказок, героического эпоса и повесть адыгского просветителя XIX Султана Хан-Гирея «Черкесские предания», в которых фиксируется мотив разоблачения преступления, совершенного без свидетелей, через обращение жертвы к траве перекати-поле (в вариантах – пролетающим птицам и т.п.). Устанавливается семантическое значение поговорки, основанной на этом сюжете, «Е кьуалэ (кьуанцIэ) хэшэнц, е жьуджалэ хэшэнц» (Либо грач (птица) выдаст тайну <преступления>, либо – перекати-поле выдаст), определяется ее место в структуре диалогических формул сказки и сказания. В работе выявляются как универсальные черты, сближающие адыгские версии с античными нарративами (миф об Ивике) и европейскими аналогами, так и уникальные национально-самобытные элементы повествования.

Ключевые слова: сюжет АТУ 960А The Cranes of Ibycus (Журавли Ивика), перекати-поле, адыгский эпос, новеллистическая сказка, богатырская сказка, сказание, повесть

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Сюжет АТУ 960А «Ивиковы журавли» в адыгском эпосе // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 131–138. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-131-138

Original article

PLOT OF ATU 960A “IVIK’S CRANES” IN THE ADYG EPIC

Mukhamed F. Bukhurov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© M.F. Bukhurov, 2025

Abstract. This article presents a comparative and typological analysis of the options for the implementation of the international story type ATU 960 A (“Cranes of Ivica”) in the oral folk art of the Adygs. The subject of the research is folklore texts of short-story and bogatyr tales, heroic epics and the story “Circassian Legends” by the 19th-century Adyg educator Sultan Khan Girey, which records the motive for exposing a crime committed without witnesses through the victim’s appeal to tumbleweed (in variants – flying birds, etc.). The semantic meaning of the saying based on this plot is established, “Ye kuale hashensh, ye

zhujale hashensh” (Either the rook (bird) will reveal the secret of the crime, or the tumbleweed will reveal it), its place in the structure of the dialogical formulas of fairy tales and legends is determined. The work reveals both universal features that bring the Adyg versions closer to ancient narratives (the myth of Ivica) and European analogues, as well as unique national and original narrative elements.

Keywords: plot of ATU 960A The Cranes of Ibycus, tumbleweeds, Adyg epic, short story, heroic tale, tale, novella

For citation: Bukhurov M.F. Plot of ATU 960A “Ivik’s cranes” in the Adyg epic. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2025; 4-2 (67): 131–138. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-131-138

Сюжет «ивиковы журавли» относится к наиболее популярным в мировом фольклоре и литературе. Согласно мнению многих ученых, название сюжета связано с именем древнегреческого поэта VI в. до н.э. Ивиком. Как отмечено во многих трудах, Ивик вел странствующий образ жизни, и ок. 540 г. до н.э. обосновался на о. Самос при дворе тирана Поликрата [Ромашко 2004–2017]. По преданию, по пути в Коринф на Истмийские игры он был смертельно ранен разбойниками. Перед смертью он, посмотрев в небо, увидел стаю журавлей и попросил их стать его мстителями. После убийства Ивика, разбойники отправляются смотреть состязание, один из них видит пролетающих журавлей-«мстителей» и показывает их спутникам. Из их разговора другие зрители узнают о тайне убийства поэта, убийц задерживают и судят. Как отмечено учеными, на этом предании основана поговорка «Ивиковы журавли», и этот сюжет был использован Фридрихом Шиллером в балладе «Ивиковы журавли», написанном в 1797 г. (см. об этом более подробно: Агаркова Ю.А. «Баллада Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» в контексте философско-эстетических взглядов веймарских классиков» [Агаркова 2022]). В 1813 г. содержание баллады было переложено на русский язык В.А. Жуковским, а позднее к этой теме обращались и другие поэты, писатели и драматурги.

Что касается фольклора, то здесь сюжет представлен в различных жанрах под разными названиями и формулировками. Так, в известном каталоге Аарне-Томпсона-Утера [Uther Hans-Jörg 2011] (далее ATU) выделяются пять подтипов этого сюжета. Ниже приводятся два из них, так как по форме объективации они наиболее близки сюжету повествования адыгского фольклора:

ATU 960 *The Sun Brings All to Light*. A man (Jew, cattle dealer, girl) is held up and beaten by another man (tailor, coachman, innkeeper) and later dies. Just before dying he says, “The clear sun (god, moon, wind) will bring everything to light”. The robber looks in vain for money in his pockets, dumps him behind a thicket, and continues his travels. In the next town the murderer marries and later has a family. One morning as he sits with his wife at the window, he pours coffee into his cup and sees how the sunbeams gleam in it and reflect patterns on the wall. He repeats the last words of the dying man [D1715]. His wife does not understand the meaning of his words and urges him to give an explanation. He finally tells her confidentially about the murder. His wife promises not to tell anyone. But she does not keep her promise and three days later the whole town knows what happened. The man is condemned [N271.1] [Uther Hans-Jörg 2011: 601] – (*Солнце выносит все на свет*. Мужчина (еврей, торговец скотом, девушка) ограблен и избит другим мужчиной (портным, кучером, трактирщиком), и позже умирает. Перед смертью он произносит: «Ясное солнце (бог, луна, ветер) вынесет всё на свет». Грабитель тщетно ищет деньги в его карманах, бросает его за кустами и продолжает свои странствия. В следующем городе убийца заводит семью. Однажды утром, сидя с женой у окна, он наливает кофе в чашку и видит, как солнечные лучи, играя в ней, рисуют узоры на стене. Он повторяет последние слова умирающего [D1715]. Жена не понимает смысла его слов и требует от него объяснений. В конце концов, он доверительно рассказывает ей об убийстве. Жена

обещает никому не рассказывать. Но она не сдерживает своего обещания, и через три дня весь город узнает, что произошло. Мужчину осуждают [N271.1]);

АТУ 960А *The Cranes of Ibycus*. A traveler becomes a victim of robbery at a remote place. Just before dying he calls on cranes (ravens, wild ducks, doves) passing by to bear witness to the crime. When the cranes pass by again, one of the murderers reveals himself without thinking (the cranes follow the murderer and point him out) [N271.3]. In some variants the murderer is exposed by partridges, geese, birds, dogs, thorns, a plant, a tree, the sun, a calf's head or by a (sing ing, bleeding) bone. Cf. Types 720, 780, 780B, 780C, and 960 [Uther Hans-Jörg 2011: 602] – (*Журавли Ивика*. Путник становится жертвой ограбления в отдаленном месте. Перед смертью он призывает пролетающих мимо журавлей (воронов, диких уток, голубей) засвидетельствовать преступление. Когда журавли снова пролетают мимо, один из убийц, не задумываясь, раскрывает себя (журавли следуют за убийцей и указывают на него) [N271.3]. В некоторых вариантах убийцу разоблачают куропатки, гуси, птицы, собаки, шипы, растение, дерево, солнце, телячья голова или (поющая, кровоточащая) кость. Ср. типы 720, 780, 780B, 780C и 960).

Н.П. Андреев в своем «Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне» данному сюжету присваивает номер 960 и дает следующее описание: *Тайное убийство (Ивиковы журавли)*: умирающий обращается к ковылю-траве и т. п. с просьбой раскрыть убийство; через много лет убийца смеется при виде травы, рассказывает свою тайну жене (и т. п.), она доносит на него [Андреев 1929: 71]. Данная формулировка была использована позже и составителями «Сравнительного указателя сюжетов. Восточнославянская сказка», при этом определено точное соответствие с каталогом Аарне-Томпсона, т.е. здесь сюжету присваивается индекс 960А=АА 960 [Сравнительный указатель... 1979: 247].

Судя по указателю К.Я. Арайс и А.А. Медне, сюжет латышских сказок соответствует АТУ 960: *Солнце – свидетель*. Разбойник из-за денег убивает одинокого путника. Умирая, он призывает в свидетели лучи солнца, траву и т.п. Однажды кто-то случайно упоминает этих «свидетелей», и разбойник невольно признается в преступлении (Также: Разбойник выдает себя, повторяя слова, которые слышал во время совершения преступления) [Арайс, Медне 1977: 336].

Несмотря на то, что в названных указателях сюжет обозначен разными номерами или имеет разные описания, в принципе оба подтипа (по содержанию совпадают – в них выделяются одни и те же компоненты:

- 1) путник ограблен и убит (избит) другим мужчиной;
- 2) умирающий перед смертью обращается к солнцу или траве перекасти-поле и т.п. с просьбой раскрыть тайну его убийства (как отмечено выше, «в некоторых вариантах преступника разоблачают куропатки, гуси, птицы, собаки, шипы, растение, дерево, солнце, телячья голова или (поющая, кровоточащая) кость». В устном народном творчестве адыгов в качестве разоблачителя тайны убийства выступает грач (или другая птица), но эту функцию в большинстве случаев выполняет трава перекасти-поле);
- 3) убийца женится на жене убитого им человека (в предании об Ивике убийц разоблачают во время Истмийских состязаний);
- 4) в их жилище закатывается перекасти-поле (в вариантах – солнечные лучи падают на стену, журавли пролетают мимо них и т.д.);
- 5) убийца смеется при виде травы (лучей солнца, пролетающих журавлей), тайна раскрывается;
- 6) жена мстит за кровь своего мужа (в вариантах – убийцу судят).

В адыгском фольклоре рассматриваемый сюжет относится к одному из самых распространенных, и он представлен не только в сказках, но и в пословицах и поговорках, а также в архаическом эпосе о нартских богатырях. В сборнике

«Адыгэ таурыххэр. Новеллэ таурыххэр» («Адыгские сказки. Новеллистические сказки») приводится два варианта сказки на этот сюжет под названием «Е кьуалэ хэшэнц, е жьуджалэ хэшэнц» («Либо птица раскроет тайну <преступления>, либо – перекасти-поле») [Адыгские сказки... 2005: 340–346]. Фабула этих сказок такова. Один из двух друзей женится на самой красивой девушке. Другой влюбляется в нее, и, чтобы заполучить ее, решает погубить друга. С этой целью он берет товарища с собой, и они вместе отправляются в поход, и, когда они достигли берега кокой-то реки, злодей коварно убивает друга и бросает в реку. Перед смертью он обращается к грачу и траве перекасти-поле с просьбой раскрыть убийство. Через какое-то время убийца женится на его жене. Однажды от сильного ветра в комнату, где сидели они, закатывается перекасти-поле. Он смеется при виде травы, и, по настоянию жены, невольно признается в преступлении. Жена мстит ему.

Сюжет встречается и в нартском эпосе, и связан он с циклом о Батразе – в нем повествуется о гибели этого персонажа. Существует несколько вариантов сказания, где главным сюжетобразующим мотивом является гибель героя. Согласно варианту Нуха Мугу (1898 г.р.) [Нарты... 2024: 254–256], Батраз враждует с нартами из-за того, что они погубили его отца. Нарты узнают уязвимое место богатыря и убивают его. Здесь форма объективации мотива выведывания уязвимого места героя соответствует описанию сюжета ATU 315 *The Faithless Sister* (*Неверная сестра*) [Uther Hans-Jörg 2011: 201–202]. Нарты подсылают к матери Батраза какого-то мужчину, чтобы он узнал уязвимое место его сына. Женщина влюбляется в него и рассказывает ему, как известить Батраза: нарты не могут связать его обычной веревкой, поэтому, по совету его матери, они изготавливают аркан, в который вплетен клочок ее (матери) волос; им связывают Батраза; он не может разорвать его; нарты приходят и убивают Батраза.

По варианту Бый Шаше (1874 г.р.) [Нарты... 2024: 263–265], нарты узнают, что убить Батраза невозможно, куда стрела не попадет в него на виду у матери. Враги привязывают Батраза цепью к скамье, на которой он лежал и спал, затем поднимают большой шум. Батраз, проснувшись от шума и криков, вскакивает и с привязанной к спине скамьей выходит во двор, не понимая, что происходит, а те начинают осыпать его стрелами. Жокояна, мать/нянька, тоже не понимая ничего, выскакивает из дому и в тревоге смотрит в сторону сына. Стрела, попавшая в Батраза в миг, когда ее взгляд обратился к нему, поражает его.

Как видно, некоторые варианты сказания о гибели нарта Батраза основаны на мотиве и сюжете (мотив уязвимости, сюжет ATU 315), которые получили широкое распространение в мировом фольклоре. Таким же образом используется и универсальный сюжет ATU 960A *The Cranes of Ibycus* (*Журавли Ивика*). По варианту Мыта Карагулова (1866 г.р.) [Нарты... 2024: 256–263], Батраз вместе с другими нартами отправляется в *зеклуэ* (поход). К ним присоединяется один знатный всадник, на котором была кольчуга, подобной которой не видели ни на одном из нартов. Батразу так понравилась эта кольчуга, что он задумывает убить его, чтобы снять с него кольчугу. Батраз подкрадывается к нему и убивает. Умирая, мужчина говорит так: «– *Тельгьджэ лажьэ жьуджалэ и хаишц, е кьуалэ, е жьуджалэ хаишэ схуэпццыну Жьытхьэм сольэу!* *Ах, бетэмал, мурадыфI пхуэсццат, ауэ хьуакьым, сынэбгьэсамэ, пцхьэпэн хэКынт*» [Нарты... 2024: 256] – «*Поводом для раскрытия тайны бывает и перекасти-поле. Прошу тебя, о Бог ветра, сделай доносителем тайны моей смерти или птицу, или перекасти-поле. Эх, жаль, доброе я задумал, было, для тебя; если бы ты дал мне его осуществить, было бы тебе от этого благо*». Как оказалось, это был славный Койдан, сын Дамызепша, родом из живущих на берегу Каспия. Он искал самого Батраза, чтобы выдать за него сестру – самую красивую из девушек. Батраз отправляется на ее поиски. В пути ему встречается один неказистый всадник, который советует Батразу сделать привал в каком-то кургане.

Далее в повествование вплетается один из распространенных мотивов богатырской сказки – испытания силы и мужества жениха девушкой-богатыршей. Как известно, основная функция невесты в сказках подобного рода – «найти богатыря-мужчину, превосходящего ее своей силой. И найдя такого мужчину, она отказывается от прежних привычек и возвращается к занятиям, свойственным другим женщинам» [Бухуров 2015: 86]. По замечанию А.И. Алиевой, ее образ больше всего связан с сюжетом, зафиксированным в указателе типов турецких сказок Эберхарта-Боратава: Еб–Во 62, III, 6. Герой сражается с переодетой в мужскую одежду женщиной, после чего женится на ней [Алиева 1986: 36]. Но на этом сказание о Батразе не заканчивается, и финальной частью является сюжет о богатырше-мстительнице, который в названном каталоге обозначен под номером Еб–Во 279, III, 4–6: Женщина, переодевшись в мужскую одежду, мстит с помощью незнакомца за смерть отца, своего мужа или братьев, затем становится женой героя [Алиева 1986: 36–37]. Однако здесь этот сюжет используется в трансформированном виде: жена мстит своему мужу за кровь брата.

Подобно сказочным персонажам, сестра Койдана переодевается в мужскую одежду, на кургане встречает Батраза, приводит его к себе домой и там испытывает его – сражается с ним. Батраз побеждает, и девушка выходит за него. Однажды от ветра в их жилище закатывается пустынное маленькое перекасти-поле. При виде его Батраз смеется. Жена пристает к нему и принуждает его раскрыть тайну. Узнав о судьбе брата, она клянется отомстить за его кровь. Снова переодевается в богатырскую одежду, на берегу моря вступает в сражение с Батразом и древком своего копья пригвозждает его к земле.

Существует и другой вариант [Нарты... 2024: 230–232] этого сказания, который представлен в несколько иной контаминации. В начальной части повествования рассказывается о племени *испов* (карликовое племя человекоподобных созданий, обладающих огромной физической силой, большим умом, мужеством; вместо лошадей у них были зайцы, а в качестве рабов – *иныжи* (великаны); мать Батраза была дочерью предводителя испов [Мифы народов мира 1991: 571]): как они строили свои дома (см.: дольмены), как нарты (в вариантах – *иныжи*) подчинялись им, почему зайцы стали бегать скачками и пр. Вторая часть основана на сюжете АТУ 960А *The Cranes of Ibycus* (*Журавли Ивика*), но здесь отсутствуют некоторые его элементы. Как и в варианте Бый Шаше, здесь Батраз убивает встречного всадника и снимает с него кольчугу. Но, в отличие от первого варианта, всадник, чтобы раскрыть тайну его убийства, не обращается к траве перекасти-поле, а лишь проклинает Батраза со словами: «*МурадыфI пхуэщIат, сыльэбгьэIэсакъым. Узэблар афэ закъэр арт. Абы нэхъ насып умыгъуэткIэ!*» – «Я имел к тебе доброе намерение, ты не дал мне достигнуть. Всего лишь на кольчугу ты позарился. Так пусть тебе другого счастья не будет!» [Нарты... 2024: 231].

Сюжет АТУ 960А *The Cranes of Ibycus* (*Журавли Ивика*) использован и в произведениях адыгских писателей. Например, он встречается в повести известного просветителя XIX в. Султана Хан-Гирея «Черкесские предания» [Султан Хан-Гирей 2009: 318–416]. Основная тема повести – борьба адыгов с иноземными захватчиками, другими словами, как отмечено А.Х. Хакуашевым, здесь «события развертываются среди племени жанеевцев в эпоху, когда во главе Крымского ханства стоял Магомет-Гирей» [Хакуашев 1978: 167]. По его справедливому замечанию, «в основу повести Хан-Гирея легли предания адыгского фольклора. Определенно можно назвать два фольклорных сюжета, использованных автором для ее создания, – бытовавшую самостоятельно в народном эпосе сказку под названием «Перекасти-поле» и предание о кровной мести молодого горца, легшее в основу поэмы М.Ю. Лермонтова «Каллы»» [Хакуашев 1978: 166]. Следует заметить, что, несмотря на различия в некоторых деталях (например, в повести основной линией проходят мотивы защиты Родины, борьбы с иноземными захватчиками,

включаются новые действующие лица (предводитель жанеевцев, Канлы и др.), она имеет своеобразную композиционную структуру и т.д.), в повести сохранены все основные мотивы фольклорного сюжета ATU 960A *The Cranes of Ibycus* (*Журавли Ивика*): князь Джембулат влюбляется в дочь предводителя жанеевцев; коварный Канлы, преследуя свои личные интересы (жениться на дочери предводителя) принуждает Теймбулата убить Джембулата; после убийства своего лучшего друга, Теймбулат убивает и Канлы, затем сам женится на княгине; однажды поднимается вихрь и в открытую дверь дома княгини заносит траву перекаати-поле; при виде травы Теймбулат раскрывает тайну убийства Джембулата; жена мстит за кровь мужа (убивает Теймбулата).

По справедливому замечанию Ж.Г. Тхамоковой, сюжет ATU 960A *The Cranes of Ibycus* (*Журавли Ивика*) «породил поговорку: «*Е кьуаницІэ хэшиэни, е жьуджалэ хэшиэни*» (либо грач известит, либо перекаати-поле)» [Тхамокова 2014: 56], т.е., имеется ввиду, что любая тайна рано или поздно будет разоблачена. Также она является одним из главных компонентов в так называемых «формулах, входящих в диалог или типичных выражениях отдельных сказочных персонажей» (по определению румынского ученого Николае Рошияну [Рошияну 1974: 155–160]):

В сказочных формулах:

1. «– *Сеуэрэ уи цхьэр пызупиЦамэ, хэт жиІэжынт, хэти ильагьурэ? – жиІэри...*

– <...> «*Жьуджалэ хэуиэ е кьуаницІэ хэуиэ*» *жыхуаІэр араци, зыгуэр хэшиэни, – жиІэри <Жамырзэ>*» [Адыгские сказки... 2005: 341] – «*Если-бы я ударил и отрубил бы тебе голову, кто это увидел бы, и кто бы мог рассказать об этом? – говоря <спросил Кетуко>*.

– <...> *Как говорится, «Или перекаати-поле расскажет, или грач расскажет», кто-то раскроет <тайну>, – ответил <Жамирза>*.

2. «– *Иджыпсту укьальэзгьуакьым икІи укьацІагьэнкьым, ауэ дапиэцими кьыпхуэзгьункьым, – е кьуалэ хэшиэни, е жьуджалэ хэшиэни*» [Адыгские сказки... 2005: 344] – «*Сейчас тебя никто не видит и не знает об этом, но когда-нибудь ты за это заплатишь, – или грач расскажет, или перекаати-поле расскажет*».

В героическом эпосе:

«*А лыр цылІэм моуэ жиІац:*

– *Тельдыжэ лажьэ жьуджалэ и хашиэц, е кьуалэ, е жьуджалэ хаиэ схуэциІыну Жьытхьэм солгьэІу! Ах, бетэмал, мурадыфІ пхуэциІат, ауэ хьуакьым, сынэбгьэсамэ, пцхьэпэн хэКынт*» [Нарты... 2024: 256] – «*Умирая, мужчина сказал так: «Поводом для раскрытия тайны бывает и перекаати-поле. Прошу тебя, о Бог ветра, сделай доносителем тайны моей смерти или птицу, или перекаати-поле. Эх, жаль, доброе я задумал, было, для тебя; если бы ты дал мне его осуществить, было бы тебе от этого благо»*

В предании Султана Хан-Гирея:

«*Кто, – спросил он Джембулата, – кто будет вестником твоей смерти, если я тебя теперь зарежу?»*

Джембулат улыбнулся и отвечал, указывая на куст, подле него растущий: «Вот этот тетеркон (перекаати-поле) может быть Божиим вестником» [Султан Хан-Гирей 2009: 411].

Как видно, сюжет ATU 960A *The Cranes of Ibycus* (*Журавли Ивика*) получил широкое распространение в адыгском фольклоре. Он представлен в сказках и сказаниях героического эпоса. На его основе возникло устойчивое выражение «*Е кьуалэ (кьуаницІэ) хэшиэни, е жьуджалэ хэшиэни*» (Либо грач (птица) выдаст тайну <преступления>, либо – перекаати-поле выдаст), которое стало одним из основных компонентов традиционных формул, входящих в диалог сказочных и эпических персонажей. В реальной действительности формула обрела расширительное

значение, постулируя, что любая тайна когда-нибудь будет раскрыта. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на универсальность сюжета АТУ 960 А, его адыгская интерпретация во многом является оригинальной.

Список источников и литературы

Агаркова 2022 – *Агаркова Ю.А.* «Баллада Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» в контексте философско-эстетических взглядов веймарских классиков» // Уральский филологический вестник. 2022. № 1. С. 15–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ballada-f-shillera-ivikovy-zhuravli-v-kontekste-filosofsko-esteticheskikh-vzglyadov-veymarskih-klassikov/viewer> (Дата обращения: 24.11.2025).

Адыгские сказки... 2005 – *Адыгские сказки*. В 2-х т. Т. 1: Новеллистические сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхьхэр. Томигу. 1 т: Новеллэ таурыхьхэр] / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2018. 836 с.

Алиева 1986 – *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.

Андреев 1929 – *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Государственное русское географическое общество, 1929. 120 с.

Арайс, Медне 1977 – *Арайс К.Я., Медне А.А.* Указатель типов латышских народных сказок. Рига: Изд-во «Зинатне», 1977. 528 с.

Бухуров 2015 – *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 160 с.

Мифы народов мира 1991 – *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. 671 с.

Нарты... 2024 – *Нарты. Адыгский (черкесский) эпос*. В 4-х т. Т. 2. Озырмес. Баграз. Ашамез / под ред. А.М. Гугова. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 472 с.

Ромашко 2004–2017 – *Ромашко С.А.* Ивик // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/1999288> (Дата обращения: 25.11.2025).

Рошияну 1974 – *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.

Сравнительный указатель... 1979 – *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка* / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы / сост. М.Н. Губжокова. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 672 с.

Тхамокова 2014 – *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 222 с.

Хакуашев 1978 – *Хакуашев А.Х.* Адыгские просветители. Нальчик: Эльбрус, 1978. 260 с.

Uther Hans-Jörg 2011 – *Uther Hans-Jörg*. The Types of international Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Part 1: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia Academia Scientiarum Fennica, 2011. 619 p.

References

AGARKOVA Yu.A. «Ballada F. Shillera «Ivikovy zhuravli» v kontekste filosofsko-esteticheskikh vzglyadov veymarskikh klassikov» [“F. Schiller’s Ballad “The Cranes of Ibycus” in the Context of the Philosophical and Aesthetic Views of the Weimar Classics”]. IN: Ural’skiy filologicheskiiy vestnik. 2022. № 1. P. 15–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ballada-f-shillera-ivikovy-zhuravli-v-kontekste-filosofsko-esteticheskikh-vzglyadov-veymarskih-klassikov/viewer> (Date of access: 24.11.2025). (In Russian)

Adygskiyе skazki. V 2-kh t. T. 1: Novellisticheskiye skazki / sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Adyghe tales. In 2 volumes. Vol. 1: Novellistic tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. Nal’chik: Izd. tsentr «El’-Fa», 2018. 836 p. (In Adyg)

ALIYEVA A.I. *Poetika i stil’ volshebnykh skazok adygskikh narodov* [Poetics and style of fairy tales of the Adyg peoples]. M.: Nauka, 1986. 280 p. (In Russian)

ANDREYEV N.P. *Ukazatel’ skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne* [Index of fairy tale plots according to the Aarne system]. L.: Gosudarstvennoye russkoye geograficheskoye obshchestvo, 1929. 120 p. (In Russian)

ARAIŠ K.YA., MEDNE A.A. *Ukazatel' tipov latyšshskikh narodnykh skazok* [Index of types of Latvian folk tales]. Riga: Izdatel'stvo Zinatne, 1977. 528 p. (In Russian)

BUKHUROV M.F. *Adygskaya bogatyrskaya skazka* [Adyghe heroic fairy tale]. Nal'chik: Izdatel'skiy otdel KBIGI, 2015. 160 p. (In Russian)

Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t. T. 1 / Gl. red. S.A. Tokarev [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 1. Ch. ed. S.A. Tokarev]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 671 p. (In Russian)

Narty. Adygskiy (cherkesskiy) epos. V 4-kh t. T. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez / pod red. A.M. Gutova [Narts. Adyg (Circassian) epic. In 4 vol. Vol. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez / edited by A.M. Gutov]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2024. 472 p. (In Adyg and Russian)

ROMASHKO S.A. *Ivik* [Ivik]. IN: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/1999288> (Date of access: 25.11.2025). (In Russian)

ROSHIYANU N. *Traditsionnyye formuly skazki* [Traditional formulas of the fairy tale]. M.: Nauka, 1974. 216 p. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale / Ex. ed. K.V. Chistov]. L.: Nauka, 1979. 438 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannyye trudy i dokumenty / sost. M.N. Gubzhokova* [Selected Works and Documents / comp. M.N. Gubzhokova]. Maykop: OAO «Poligraf-Yug», 2009. 672 p. (In Russian)

TKHAMOKOVA ZH.G. *Adygskaya bytovaya skazka (syuzhetnyy sostav v sravnitel'nom osveshchenii)* [Adyg household fairy tale (plot composition in comparative lighting)]. Nal'chik: Izd. otdel KBIGI, 2014. 222 p. (In Russian)

KHAKUASHEV A.Kh. *Adygskiy prosvetiteli* [Adyghe enlighteners]. Nal'chik: El'brus, 1978. 260 p. (In Russian)

UTHER HANS-JÖRG. *The Types of international Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Part 1: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction.* Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia Academia Scientiarum Fennica, 2011. 619 p.

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук, зав. сектором адыгского фольклора.

Information about the author

M.F. Bukhurov – Candidate of Sciences (Philology), Head of the Adyg Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 39.10

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-139-145

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ

Гутов Адам Мухамедович

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-224>

© А.М. Гутов, 2025

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия между жанрами адыгского фольклора. Характер связи поэтического творчества с действительностью зависит от системы условностей, сформированных в том или ином жанре фольклора. Всякое реальное событие находит свое отражение в фольклоре соответственно тому жанру, в котором оно аккумулируется. Одно и то же явление может быть по-разному представлено в песне, предании или же краткой афористической формуле. В то же время между разными жанрами вероятны свои связи. Они есть также и между разновидностями одной формы бытования, как это можно видеть в песенном творчестве. Разные ракурсы отражения возможны как в связи с различием в жанровых системах, но и по более практической причине – позиции песнетворца. В статье отмечается, как в песенном творчестве одно и то же явление получает освещение с принципиально различных оценочных позиций, что зависит прямо от среды возникновения песни. Несмотря на это, жанр функционирует по своим законам, и его поэтика остается единой в проявлении жанрово-родовых признаков. Она может оказывать влияние на общую эволюцию поэтической культуры даже при наличии признаков возникновения новых жанровых разновидностей. Если это влияние не направлено на жесткое подавление новых явлений и нет антагонизма между старыми канонами и новыми тенденциями, происходит естественный процесс эволюции традиции с опорой на опыт и с творческим освоением нового.

Ключевые слова: преемственность, эпос, жанр, трансформация, поэтика и существование

Для цитирования: Гутов А.М. Преемственность в песенном фольклоре адыгов // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 139–145. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-139-145

Original article

CONTINUITY IN SONG FOLKLORE OF THE ADYGS

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-224>

© А.М. Gutov, 2025

Abstract. The article is devoted to the problem of interaction between the genres of Adyghe folklore. The nature of the connection between poetic creativity and reality depends on the system of conventions that have been formed in a particular genre of folklore. Every real event is reflected in folklore according to the genre in which it is accumulated. The same phenomenon can be presented in different ways in a song, a legend, or a short aphoristic formula. At the same time, there may be connections between different genres. There are also differences between the varieties of a single form of existence, as can be seen in songwriting. Different perspectives can be reflected both due to differences in genre systems, but also for a more practical reason: the position of the songwriter. The article notes how the same phenomenon can be presented from fundamentally different perspectives in songwriting, which depends directly on the environment in which the song was created. Despite this, the genre operates according to its own laws, and its poetics remain unified in terms of genre and generic features. It can influence the overall evolution of poetic culture, even if there are signs of the emergence of new genre varieties. If this influence is not directed towards the strict suppression of new phenomena and there is no antagonism between old canons and new trends, then there is a natural process of evolution of the tradition based on experience and the creative assimilation of new things.

Keywords: Continuity, epic, genre, transformation, poetics, and existence

For citation: Gutov, A.M. Continuity in the Song Folklore of the Adyghe People. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2025; 4-2 (67): 139–145. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-139-145

Всякое значительное явление общественного масштаба призвано получить свой отклик в массовом сознании. Это одна из закономерностей устного народного творчества. В одном случае важное событие порождает песню, в другом – с течением времени воспоминания участников или очевидцев становятся в процессе бытования преданиями, в третьем народное сознание сохраняет память о событии через устойчивые и общеупотребительные языковые единицы (фразеологизмы, пословицы, поговорки), разного рода топонимы и даже антропонимы (в свою очередь за ними могут стоять нарративы). Случается так, что некоторые из названных нами вариантов, а порою чуть ли не все они вместе, проявляются в едином комплексе. Причем, не исключено возникновение нескольких песен и сказаний по одному и тому же случаю или же с одним и тем же персонажем в центре внимания. Это возможно в силу или исключительности события, или особой популярности героя / героев, или же по причине многообразия самой жизни, отражать которую призвано устное слово. С течением времени что-то непременно забывается, затем вовсе стирается из памяти. Вместе с этим происходит своего рода естественный отбор, в результате которого в коллективном сознании остается что-то одно. Это обычно бывает из ряда самого интересного, важного или же такого, что волею случая, в результате стечения обстоятельств, отложилось в массовом сознании и заняло в нем свою нишу. Это «что-то» превращается в явление социального масштаба, иногда именуемое термином «историческая память»; по законам изустной трансмиссии оно может функционировать в живом бытовании в течение длительного времени, замещая подлинную историю. Но это никак не значит, что часть, которая исчезла, ушла потому, что она отныне не представляет интереса для истории и культуры. Логика народной памяти иногда бывает непредсказуемой. Причина может быть, например, в том, что массовое сознание устроено таким образом, что многое из созданного талантом коллектива или его одаренных представителей предается забвению. Причины этого могут быть разные – от невысоких художественных достоинств песни до своего рода конкуренции (одно произведение может вытесняться другим, стремящимся занять место в системе ценностей); не исключены и случаи когда песни на одну тему сближаются и одна поглощает другую. Часто залогом сохранения произведения в устном обиходе оказывается не важность события или героя, а эстетический фактор. Неслучайно в поговорке говорится: «Хьэлывэр яшхьжынрэ пэт япкI» – *Хотя пирожок*

должен быть тут же съеден, его <при приготовлении> украшают. Следовательно, красота важна изначально, и в сознании остаются не только содержимое пирожка и ощущение сытости, а также его вкус и форма. Возможно, это играет немаловажную роль в судьбе того или иного произведения словесной культуры.

Иногда получается так, что одно и то же явление запечатлевается в фольклорном обиходе разными произведениями, в идейно-содержательном плане антагонистическими. Так, например, противостояние между двумя княжескими ветвями Кабарды в XVII в. породило сразу несколько циклов, которые, как можно полагать, возникли частью в среде сторонников одного клана, частью же – в лагере противной ему стороны. Соответственно, герои одной песни могут представиться отрицательными персонажами в другой [Сокуров 2024].

В настоящее время никто не сможет сказать, например, сколько песен и преданий породило такое явление адыгской истории как нашествие Крымского хана на Кабарду в 1708 году, завершившееся разгромом ханского войска в Канжальской битве. К настоящему времени, спустя более, чем три столетия после этого события, от всего, что когда-то возникло по данному поводу в фольклоре, остались всего лишь многочисленные варианты прозаического сказания как о самом нашествии, так и о сражении, роковом для крымчан. Предание было многократно записано в XIX–XX вв. [Гутов 2008]. Помимо того, в свидетельствах и записках разных авторов само это событие зафиксировано с исторической достоверностью, оно же отражено в фольклоре не только адыгов, но и соседних народов (осетин, карачаево-балкарцев), и это еще раз подтверждает нераздельность исторических судеб разноязычного коренного населения Кавказа.

Столь же нераздельной предстает судьба и народов Советского Союза в фольклоре времен Великой Отечественной войны. Известные драматические страницы истории нашего отечества пробудили не просто абстрактное представление о войне, о патриотизме, о героизме отдельных воинов, о судьбах отдельных личностей, а также и совершенно конкретные образцы реакции на общее для всех народов страны судьбоносное явление. Полагаем, что при сравнительном анализе фольклорных произведений, возникших на данную тему в разноязычной советской среде, можно было бы увидеть много сходного. Это относится не только к основной тематике, но также и к конкретным мотивам, и к возникающим на их основе сюжетам, а наряду с этим и к жанровому многообразию, к отдельным образам, и даже к совпадению изобразительно-выразительных приемов, которые используются певцами совершенно независимо друг от друга в песнях на разных языках. Мы, к сожалению, не имеем в настоящее время такой возможности, поскольку у нас под рукой нет соответствующих материалов фольклора всех народов Кавказа, а тем более всей страны. Между тем фактом является то, что в основе подобных сближений и схождений лежат общечеловеческие представления о добре и зле, о верности и предательстве, о героизме и трусости, о бесценности человеческой жизни и ее скоротечности. На этом базируется единство любого общества, будь оно моноэтническим или же многоязычным и многоконфессиональным.

Достоин внимания также то, что в условиях естественной эволюции человеческого общества и сопутствующих этому изменений в области сознания, неизменными остаются не только ценностные понятия наподобие представлений о добре и зле, прекрасном и безобразном, мужестве и трусости и т.п. Не менее важными оказываются ранее созданные формы их конкретного выражения, казалось бы, несущие печать только своего времени и своей локальной среды возникновения. Говоря прямо, нередко новое содержание и суждения, порождаемые новыми обстоятельствами, новыми типами персонажей, конкретными событиями, лицами, предметными реалиями и т.п., ценности, имеющие ключевое значение для создателей песни, воспеваются в новом произведении с активным использованием приемов ранее сложившейся традиционной поэтики. Она, казалось бы,

сформировалась в иную эпоху, а потому не должна иметь прямого отношения к современности, ее активная фаза ограничена, например, нравами и идеалами времен рыцарства и наездничества. При первом знакомстве с ними использование художественных приемов средневековья может представиться не чем иным, как обращением к безвозвратно ушедшим временам с их устаревшей атрибутикой. Разумеется, условия середины XX в. диктуют иной характер мировосприятия, иную лексику, свой кодекс поведения, они же требуют и средств поэтического выражения, соответствующих эволюции мировоззрения. Вместе с тем сходная ситуация – война, мобилизующая во все века нравственные и физические ресурсы человека, порождает потребность и уместность обращения к старым формам, она вновь апеллирует к испытанным средствам поэтического самовыражения певца, придавая им статус констант, не зависящих от времени. В науке нередко отмечались случаи, когда новое содержание, а в частности порою и вновь входящее в оборот явление в фольклоре (или же разновидность этого явления) обращается к поэтике, уже давно сложившейся и устойчиво ассоциирующейся с определенным жанром и определенной стадией эволюции. В подобных обстоятельствах традиционная форма преподносит новое, используя систему старых приемов, поэтику, атрибутику феномена, ранее бывшего популярным, но давно уже ставшего непродуктивным под воздействием возникающих новаций в области поэтики, социальных преобразований и даже эволюции языка в его художественной функции. Так, например, в русском фольклоре первых десятилетий советского периода на основе поэтического языка и стиля традиционных былин в свое время начали возникать так называемые «новины» – лиро-эпические произведения в стиле былин, но посвященные преобразованиям и деятелям новейшего времени [Соколов 1941: 245; Русское народное творчество 1966: 330]. Подобного рода случаи отмечаются в устно-поэтических произведениях целого ряда народов, и это позволяет считать общепольклорной закономерностью такой факт как использование ранее утвердившихся приемов поэтики для возникновения новых жанров или разновидностей продуктивно функционирующего жанра. Характерно, что и адыгские поэты первой половины XX в., пришедшие к литературной практике из устной поэтической культуры, фактические наследники древней традиции народно-профессиональных певцов и песнетворцев джегуако (Б. Пачев, К. Сижажев, А. Хавпачев), сочиняли стихи о новых временах и героях именно в эпическом стиле и с активным использованием образной системы архаического и средневекового эпоса [Ипэрэй адыгэбзэ...2010: 64–73, 97–118, 119–122]. Такое отмечено и в других жанрах фольклора адыгов, здесь они характеризуются «встречами» – архаического эпоса и эпических произведений историко-героического характера, позднее – героической песни с историко-героической, а ее – с народной лирикой во всем ее многообразии [Налоев 2009: 47–108]. Как можно полагать, возникновение подобных явлений должно мотивироваться совокупностью внешних и внутренних обстоятельств, так как без каких-либо логических связей обращение к старой форме для поэтизации нового содержания будет просто противоестественным. Можно предположить, что свою роль здесь играет сугубо техническая возможность использования в новых обстоятельствах уже наработанной в устном употреблении эстетической системы – в случае, если эти обстоятельства типологически коррелируют с прошлым, или же в области устного творчества в плане выражения не стали нормой соответствующие новациям эквиваленты. Но и тогда между новым и старым должны быть какие-то смысловые связи, опорные мотивационные переключки, параллели.

К отмеченным типам взаимодействия между жанрами надо отнести и такое явление, когда под влиянием тематической близости между новыми и более ранними обстоятельствами, которые оказались в свое время событийной основой традиционной поэтики, язык и стиль нового типа песен обращаются к стилю и языку

более ранних образований. Но происходит это не механически, а в развитие общефольклорных эволюционных процессов. К таковым относится, например, активное использование некоторых особенностей приемов древней историко-героической песни в песнях, возникших по мотивам событий времен Великой Отечественной войны. Таким образом, подобного рода встречи в области поэтики оказываются показателями единого художественного процесса в народной словесной и музыкальной культуре. В данном случае сходные обстоятельства настолько очевидны, что не приходится прилагать дополнительных усилий для поиска обстоятельств, которыми обусловлено названное явление. Это, прежде всего, вражеское нашествие, во все времена грозящее бедствиями для всего общества. Это также традиционное понятие о патриотизме, культ подвига, что неизменно является константой в шкале нравственных ценностей любого духовно здорового общества. Это также прославление своих героев, а также мемориально-плачевый характер поэтического стиля в тех частых случаях, когда песня посвящается погибшему воину. Свидетельства этого мы находим в фольклорных записях и публикациях песен и преданий по мотивам Великой Отечественной войны [Архив КБИГИ; Советскэ Къэбэрдейм... 1957: 933–103; Хэку Зауэшхуэ... 1996]. Как в свое время Верховный главнокомандующий в обращении к народам Советского Союза воззвал к памяти о выдающихся героях исторического прошлого, так и народные песни, возникшие в военное время, обращаются к образам эпических героев и к поэтическому стилю древних песен и сказаний. Это и сама высокая торжественная тональность исполнения, и возвышенная лексика с величальными эпитетами и эпически масштабными гиперболами, и упоминание славных эпических персонажей (таких, как нарт Сосруко и легендарный народный герой Андемиркан). Разумеется, обстоятельства выдвигают на передний план новый предметный ряд, который характерен для реалий XX столетия. Поэтому в песнях времен Великой Отечественной войны в центре внимания естественны «пушки», «танки», «пулеметы», «автоматы», «шинели» и пр. Они же наделяются и эпитетами соответствующего характера, чем вводятся в номенклатуру народной поэзии и в контекст всей традиционной песенной культуры. Но в одном ряду с ними совершенно естественны имена эпических героев, в лексиконе также фигурируют такие слова как «меч», «наездник», «стрела Шибле» (оружие мифического бога грозы). Новые в поэтическом лексиконе предметы наделяются эпитетами, употребительными в текстах древних героических песен. Это, как очевидно, нельзя оценивать иначе, как мобилизацию арсенала духовных ценностей для выражения темы, ставшей вновь актуальной спустя многие годы и даже столетия. Когда в песне о войне с фашистами воспеваешь героя, владеющего мечом, изготовленным руками языческого покровителя кузнечного ремесла, когда утверждается, что воин, побеждает в одиночку целое вражеское войско когда он возводит корни своей родословной к легендарным эпическим персонажам, тем самым создается поэтический мир, в котором традиционное и новое образуют необычный, но все же органичный сплав. В нем соединены по законам искусства новые элементы с традиционными атрибутами в области формы выражения и содержания.

Уместно будет заметить, что в народной лирике предвоенных лет уже были очевидны значительные перемены. Так, на место привычной формы песнопения – солист, исполняющий вербальный текст, и ведущий невербальную голосовую партию хор(ежью), мы чаще встречаем сольное исполнение с инструментальным сопровождением или же одиночным пением. При этом прежнее хоровое сопровождение не забыто, но, как отмечено в издании, подготовленном В.Х. Барагуновым, вместо стретного исполнения появляется последовательное пение обеих партий одним певцом [Барагунов 1996]. Мелодическая строфа состоит из семантически значимого словесного текста, за которым следует припев, представляющий собой несмыслонесущие голосовые модуляции, функционально представляющие собой

трансформацию традиционного хорового сопровождения. Таким образом, в новых обстоятельствах присутствуют те же атрибуты старой поэтики, но они как бы адаптируются, благодаря чему сохраняется органическая связь нового с вековой традицией.

В 20–30 гг. XX в. в область звуковой организации текста стала активно проникать европейская поэтика с концевой рифмой. Но в песнях времен ВОВ доминирует традиционная манера версификации, опирающаяся на анафору, параллелизмы, богатую аллитерацию, ассонанс, анадиплосис (подхват) – приемы, весьма характерные для устной поэзии. Как можно понимать, такой возврат произошел в области народного стихосложения не только потому, что традиционная форма представляется более удобной для самовыражения и восприятия, а по той причине, что в критические для общества моменты внимание обращается на то, что является более «укорененным», близким по духу. Это оказывается востребованным в переломные периоды истории.

В народной песне военного времени получил дальнейшее развитие давно начавшийся процесс усиления лирических мотивов, и это сказалось на расширении тематического диапазона. В отличие от ранней традиции, здесь появляются песни-монологи погибающего воина иногда с тирадами, прямо обращенными к близким – матери, отцу, брату, сестре, сыну, супруге. Это новое явление, но его возникновение мотивировано обстоятельствами. Также заслуживают быть отмеченными песни диалогического характера: девушка и юноша обмениваются репликами. В одном случае она попрекает его за робость и вдохновляет на ратные подвиги, чтобы он заслужил ее расположение, в другом – юноша клянется, что готов вызвать возлюбленную из неволи, она же предупреждает его о том, насколько это рискованно. Подобное построение есть не что иное, как трансформация структуры традиционного словесного состязания на вечеринках в мирных условиях. примечательно, что источник такой композиции – народная смеховой культура, но легкая развлекательность, уместная на посиделках, здесь сменяется серьезным тоном, что обусловлено драматическими обстоятельствами. Отдельную группу составляют песни девушки, увезенной в Германию. Они характерны тем, что тональностью и некоторыми приемами выразительности они прямо перекликаются с песнями-сетованиями времен Кавказской войны. Но насильником выступает не казачий есаул или царский офицер, а немецкий комендант, увозящий пленницу в Берлин.

При более обстоятельном изучении проблемы есть возможность расширить круг рассматриваемых явлений и глубже разобраться в этом сложном и весьма интересном вопросе, что предстоит сделать в более обширных исследованиях. Рассмотренного нами достаточно, чтобы сделать ряд умозаключений.

Очевидно, что традиционная поэтическая система эпоса оказала значительное влияние на другие жанры адыгского фольклора. При этом важно заметить, что это не было прямым подавлением иных жанровых образований: как структура текста, так и поэтически-стилевая фактура традиционных и героико-эпических песен оказались достаточно гибкими, благодаря чему вместо жесткого подчинения стереотипам отмечается определенная способность к трансформации. Это способствовало сохранению межжанровых связей и формированию единого эстетического поля адыгской народной песни.

Список источников и литературы

Архив КБИГИ – Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Фольклорный фонд, папки 32-в, 32-г.

Гутов 2008 – Гутов А.М. Историческое событие в фольклорном отражении // Канжальская битва и политическая история Кабарды. Материалы Всероссийской научной конференции 15–16 июля 2008 г. Нальчик: 2008. С. 303–312.

Ипэрей адыгэбзэ... 2010 – Ипэрей адыгэбзэ литературэм и антологие. Зэхэзыльхьар Нало З. Налшык: КБИГИ, 2010. Н. 352. (Антология ранней адыгской литературы. Сост. З. Налоев. Налчык: КБИГИ, 2010. 352 с.). (На кабард.-черк. яз.)

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Налчык: Эльбрус, 2009. 656 с.

Русское... 1966 – *Русское народное творчество*. М.: Высшая школа, 1966. 360 с.

Советскэ Къэбэрдейм... 1957 – Советскэ Къэбэрдейм и Гуэрыуатэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балькьэр тхыль тедзапэ, 1957. Н. 144 (Фольклор советской Кабарды. Налчык: Кабардино-Балкарское книжное издательство. 1957. 144 с.). (На кабард.-черк. яз.)

Соколов 1941 – *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. 560 с.

Сокуров 2024 – *Сокуров В.Н.* Триумф и трагедия кабардинской княжеской династии Шогануковых (история и фольклор) // Фольклор и возникновение авторского словесного искусства. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2024. С. 217–269.

Хэку Зауэшхуэ... 1996 – Хэку Зауэшхуэ ильэсхэм яуса уэрэдхэр. Зэхэзыльхьар Бэрэгъун В. Налшык: Эльбрус, 1996. Н. 56. (Народные песни времен Великой Отечественной войны Сост. В. Барагунов. Налчык: Эльбрус, 1996. 56 с. (На кабард.-черк. яз.)

References

Arhiv Instituta humanitarnyh issledovanij KBNC RAN, Fol'klornyj fond, papki 32-v, 32-g. [Archive of the Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Folklore Fund, folders 32-v, 32-g.]. (In Kabardino-Circassian)

GUTOV A.M. *Istoricheskoe soby'tie v fol'klornom otrazhenii* [Historical events in folklore reflection]. IN: *Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy'*. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii 15-16 iyulya 2008 g. Nal'chik, 2008. P. 303–312. (In Russian).

Antologiya rannej ady'gskoj literatury' [Anthology of Early Adyghe Literature]. Sost. Z. Naloev. Nal'chik, KBIGI, 2010. 352 p. (In Kabardino-Circassian).

NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kultury adygov* [Studies on the history of Adyghe culture]. Nal'chik, E'l'brus, 2009. 656 p. (In Russian).

Russkoe narodnoe tvorchestvo [Russian folk art]. Moskva, Vy'sshaya shkola, 1966. 360 p. (In Russian)

Folklor sovetskoj Kabardy [Folklore of Soviet Kabarda]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1957. 144 p. (In Kabardino-Circassian)

SOKOLOV Yu.M. *Russkij fol'klor* [Russian folklore]. Moskva, Gosudarstvennoe učebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 1941. 560 p. (In Russian)

SOKUROV V.N. *Triumf i tragediya kabardinskoj knyazheskoj dinastii Shoganukovy'x (istoriya i fol'klor)* [The Triumph and Tragedy of the Kabardian Princely Dynasty of Shoganukovy'x (History and Folklore)]. IN: *Fol'klor i vzniknovenie avtorskogo slovesnogo iskusstva*. Nal'chik: IGI KBNC RAN, 2024. P. 217–269. (In Russian)

Narodny'e pesni vremen Velikoj Otechestvennoj vojny' [Folk songs from the Great Patriotic War]. Sost. V. Baragunov. Nal'chik, E'l'brus, 1996. 56 p. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 398.10

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-146-153

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЦИКЛА О КАНШОБИ И ГОШАГАГ

Ляна Адамовна Гутова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© Л.А. Гутова, 2025

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанровой идентификации некоторых циклов адыгского фольклора, которые традиционно принято относить к историко-героическому эпосу. На примере анализа широко распространенной песни и сказания о княгине Гошагаг и ее муже Каншоби. Это один из наиболее популярных циклов, ареал бытования которого является фактически вся территория исторического обитания адыгов (черкесов) на Кавказе; количество вариантов, зафиксированных за всю историю изучения и собирания адыгского фольклора превышает 80 единиц. Предлагается рассматривать проблему комплексно, с учетом структурных особенностей цикла – тематики, характера исполнения, особенностей естественного бытования, поэтического языка и стиля, а также предметного мира, отражаемого в песне и сопровождающем ее сказании. Признается достойным внимания также отношение к действительности и ее отражение в поэтическом тексте. Однозначное отнесение рассматриваемого цикла к одному из жанров, исключая другие суждения, оказывается практически невозможным, поскольку два основных принципа определения, форма бытования и идейно-тематическая основа цикла оказываются полярными. Основной метод исследования – историко-сравнительный с использованием в его рамках приемов статистического, структурального и других методологических направлений.

Ключевые слова: Цикл, жанр, ареал, тема, историко-героический эпос, лирика, сказание, песня

Для цитирования: Гутова Л.А. К определению жанровой принадлежности цикла о Каншоби и Гошагаг // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 146–153. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-146-153

Original article

TO THE DETERMINATION OF GENRE AFFILIATION OF THE CYCLE ABOUT KANSHOBI AND GOSHAGAG

Lyana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© L.A. Gutova, 2025

Abstract. The article is devoted to the problem of genre identification of some cycles of the Adyghe folklore, which are traditionally accepted to be referred to as the historical-heroic epic. On the example of the analysis of the widespread song and the tale about Princess Goshagag and her husband Kanshobi. This is one of the most popular cycles, whose area of existence is virtually the entire territory of the historical habitation of the Adyghe (Circassians) in the Caucasus; the number of variants recorded throughout the history of the study and collection of Adyghe folklore exceeds 80 units. It is proposed to consider the problem comprehensively, taking into account the structural features of the cycle, such as its theme, performance style, natural existence, poetic language and style, as well as the subject world reflected in the song and the accompanying tale. It is also recognized that the relationship to reality and its reflection in the poetic text are worthy of attention. It is practically impossible to unambiguously assign the cycle under consideration to one of the genres, excluding other judgments, as the two main principles of definition, the form of existence, and the ideological and thematic basis of the cycle, are polar. The main research method is historical and comparative, using statistical, structural, and other methodological approaches.

Keywords: Cycle, genre, area, theme, historical and heroic epic, lyrics, tale, song

For citation: Gutova L.A. On the Genre Classification of the Cycle about Kanshobi and Goshagag. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 146–153. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-146-153

В песенном фольклоре адыгов выделяется серия произведений, которые традиционно принято с некоторыми оговорками относить к жанру историко-героического эпоса. Руководствуются при этом особенностями бытования и рядом других формальных признаков. В плане же содержательно-тематическом они не всегда соответствуют данной категории. Чаще всего это могут быть песни лирического содержания с сопровождающими их преданиями, соответственно «негероическими» по своей основной атрибутике. Их главной отличительной чертой является доминирование признаков личностного плана в тексте песни, а также обилие бытовых подробностей в событийной канве сказания. Это явление в традиционной культуре этноса из числа мало изученных. Ряд наиболее популярных циклов подобного характера освещен весьма основательно в статьях З.М. Налоева «Женщины – творцы великих песен» [Налоев 1978: 61–81] и «Очистительная песня в адыгском фольклоре» [Там же: 82–99]. В них впервые в адыгской фольклористике дается краткий и вместе с тем довольно исчерпывающий анализ тематики и поэтических особенностей рассматриваемых песен и тех сказаний, которые их сопровождают в полном соответствии с канонами поэтики адыгского младшего эпоса. Однако надо заметить, что исследователь ставил перед собой задачу лишь дать общую характеристику явления, не вдаваясь в многочисленные детали, в частности, во все тонкости определения жанра рассматриваемых произведений. Между тем, считаем своевременным внести больше ясности в вопрос жанровой идентификации песен и сказаний названной серии. Цель настоящей работы – рассмотреть один из эпических (а вернее – лирико-эпических) циклов и на примере его анализа отметить наиболее важные родовые особенности данной категории народных песен и сказаний, а вместе с этим попытаться установить правомерность или ошибочность традиционно принятой практики идентификации. Для изучения проблемы мы избрали один из самых популярных циклов, предание и песню о княгине Гошагаг и ее муже Каншоби. Это – произведение, пользующееся широкой популярностью и в адыгском фольклоре, и в народной поэтической традиции карачаевцев и балкарцев.

Для фольклора народов Кавказа разноразличное бытование произведений на одну и ту же тему явление не столь уж редкое, так как оно всегда бывает мотивировано особенностями историко-культурного взаимодействия на протяжении многих столетий. В данном случае обусловленность мотивируется тем, что произведение имеет реальную событийную основу, и в ней очевидны признаки тесного взаимодействия между разными и тесно соседствующими этническими

группами. Как установлено с высоким уровнем достоверности, один из центральных персонажей, Каншоби, является по происхождению карачаевцем, а его супруга, княгиня Гошагаг, от имени которой сложена песня, кабардинкой или же адыгоязычной абазинкой [Асанов 1996]. Тексты и песни, и сопровождающего ее предания записывались многократно как на адыгских языках, так и на карачаево-балкарском. В частности, впервые более полные варианты адыгской версии были напечатаны в переводе на русский язык в издании «Кабардинский фольклор» в 1936 г. [Кабардинский... 1936: 445–449]. Позднее песня вместе с текстом предания или без него печаталась на кабардино-черкесском языке неоднократно в изданиях научно-популярного и академического характера. Одна из наиболее значительных публикаций предания на языке оригинала осуществлена М.И. Мижаевым [Адыгэ хьыбархэр 1986: 297–310]. Рукописные адыгские материалы сконцентрированы в подавляющем своем большинстве в папке № 32-е Фольклорного фонда Архива ИГИ КБН РАН; в ней представлена 31 запись, в том числе 10 – это полные циклы (т.е. записи песни с сопровождающим ее преданием), остальные это варианты или только песни, или же только предания. В Фонотеке ИГИ КБНЦ РАН нами установлено 52 записи, среди них около 14 можно отнести к разряду полных циклов, остальные же – или только песня, или предание. Таким образом, число всех имеющихся записей превышает 80, причем эти цифры нельзя считать окончательными, т.к. нам, к сожалению, не удалось учесть все материалы, хранящиеся в персональных фондах отдельных собирателей, а также некоторые отдельные публикации. География распространения песни и сказания охватывает фактически всю территорию исторического расселения адыгов (черкесов) от восточных районов (нынешняя Кабардино-Балкария) до западных, где издревле проживают носители диалектов современного адыгейского языка. Наибольшей популярностью цикл пользуется все же в Кабарде, о чем можно судить с уверенностью по сопроводительным сведениям к записям. Однако примечательно, что о нем под названием «Песня о Кансаве», упоминал еще в 30–40-е годы XIX в. Султан Хан-Гирей, выходец из Западной Черкесии и потому в своих трудах более всего опиравшийся на материалы, почерпнутые от информантов из этого края [Хан-Гирей 1974: 134].

Достоин внимания то обстоятельство, что при относительно широком ареале распространения песни и сказания все зафиксированные варианты совпадают в основных своих опорных моментах.

Так, сходным образом характеризуется событийная основа возникновения всего цикла. Как гласит предание, Гошагаг является верной любящей женой знатного наездника Каншоби, но их счастливую жизнь нарушает коварная болезнь: муж заражается таким недугом, что никто не берется его лечить, поэтому герой вынужден покинуть свой край в поисках лекаря, способного избавить его от обрушившейся на него напасти. Излечить его берется на чужбине (чаще всего называется Дагестан) некая женщина, которая ставит ему условием, что он останется навсегда с ней. Вынужденный принять это условие, Каншоби все же так сильно тоскует по своей любимой жене и семье, что женщина отпускает его на время. Однако она берет с него слово, что он непременно вернется к ней. По истечении времени Каншоби все-таки решает остаться со своей женой и детьми, однако болезнь возвращается, и поэтому он вынужден вновь покинуть свою родину, и теперь уже навсегда. В тоске по любимому мужу Гошагаг слагает песню-сетование, в которой изливает свои переживания и выражает преданность и верность своему мужу.

Сюжет осложняется инкорпорацией универсального мотива, известного как «злая сестра». Младшая сестра героини влюбляется в Каншоби и сначала пытается соблазнить его. Но, не добившись желаемого, она, оскорбленная отказом, из мести насылает на него страшный недуг, подобие проказы, уродующий внешность человека. Есть основание полагать, что появление злокозненной сестры – явление, имеющее истоки в мировом арсенале фольклорных стереотипов. Здесь

данный универсальный мотив довольно удачно вписывается в сюжет сказания, привнося в него дополнительную интригу и делая сюжетные мотивировки более увлекательными.

Важно заметить, что основная событийная основа цикла не имеет прямого отношения к героине как таковой. В ней доминируют сугубо бытовые мотивы – верность жены своему мужу, отвечающему ей взаимностью, коварство разлучницы, ослепленной чувством мести или озлобления, болезнь мужа и неизбежность его разлуки со своей семьей. Характерно, однако, что в структурном плане цикл построен в полном соответствии с канонами поэтики историко-героического эпоса: способ циклообразования (песня и сопровождающее ее прозаическое сказание), характер исполнения песни отдельные детали предметного мира.

Что касается формы бытования, песня исполняется *a capella* солистом-мужчиной в сопровождении мужского хора, партия которого сводится к музыкальному интонированию основной мелодии без семантически полнозначных слов. В ней развернутый сюжет не обязателен, и поэтому, как и в подлинно «героических» песнях, солист не столько последовательно излагает события, сколько свободно рассуждает о них, их причинах и возможных последствиях, предается лирической медитации. И если в подлинно героико-эпических песнях есть место истинно воинской атрибутике, то в данном случае она, по традиции еще присутствующая фрагментами, все же уступает доминирующие позиции мотивам чувственного восприятия, переживаниям о возлюбленном, который покинул свою прекрасную и преданную супругу. Здесь уже, как оказывается, не столь важно то, что Каншоби славный наездник, способный на воинские подвиги, насколько важны переживания героев, эмоциональные оценки и формы их выражения. Это перестраивает всю традиционную систему эпического мира, в котором господствуют понятия о мужестве, героизме, самоотверженности в борьбе с врагом, рядом с ними уверенно занимают место мотивы верности жены своему мужу, тоски и сетований на судьбу. Предметная атрибутика не изобилует упоминаниями оружия, снаряжения, боевого коня с его бесспорными достоинствами и т.п. Вместо этого поэтическими средствами выделяются белые руки женщины, длинные до пят косы, аксессуары женского обихода, фрагменты пейзажа, символически указывающие на глубину душевных переживаний героини. В песне-сетовании еще сохраняются представления о подлинном герое, который в одиночку угоняет табуны лошадей, бесстрашно разъезжает один без сопровождения. Таковы же упоминания о мощи той крепости, в которой тоскует героиня. Однако на первом месте оказываются не они, вперед уверенно выдвигается такая атрибутика, которая далека от воинского быта. Внимание певца сконцентрировано на переживаниях женщины с трагической судьбой, ставшей жертвой жестокого коварства, потерявшей любимого человека. Отсюда меняется и ракурс видения объективного мира: мотивы героического подвига, безумной славы, самопожертвования ради блага общества отодвигаются на второй план, вперед выходят проблемы отражения душевного состояния обычного человека, интересы духовно богатой личности, глубина переживаний личной беды, личной утраты. Иными словами, в данном случае налицо картина, которую В.М. Гацак охарактеризовал как «...переход от героического масштаба изображения к более простому и реалистическому, усиление в ней лирического начала» [Гацак 1967: 16]. Но в нашем случае важно учитывать еще одно обстоятельство, которое тонко подметил в русском фольклоре Ф.М. Селиванов: «Многие же исторические песни внешне оформлялись то как былины, то как плачи, то как лирические песни, испытали они влияние духовных стихов, легенд, преданий...» [Селиванов 1973: 66–67]. Это важно заметить, так как и в адыгском фольклоре наблюдается явление, близкое к указанному: цикл формируется в соответствии с утвердившимися в устном обиходе стандартами жанра героико-исторического эпоса, хотя по своему содержанию он так далеко отошел от мотивов героики, что от них порою остаются только отдельные фрагменты.

Все доступные нам варианты записей предания свидетельствуют о том, что центром внимания исполнителей является отнюдь не воинский подвиг, а отношения между любящими супругами. Признаки эпического мышления еще остаются в масштабности мышления, социальной значимости образов, тональности исполнения. Однако о подлинных воинских подвигах славного наездника Каншоби (каковым он характеризуется словесно) или не упоминается совсем, или же говорится скороговоркой. В труде С. Хан-Гирея вскользь отмечается о том, что Каншоби, возможно, принимал участие в штурме какой-то крепости, однако это отнюдь не сопровождается описанием ни самого похода, ни воинских подвигов [Хан-Гирей 1974: 134]. Из всех «стандартов», характерных для эпоса в вариантах сказания можно назвать только отдельные фрагменты, наподобие мотива похищения героем своей возлюбленной. Хотя и этот эпизод не влечет за собой последствий конфликтного характера. Зато детали, свойственные повествованиям любовно-романтического плана, в предании о Каншоби и Гошагаг выдвигаются на центральное место. Герой влюбляется в героиню, намеревается ее похитить и для достижения своей цели устраивается на службу к ее отцу. Со временем он добывается ее расположения и благополучно ее похищает. Однако и здесь обходится без конфликтов и поединков. История не столько героическая или «наездническая», сколько любовно-романтическая.

Содержание песенного компонента цикла в целом соответствует основной канве предания, о чем можно судить по лексике поэтического текста. В просмотренных нами вариантах песни мы обнаружили хоть какое-то упоминание о героике или наездничестве только в ее инициальной части. Это, как правило, зачинная формула с некоторыми разночтениями:

Песню Гошагаг запеваем:

Кто подпеть не умеет,
Тот отменный лентяй...
Коль табун угоняют,
Кто гнать не горазд,
Разве доли достоин?

[Кабардинский фольклор: 440]

Текст дан в русском переводе В.А. Дынник

Гуащэгъагъым и уэрэдыр кышыхэддзэкІэ
Емыжьыуфыр хуэмышущ,
Шы кышсахукІэ къадемыуэфыр
Іыхьэншэ ирехьу...

[Къэбэрдей... 1948: 60]

Когда мы запеваем песню Гошагаг,
Кто ей не подпевает, тот <наездник> недостойный,
Кто не подгоняет, когда гонят лошадей,
Тот доли добычи не достоин... (Перевод наш – Л.Г.)

Мы зекІуэлІымрэ мы зекІуэшыжьымрэ
Езыгъээшыр ... си уэрэдкъэ.
Гуащэгъагъымэ сэ си уэрэдыжьыр
КышчырагъажьэкІэ, фэ фежьу.

[Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 96]

Этого наездника и этого боевого коня могучего
Что утомляет, это моя песня...

Когда мою, Гошагаг песню старинную
Запевают, вы подпевайте... (Перевод наш – Л.Г.)

В данном случае суть не только в том, что наездничество упоминается, а заодно певец призывает подпевать. В систему воспитания сословия князей и уорков, которые и были преимущественно воинами-наездниками, входило обязательно обучение наряду с воинским искусством также красноречию, песнетворчеству и умению петь. Если человек не умел петь или хотя бы подпевать в составе хора, это приравнивалось к тому, что он недостойный, трусливый, непутевый. Это стало смысловой основой для возникновения параллельной конструкции: *не умеющий подпевать – не смеющий погонять коней при уgone*.

В большинстве вариантов данный мотив занимает от двух до четырех поэтических стихов, в то время как сама песня составляется не менее, чем из 30 строк. Все остальные преимущественно содержат лирические медитации от имени княгини Гошагаг. Приведем ряд наиболее устойчивых в песенных текстах характерных слов и словесных конструкций, посредством которых выражаются душевное состояние лирической героини, ее тоска по любимому, мучительное томление в пустой крепости: *светлого шелка волосы, ниспадающие до пят, из орехового дерева котурны* (аксесуар женщин высокого социального статуса), *белая шея, белые руки-белые ноги, морская голубка(чайка), червонного золота дверь опочивальни, белоснежные постели, пешеходная тропа и застывший на ней взгляд, одинокая дорога, по которой ушел любимый муж, студеная вода родника, вьющиеся светло-золотые локоны, золотистые волосы, ниспадающие до самых пят*. Все приведенные фрагменты песни входят в поэтический текст песни как приемы создания поэтического образа, а в совокупности – своей призваны передать состояние женщины, которую постигло огромное несчастье.

Приведенные примеры даже вне поэтического контекста способны дать представление о том, что лейтмотивом песни является отнюдь не героика или воинская удаля, а глубокие лирические переживания. Между тем мотивы героического плана не исчезают, они диктуют форму исполнения, воссоздают дух той эпохи в которую происходили события, типичные для средневекового общества с его суровыми этикетными установлениями и преимущественно воинским укладом жизни. Тенденция поэтической культуры к возрастанию лирико-романических элементов совершенно очевидна как в рассматриваемом предании и сопутствующей ему песне, так и в других циклах аналогичного характера. Дальнейшая эволюция народного словесного и музыкального искусства должна была привести и действительно привела к кардинальным изменениям в области структуры песенного текста, в области поэтического языка и характера исполнения. Этот процесс окончательно завершился выделением народной лирики как полноправного жанрового образования в системе адыгского фольклора.

Что же касается жанровой идентификации песен и преданий рассмотренного нами характера, мы считаем, что однозначного решения здесь не может быть, так как налицо их медиальное положение, когда традиционная форма бытования диктует отнесение их к одной категории, а содержание – к иной. Поэтому установление их жанровой принадлежности целесообразно решат исходя из конкретных обстоятельств, определяя «переходное» положение между двумя этапами эволюции народной культуры как явления целостного.

Список сточников и литературы

Адыгэ уэрэдыжхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжхэр*. Зэх. Къардэнгъуш I 3. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224 (Адыгские народные песни. Сост. З. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1979. 224 с.). (На кабард.-черк. яз)

Адыгэ хыбархэр 1986 – *Адыгэ хыбархэр*. Зэхэзыльхьар Мыжей М.И. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Черкес отделенэ. 1986. Н. 360. (Адыгские (черкесские) народные предания. Сост. М.И. Мижаева. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение ставропольского книжного издательства. 1986. 360 с.). (На кабард.-черк. яз.)

Асанов 1996 – *Асанов Ю.Н. Песня-поэма «Каншаубий» или «Плач княгини Гошаях»*. Историко-сравнительный анализ карачаево-балкарских и адыгских вариантов. Нальчик: Эль-фа, 1996. 127 с.

Гацак 1967 – *Гацак В.М. Восточнороманский героический эпос*. М.: Наука, 1967. 472 с.

Кабардинский фольклор 1936 – *Кабардинский фольклор*. Под ред. Г.И. Бройдо. М.: Academia, 1936. 636 с.

Къэбэрдей... 1948 – *Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжъхэмрэ*. Зэх. Шортэн А. сымэщ. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхыль тедзапIэ, 1948. Н. 194. (Кабардинские песни и пословицы. Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1948. 194 с.). (На каб.-черк. яз.)

Налоев 1978 – *Налоев З.М. Из истории культуры адыгов*. Нальчик: Эльбрус, 1978. 192 с.

Селиванов 1973 – *Селиванов Ф.М. О специфике исторической песни // Специфика фольклорных жанров*. М.: Наука, 1973. 304 с. С. 52–67.

Хан-Гирей 1974 – *Хан-Гирей Султан*. Черкесские предания. // Хан-Гирей. Избранные произведения. Подготовка текста Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 55–171.

References

Adige ueredizhkker. Zekh. KardengushchI Z. Nalshik: Elbrus, 1979. N. 224 (Adigskie narodnie pesni. Sost. Z. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1979. 224 s.). Na kabard.-cherk. Yaz [The Adyghe folk songs. Comp. Z. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1979. 224 p.]. (In Kabardian- Circassian)

Adige khibarkher. Zekhezilkhar Mizhei M.I. Cherkessk: Stavropol tkhil tedzapIe. Kereshei-Cherkes otodelene. 1986. N. 360. (Adigskie (cherkesskie) narodnie predaniya. Sost. M.I. Mizhaeva. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie stavropolskogo knizhnogo izdatelstva. 1986. 360 s.). Na kabard.-cherk. yaz. [Adyghe (Circassian) folk legends. M. Compiled by M. Myzhayev. Cherkessk Prize winner: Stavropol Book Publishing House. Karachay-Cherkess branch. 1986. 360 p.]. (In Kabardian-Cherkessian)

ASANOV Yu.N. *Pesnya-poema «Kanshaubii» ili «Plach knyagini Goshayakh»*. *Istoriko-sravnitel'nii analiz karachaevo-balkarskikh i adigskikh variantov*. Nalchik: El-fa, 1996. 127 s. [The song-poem “Kanshaubiy” or “The Lament of Princess Goshayakh”. Historical and comparative analysis of Karachay-Balkarian and Adyghe variants. Nalchik: El-fa, 1996. p. 127]. (In Russian)

GATSAC V.M. *Vostochnoromanskii geroicheskii epos*. М.: Nauka, 1967. 472 s. [East Roman heroic epic. Moscow: Nauka, 1967. p. 472] (In Russian)

Kabardinskii folklor. Pod red. G.I. Broido. М.: Academia, 1936. 636 с. [Kabardian folklore. Under the general editorship of Broido Moscow: Academia, 1936. 636 p.]. (In Russian)

Keberdei ueredkhemre psalezkhkemre. Zekh. Shorten A. simeshch. Nalshik: Keberdei keral tkhil tedzapIe, 1948. N. 194. (Kabardinskie pesni i poslovitsi. Nalchik: Kabardinskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatelstvo, 1948. 194 s.). Na kab.-cherk. yaz. [Kabardian songs and proverbs. Nalchik: Kabardian State Book Publishing House, 1948. 194 p.]. (In Kaabardian- Cherkessian)

NALOEV Z.M. *Iz istorii kulturi adigov*. Nalchik: Elbrus, 1978. 192 s. [From the History of the Adyghe Culture. Nalchik: Elbrus, 1978. 192 p.]. (In Russian)

SELIVANOV F.M. O spetsifike istoricheskoi pesni // Spetsifika folklorikh zhanrov. М.: Nauka, 1973. 304 s. S. 52–67. [On the Specificity of Historical Songs. // Specificity of Folklore Genres. Moscow: Nauka, 1973. 304 p. Pp. 52–67]. (In Russian)

KHAN-GIREY SULTAN. *Sultan. Cherkesskie predaniya* // Khan-Girei. Izbrannie proizvedeniya. Podgotovka teksta R.Kh. Khashkhozhevoi. Nalchik: Elbrus, 1974. S. 55–171. [Circassian Legends. // Khan-Girey. Selected Works. Text prepared by R.Kh. Khashkhozheva. Nalchik: Elbrus, 1974. Pp. 55–171]. (In Russian)

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 398.8

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-154-161

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР И ОБРЯДНОСТЬ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2025

Аннотация. Семейно-обрядовый фольклор, занимающий центральное место в народной традиции карачаевцев и балкарцев, давно привлекает внимание исследователей и собирателей устного народного творчества.

В данной статье раскрывается богатство свадебного фольклора карачаевцев и балкарцев: его обряды и традиции. Акцентируется внимание на существующих работах по этнографии и фольклору, представленных как описательными и аналитическими исследованиями, так и сборниками фольклорных материалов. Описательные работы помогают сформировать общее представление о вариативности фольклора на обширных территориях, тогда как аналитические публикации углубляются в детали, систематизируя информацию об отдельных элементах обряда: атрибутике, терминологии и др. В статье выделяются ключевые компоненты свадебного мероприятия и подчеркивается роль фольклорных произведений (песен, танцев, игр, благопожеланий) в создании атмосферы и смыслового наполнения свадебного торжества.

Актуальность исследования заключается в том, что в фольклористике пока нет работ по комплексному изучению традиционной системы семьи и семейного быта карачаевцев и балкарцев, так как ранее для подобного анализа отсутствовала необходимая научная информационная база. Предметом исследования являются традиции, регулировавшие обрядовую сторону семейной жизни карачаево-балкарской семьи в исторический период XIX – начала XX веков.

Источниковедческая база работы сформирована на основе архивных материалов и опубликованных источников. Методология исследования карачаево-балкарской свадебной обрядности строится на двух ключевых элементах: во-первых, на анализе уже проведенных научных работ, и во-вторых, на использовании сравнительного историко-культурного подхода, что в совокупности гарантирует глубокое и всестороннее изучение данного явления.

Ожидаемым результатом работы является более глубокое осмысление теоретических и практических аспектов, а также систематизация существующих публикаций, касающихся исследуемого этноса. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что карачаево-балкарская свадьба, подобно свадебным обрядам других народов, может быть охарактеризована как органическая часть или в значительной мере оригинальный вариант традиционной культуры народов Кавказа.

Ключевые слова: фольклор, семейно-обрядовый фольклор, свадебные обряды, традиционность, калым, невеста, танцы, песни

Для цитирования: Гергокова Л.С. Карачаево-балкарский свадебный фольклор и обрядность // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 154–161. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-154-161

Original article

KARACHAY-BALKAR WEDDING FOLKLORE AND CEREMONIES

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2025

Abstract. Family and ritual folklore, central to the folk traditions of the Karachays and Balkars, has long attracted the attention of researchers and collectors of oral folklore.

This article explores the richness of Karachay and Balkar wedding folklore, including its rituals and traditions. It focuses on existing works on this topic: ethnography and folklore, represented by descriptive and analytical studies, as well as collections of folklore materials. Descriptive works help to form a general understanding of folklore variations across vast territories, while analytical publications delve into detail, systematizing information on individual ritual elements: paraphernalia, terminology, etc. The article highlights the key components of a wedding event and emphasizes the role of folklore (songs, dances, games, and good wishes) in creating the atmosphere and meaning of a wedding celebration.

The source material for this study is based on archival materials and published sources. The methodology for studying Karachay-Balkar wedding rituals is based on two key elements: first, an analysis of existing research, and second, a comparative historical and cultural approach, which together guarantee a deep and comprehensive study of this phenomenon.

The expected outcome of this study is a deeper understanding of the theoretical and practical aspects, as well as a systematization of existing publications related to the ethnic group under study. The material reviewed allows us to conclude that the Karachay-Balkar wedding, like the wedding rites of other peoples, can be characterized as an integral part or, to a large extent, an original variant of the traditional culture of the peoples of the Caucasus.

Keywords: folklore, family and ritual folklore, wedding ceremonies, traditions, kalyms, bride, dances, songs

For citation: Gergokova L.S. Karachay-balkar wedding folklore and ceremonies. Vestnik KBIGI = KBINR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 154–161. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-154-161

Карачаево-балкарский семейно-обрядовый фольклор уже являлся объектом изучения в рамках фольклористики и этнографии. Еще в дореволюционных работах содержатся интересные сведения по этому вопросу. Народные семейно-обрядовые традиции балкарцев и карачаевцев в основном известны нам по материалам, собранным во второй половине XIX – начале XX века. Однако эти источники часто фрагментарны, неконкретны и не всегда точны. Исследователи и путешественники дореволюционной эпохи, посещавшие Балкарию и Карачай, как правило, ограничивались общим описанием их жизни, обычаев, обрядов, музыкального и танцевального фольклора, а также народных игр. Следует учитывать, что до Октябрьской революции балкарцы и карачаевцы, подобно многим народам Северного Кавказа, не имели собственной письменности, что делало невозможным письменное сохранение их истории. Поэтому сведения, собранные дореволюционными авторами, являются бесценным и единственным доступным материалом для воссоздания их исторического прошлого, в том числе и свадебных обрядов. Самые ранние источники, относящиеся к теме настоящего исследования, можно найти в сборниках таких исследователей как: Г.Ю. Клапрот [Клапрот 1807–1808], С. Броневский [Броневский 1823], М. Алейников [Алейников 1880], А. Дьячков-Тарасов [Дьячков-Тарасов 1898] и др.

Системное же освоение карачаево-балкарского семейно-обрядового фольклора активно проходило в советское время, когда фольклористика, как и другие

гуманитарные науки, получила мощный импульс к развитию. В этот период были предприняты значительные усилия по систематизации, каталогизации и исследованию богатейшего устного народного творчества, включая жанры, связанные с важнейшими жизненными циклами и обрядами.

Были предприняты попытки классифицировать семейно-обрядовый фольклор, по тематике и функциям, а также по стилистическим особенностям. В рамках этой научной деятельности собирались и публиковались сборники карачаево-балкарского фольклора, проводились экспедиции по сбору материалов.

Карачаево-балкарские этнографы и фольклористы также внесли существенный вклад в дело сохранения и популяризации данного уникального пласта национальной культуры. Среди специалистов, занимающихся исследованием семьи и семейного быта, особо следует отметить вклад: И.М. Шаманова [Шаманов 1979], М.Ч. Кудаяева [Кудаяев 1988], И.М. Мизиева, М.Ч. Джуртубаева [Мизиев, Джуртубаев 1994], М.Ч. Кучмезовой [Кучмезова 2003], А.Н. Болуровой [Болурова 2008] и др., чьи работы по этнографии и изучению устного народного творчества пролили свет на многообразие форм семейных отношений, их эволюцию и адаптацию к меняющимся условиям.

В отечественной этнографии изучены обряды, а также нормативные аспекты семьи и семейного быта карачаевцев и балкарцев, включая их историческое развитие. Особое внимание уделено традиционным формам брака, системе родства и наследования, а также роли старших в семье и обществе. Анализ семейно-обрядового фольклора в рамках фольклористики до сих пор не охватывает всех его разновидностей.

Свадебная обрядность выступает в роли своеобразного хранилища народной мудрости, накопленной за долгие столетия. Она также служит неоспоримым доказательством этнической истории и наглядно демонстрирует глубокие культурные связи, которые формировались веками в процессе взаимодействия с соседними народами. Свадьба – знаковое событие, один из важнейших обрядов, отмечающих переход человека на новый жизненный этап. В науке такие обряды называют «обрядами перехода». «Это наиболее яркое празднество в жизни человека, сопровождающее такое важное событие в его жизни, как вступление в брак, переход в новое, семейное состояние» [СОУНКЧ 1988: 3].

«В свадебных обычаях и обрядах переплелись действия, символы, вербальные формулы, возникновение которых относится к различным эпохам» [Кучмезова 2003: 92]. Они обогатили понимание карачаево-балкарской свадебной обрядности, добавив к ней новые ракурсы анализа. Проведенные полевые генеалогические исследования позволили собрать данные, на основе которых можно обобщить дореволюционную брачную статистику карачаевцев и балкарцев. Это, в свою очередь, дает возможность выявить тенденции в их брачной сфере, характерные для нескольких поколений.

М.Ч. Кудаяев в своей работе «Карачаево-балкарский свадебный обряд» высоко оценивает вклад Н.Ф. Грабовского, чьи исследования позволили сформировать более полное представление о балкарской свадьбе. Грабовский, несмотря на отдельные неточности, подробно описал ключевые элементы обряда: свадебный транспорт, знамя невесты, традиционную одежду, свадебную песню «*Орайда*», роль тамады, дружков жениха (*киеу жёнгерле*), музыкальные инструменты, брачный выкуп (*калым*), этапы знакомства юноши и девушки, приданое и свадебные бокалы.

Из работы И. Леонтьева М.Ч. Кудаяев рассмотрел следующие аспекты: этикет, свадебное застолье, размер калыма, музыкальные инструменты и формы приветствий [Кудаяев 1988: 5–6].

Их исследования, отличающиеся глубиной анализа, позволили выявить как универсальные закономерности развития семейных институтов, так и уникальные особенности, присущие различным этнокультурным группам.

Свадебный фольклор, обрядовые действия и традиции, сопровождающие бракосочетание у карачаевцев и балкарцев, могут варьироваться в зависимости от местности, проявляясь в специфических формах. Тем не менее, в своей совокупности карачаево-балкарская свадьба является однородным, общенародным феноменом, отражающим глубокие корни их самобытной культуры и бережное отношение к семейным ценностям. Каждый этап торжества, от сватовства до проводов невесты, наполнен символизмом, передаваемым из поколения в поколение, и служит не только формальным закреплением союза двух родов, но и мощным инструментом укрепления социальных связей и поддержания этнической идентичности.

Свадебные традиции представляют собой комплекс обычаев, которые сопровождают создание новой семьи. Этот комплекс охватывает этапы до, во время и после самой свадьбы. Через прочно утвердившиеся ритуалы народ выражает свои взгляды на семейные отношения, включая социальные, правовые, духовные, этнические и художественные аспекты. А красота и торжественность их проведения способствуют закреплению в сознании того, насколько важным и ответственным является происходящее.

Свадебные традиции, характеризующиеся своей обрядностью, являются универсальным явлением для всех народов. Эта обрядность, отражая социально-экономические и культурно-бытовые особенности общества, становится неотъемлемой частью его устоявшихся традиций. Ее дальнейшее развитие поддерживается самой традиционностью, что позволяет ей либо сохранять свою первозданность, либо интегрировать новые элементы. Эти элементы, проникая в ритуал, могут быть заимствованы из других культур, порождены технологическим прогрессом или же возникнуть как спонтанное выражение индивидуальности молодоженов. Однако, даже привнося новшества, свадебная обрядность стремится сохранить связь с прошлым, с корнями, обеспечивая тем самым преемственность поколений и укрепляя социальную структуру, аккумулируя привносимые новые элементы и сохраняя этническую идентичность. В этом диалектическом взаимодействии консерватизма и новаторства заключаются живучесть и адаптивность свадебных традиций, позволяющих им оставаться актуальными и значимыми в меняющемся современном мире.

Свадебные традиции карачаевцев и балкарцев обнаруживают множество параллелей с обычаями осетин, кабардинцев, черкесов, абазин, ногайцев, кумыков и других народов Кавказа. Эти общие черты включают в себя такие распространенные практики, как символическое похищение невесты, уплату калыма (выкупа за невесту), подготовку приданого, обмен подарками между семьями и совместное несение свадебных расходов.

Традиционная свадьба сопровождалась сложным и продолжительным комплексом обрядов, включавшим многократное сватовство, саму свадебную церемонию и последующие ритуальные действия. В прошлом сватовство не было единичным событием; к разным девушкам можно было свататься многократно. Это хорошо отражает карачаево-балкарская пословица: *«Къызны минг тилер да, бирге барыр. Жаш мингни тилер да, бирни алыр»* – «Девушку могут сватать тысячу раз, но замуж она выйдет лишь за одного. Парню же предстоит сватать тысячу девушек, чтобы в итоге выбрать одну».

По мнению А.Н. Болуровой, у карачаевцев существовало несколько форм заключения брака. Она отмечает, что в традиционном обществе браки заключались преимущественно двумя путями:

1. Сватовство с предварительным сговором: этот метод охватывал:

– Браки по сговору и с уплатой калыма: классическая форма, где семьи договаривались о браке и определяли размер выкупа за невесту.

– Левира́т и сорора́т: особые формы брака, связанные с наследованием супруга или супруги в случае смерти одного из них.

– Брак путем обмена невестами: взаимный обмен девушками между семьями.
2. Тайные браки (браки путем похищения): этот способ подразделялся на:
– Насильственное похищение (къачырыу): реальное похищение невесты против ее воли или воли ее семьи.

– Мнимое похищение (брак бугом / *джашыртын*): инсценировка похищения, часто с согласия невесты, для придания браку определенного статуса или избежания формальностей.

Обе эти формы помолвок были тесно интегрированы с браками, основанными на калыме [Болурова 2007: 44].

Согласно мнению исследователя, среди карачаевцев и балкарцев сохранялись пережитки института сорората, представлявшего собой брак вдовца с сестрой своей покойной жены. Также нередкими были случаи, когда два родных брата женились на единоутробных сестрах (практика, известная как «эки эгеч эки къарнашда»).

Существовали две «традиционные формы заключения брака – открытого сговора сторон и тайного умыкания» [СОУНКЧ 1988: 11]. «Вплоть до начала XX в. в договорном браке сохранились архаичные разновидности левират (от лат. *levir* «деверь, брат мужа»), когда вдова выходила замуж за брата покойного мужа, и сорорат (от лат. *sorog* «сестра»), когда вдовец женился на сестре покойной жены.

Рассматривается и третья разновидность договорного брака – «нареченный», когда детей обручали еще в малолетстве (при этом соглашение стариков имело «по адату, юридическое значение: когда дети подрастут, обязательство ими расторгнуто быть не может») [Болурова 2008: 10]. Эта форма имела название «*ауз бла бирбирине сѣз беруу*», что в буквальном переводе означает «словом отдать друг за друга», подчеркивая обмен устными обещаниями.

Исследователь Я.С. Смирнова представляет эволюцию кавказской традиционной свадебной обрядности шестью циклами:

- сватовство и сговор;
- перевоз невесты из родительского дома (выделяет как отдельный обряд или же оба обряда проводятся слитно);
- временное помещение жениха и невесты в промежуточных домах;
- считается центральным компонентом цикла, обрядность остается прежней.

Ослабление скрывания жениха и невесты;

- тайное посещение невесты в брачном доме;
- снятие запретов, связанное со скрыванием и избеганием, с тенденцией к упрощению обрядности [СОУНКЧ 1988: 17–18].

Исследуя старинные обычаи карачаево-балкарской свадьбы, М.Ч. Кудав в книге «Наследие предков» идентифицирует 21 структурный этап, составляющих основу свадебного процесса: «*таньшыу* «знакомство»; *келечиле* «сваты»; *киеу жѣнгер* «дружки жениха»; *жолугъуу* «встреча гостей с обеих сторон»; *къабакъ* «встреча друзей жениха со старшими со стороны невесты»; *сынау* «испытание дружков жениха»; *гитче той* «малая свадьба в доме невесты»; *келинни хазырлау* «подготовка невесты»; *от сынжыр* «прощание невесты с очагом родителей»; *келинни чыгъарыу* «вывод невесты»; *келинни тыйыу* «задержка невесты»; *келинни ашырыу* «проводы невесты»; *арбаз* «встреча невесты в доме жениха»; *уллу той* «большая свадьба в доме жениха»; *биринчи кече* «брачная ночь»; *от жагъа* «приобщение невесты к очагу»; *шаудан* «приобщение невесты к роднику»; *киеуню чакъырыу* «приглашение зятя в дом родителей»; *бий той* «княжеская свадьба»; *башиха миллетден келин* «смешанный брак»; *келинни къачырыу* «обряд избегания невесты» [Кудав 2023: 223].

В вопросе анализа структуры карачаево-балкарской свадебной обрядности отсутствует единое мнение относительно выделения ее этапов. Для данного события представляется более приемлемой трехчастная структура, включающая: досвадебные обряды, свадебные обряды и послесвадебные обряды.

К досвадебным обрядам относятся сватовство (*сёз тауусуу*), предполагающее установление сроков свадьбы, и умыкание невесты (*кьыз кьачырыу*). Похищение невесты, как правило, совершалось с ее добровольного согласия. Однако нередкими были случаи, когда это происходило против ее воли, и это вызывали осуждение со стороны общества.

Следующий этап – проведение собственно свадьбы, которая сопровождалась танцами и играми. Третий этап включает взаимное посещение родителями и близкими родственниками жениха и невесты друг друга, а также обряды избегания, практикуемые после свадьбы.

В исторической перспективе выбор брачного партнера традиционно находился под контролем родителей, причем семья жениха зачастую играла ведущую роль. Данное решение основывалось на тщательной оценке целого ряда факторов: репутации родов, их принадлежности к определенному «*тукьуму*», уровня материального достатка, а также личных достоинств как невесты, так и жениха. Свадьба между разными сословиями практически была невозможна.

Создание семьи в основном происходило через браки, которые требовали свободного согласия как самих вступающих в брак, так и их родителей. Эти браки подчинялись нормам обычного права и предусматривали обязательную уплату калыма.

Приданое (*юй керек*), собираемое невестой, и подарки (*берне*), которые она дарит семье жениха, в определенной степени пересекаются с институтом калыма.

Церемония бракосочетания (*неках*) проходила под руководством эфенди в присутствии свидетелей. Эфенди письменно фиксировал условия брака на арабском языке, после чего документ подписывался им и двумя-тремя приглашенными. После этого эфенди произносил проповедь, напутствуя пару на долгую и счастливую совместную жизнь.

Традиционная свадьба у балкарцев и карачаевцев представляла собой многогранный праздник. Он включал в себя искренние благопожелания (*алгышла*), задорные танцы (*той*), увлекательные игры (*той оюнла*), пословицы (*нарт сёзле*), поговорки (*нарт айтыула*) и, конечно же, исполнение свадебных песен «*Орайда*». Эти мелодии занимают особое место в народном свадебном обряде, являясь его неотъемлемой частью.

«О-орайда, О-о-орайда,
Келинибизни беригиз, кетген этебиз!
Сууукъдан, ашдан да кьырылдыкъ.
Беригиз, кетген этебиз.
О-орайда, О-о-орайда,
Хайда, сау кьалыгъыз, жанларым,
Тилегенибизни беригиз!
Келин келсин юйге огьур аякъ бла,
Чыкьгъан жеринде да огьур аякъ кьойсун!» [АНТЖЖ 1997: 146]

«О-орайда, О-о-орайда,
Невесту нашу отдайте, мы уезжаем!
От холода и от голода умираем.
Отдайте, мы уезжаем.
О-орайда, О-о-орайда
Отдайте нам, о чем мы просим!
Пусть невеста зайдет в дом с доброй ногой,
Из дома откуда вышла пусть оставит добрый след!» [АНТЖЖ 1997: 146].

Традиционно на свадьбах танцуют лишь два-три самых популярных танца: «*Тюз теңсеу*» (букв. «Прямой танец»), «*Тёгерек теңсеу*» («Круговой танец»), «*Абезех*» (парный танец). Массовые танцы не исполняются вовсе» [МТ 1994: 187].

На общественных сборищах действовало множество правил этикета, регулирующих поведение людей. Эти правила касались, праздников, свадеб, и других мероприятий. Неприемлемым считалось явиться на свадьбу в неопрятной одежде, что воспринималось как проявление неуважения к хозяевам и гостям. Также дурным тоном было жадно хватать еду. Отсюда и народная мудрость:

«Тойгъа барсанг, тоюп бар,
Эски тонунгу кююп бар»

«Когда идешь на пир, иди сытым,
Сбросив старую шубу» [МТ 1994: 190].

Таким образом, карачаево-балкарская свадьба, как и свадебные церемонии других кавказских этносов, может рассматриваться как необходимая часть традиционного культурного наследия, которое представляет собой сложный и многогранный комплекс обычаев, символизирующих переход юноши и девушки из родительских семей в новую общность, создание собственной ячейки общества, основанной на уважении, взаимопомощи и продолжении рода. Представленные материалы не охватывают всего многообразия обрядов, связанных с основными моментами свадебного цикла, например, вывод невесты из родительского дома и ввод ее в дом жениха; это только начальный этап изучения заданной темы. Дальнейшее исследование этих аспектов требует более глубокого погружения в фольклорный и этнографический материал и анализа архивных документов, позволяющих реконструировать и осмыслить всю полноту культурного значения данной церемонии трансформации. Для глубокого осмысления свадебной обрядности будет необходимо расширить исследовательское поле, опираясь на детальное рассмотрение реальных случаев, и их интерпретацию в контексте традиционной культуры.

Список источников и литературы

- АНТЖЖЭ – Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки). Нальчик: «Эльбрус», 1997. 343 с.
- Алейников 1880 – *Алейников М.* Обряды и обычаи карачаевцев на свадьбе и похоронах // Газ «Кубанские областные ведомости». Екатеринодар, 1880. № 7. С. 19.
- Болурова 2007 – *Болурова А.Н.* Брачный обряд у карачаевцев в XIX – начале XX века // Северокавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2007. С. 44–47.
- Болурова 2008 – *Болурова А.Н.* Семейно-бытовая культура карачаевцев в XIX – начале XX века: трансформация нормативной системы. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Нальчик, 2008. 26с.
- Дьячков-Тарасов 1898 – *Дьячков-Тарасов А.Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. 3–36.
- Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* (1807–1808) // «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XVIII вв.». Нальчик, 1974. 636 с.
- Кудаев 1988 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик: изд-во «Эльбрус», 1988. 128 с.
- Кудаев М.Ч. 2023 – *Кудаев М.Ч.* «Наследие предков» / Автор проекта, составитель и редактор Л. Жабелова. Нальчик: ООО. «Телеграф», 2023. 603 с.
- Кучмезова 2003 – *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: ЭльФа, 2003. 210 с.
- МТ 1994 – Минги Тау. Эльбрус. № 1 (53). М. Мизиев, М.Ч. Джуртубаев. История и духовная культура карачаево-балкарского народа. Нальчик: «Изд-во Эльбрус», 1994. 217 с.
- СОУНКЧ 1988 – Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое. Сборник научных трудов. Черкесск, 1988. 163 с.
- Шаманов 1979 – *Шаманов И.М.* Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX – начале XX в. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск: КНИИЭИЯЛ, 1979. С. 78–111.

References

- Algyshta, narth taurukhla, zhomakla, zhyrta, elberle* [Wishes, legends about narts, fairy tales, songs, riddles]. Nalchik "Elbrus," 1997. 343 p. (On the kar.-balk. and Russ. languages)
- ALEJNIKOV M. *Obryady` i oby`chai karachaevcev na svad`be i poxoronax* [Rituals and customs of the Karachays at weddings and funerals]. IN: Gaz «Kubanskije oblastny`e vedomosti». Ekaterinodar, 1880. №7. P.19. (In Russian)
- BOLUROVA A.N. *Brachny`j obryad u karachaevcev v XIX – nachale XX veka* [Marriage ceremony among the Karachays in the 19th and early 20th centuries]. IN: Severokavkazskij region. Obshhestvenny`e nauki. Speczvy`pusk. 2007. P. 44–47. (In Russian)
- BOLUROVA A.N. *Semejno-b`ggovaya kul`tura karachaevcev v XIX – nachale XX veka: transformaciya normativnoj sistemy`* [Family and community culture of the Karachays in the 19th – early 20th centuries: transformation of the normative system]. Avtoref. diss. na soiskanie uch. st. kand. istor. nauk. Nal`chik, 2008. 26 p. (In Russian)
- D`YACHKOV-TARASOV A.N. *Zametki o Karachae i karachaevcax* [Notes on Karachay and the Karachays]. IN: SMOMPK. Tiflis, 1898. Vyp. 25. P. 3–36. (In Russian)
- KLAPROT G.-YU. (1807–1808) // «*Ady`gi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov XSh-XVIP vv.*» [“A dyghe, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th-17th centuries”]. Nal`chik, 1974. 636 c. (In Russian)
- KUDAEV M.Ch. *Karachaevo-balkarskij svadebny`j obryad* [Karachay-Balkar wedding ceremony.]. Nal`chik: izd-vo «E`l`brus». 1988. 128 p. (In Russian)
- KUDAEV M.CH. «*Nasledie predkov*» [Heritage of Ancestors] / Avtor proekta, sostavitel` i redaktor L. Zhabelova. Nal`chik: OOO. «Telegraf», 2023. 603 p.
- KUCHMEZOVA M.Ch. *Socionormativnaya kul`tura balkarcev: tradicii i sovremennost* [Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity]. Nal`chik: E`l`Fa, 2003. 210 p. (In Russian)
- MINGI TAU. E`L`BRUS. № 1 (53). M. Miziev, M.Ch. Dzhurtubaev. *Istoriya i duxovnaya kul`tura karachaevo-balkarskogo naroda* [History and spiritual culture of the Karachay-Balkar people.]. Nal`chik «Izd-vo E`l`brus», 1994. 217 p. (In Russian)
- Svadebnaya obryadnost` u narodov Karachaevo-Cherkessii: tradicionnoe i novoe* [Wedding rituals among the peoples of Karachay-Cherkessia: traditional and new.]. Sbornik nauchny`x trudov. Cherkessk, 1988. 163 p. (In Russian)
- SHAMANOV I.M. *Brak i svadebny`e obryady` karachaevcev v XIX – nachale XX v.* [Marriage and wedding ceremonies of the Karachays in the 19th – early 20th centuries.]. IN: Arxeologiya i e`tnografiya Karachaevo-Cherkessii. Cherkessk KNIIE`IYaL. 1979. P. 78–111. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 398.34

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-162-172

**К ИСТОРИИ СБОРА, ПУБЛИКАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ
СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА
КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ**

Фаризат Хасановна Гулиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© Ф.Х. Гулиева, 2025

Аннотация. В статье предпринята попытка дать объективную оценку современного состояния и перспектив изучения одного из наиболее табуированных разделов карачаево-балкарского устного народного творчества – семейно-обрядового фольклора. Для достижения поставленной цели исследование велось по трем основным направлениям: осветить историю сбора и публикации соответствующих фольклорных текстов, изучить достижения предшественников по научному осмыслению накопленного эмпирического материала, выявить основные проблемы и пути их разрешения на данном этапе развития национальной фольклористики. Анализ доступного фольклорного материала и научно-теоретической литературы показал крайнюю неравномерность как в области фиксации и популяризации, так и в изучении текстов семейно-обрядового фольклора. Отмечено, что основной акцент в научных трудах делается на поэтические тексты, при этом интерес собирателей и исследователей был сконцентрирован главным образом на свадебных песнях *орайдала* и благопожеланиях *алгышла*. Намного меньше внимания было уделено песням-причитаниям *сарынла*, а произведений детского цикла (за исключением колыбельных песен) зафиксировано незначительное число, чем, по всей видимости, был обусловлен тот факт, что в большинстве научных работ они не рассматривались и даже не упоминались. Проведенное исследование выявило насущную необходимость восполнения имеющихся пробелов, более системного и углубленного изучения карачаево-балкарского семейно-обрядового фольклора.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, ритуал, текст, семейно-бытовая обрядность, фиксация, популяризация, исследование

Для цитирования: Гулиева Ф.Х. К истории сбора, публикации и изучения семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 162–172. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-162-172

Original article

**TO THE HISTORY OF COLLECTION, PUBLICATION
AND STUDY OF FAMILY-RITUAL FOLKLORE
OF THE KARACHAIS AND BALKARIANS**

Farizat H. Gulieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© F.H. Gulieva, 2025

Abstract. The article attempts to provide an objective assessment of the current state and prospects for studying one of the most taboo areas of karachay-balkarian oral folk creation – family-ritual folklore. To achieve this goal, the study focused on three main areas: elucidating the history of the collection and publication of relevant folklore texts, examining the achievements of predecessors in the scholarly interpretation of accumulated empirical material, identifying the main problems and solutions at the current stage of the development of national folklore studies. An analysis of available folklore material and the theoretical literature revealed extreme unevenness in both the recording and popularization, and study of family-ritual folklore texts. It is marked, that scholarly works primarily focus on poetic texts, while the interest of collectors and researchers has been concentrated mainly on wedding songs *oraidala* and good wishes *algyshla*. Significantly less attention has been paid to the lament songs *sarynla*, and only a small number of children’s works (except for lullabies) have been recorded, which likely explains, why most studies have not considered or even mentioned them. This study revealed an urgent need to fill these gaps and conduct a more systematic and in-depth researching of karachay-balkarian family-ritual folklore.

Keywords: karachay-balkarian folklore, ritual, text, family-everyday rituals, recording, popularization, research

For citation: Gulieva F.H. To the history of collection, publication and study of family-ritual folklore of the karachais and balkarians. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 162–172. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-162-172

Семейно-обрядовый фольклор представляет собой сегмент устной словесности, тесно связанный с бытом людей, религиозными воззрениями, менталитетом этноса, а также ритуалами, имевшими привязку к жизненным циклам человека, их смене («рождению, достижению зрелости, изменению общественного статуса, браку, смерти и погребению») [Сефербеков 2022: 360]. Традиционно в отечественной фольклористике внимание исследователей было сосредоточено главным образом на поэтических формах семейно-обрядового фольклора, приуроченных к свадебной и похоронно-поминальной обрядности [Обряды 1982; РНП 1984; Халилов 1985; Хамицаева 1985; Аджиев 2005: 149–171; Соколов 2007: 171–200], и лишь изредка анализировались образцы детского цикла [Налоев 1985: 79–84]. Другими словами, в науке в основном установилась практика суженного представления семейно-бытового приуроченного фольклора. Подобная исследовательская позиция представляется нецелесообразной в отношении устной словесности младописьменных народов, для которых проблема воссоздания их традиционной культуры высокоактуальна, вследствие чего любая информация по рассматриваемой теме составляет большую ценность. Исходя из этого, в поле исследования следует включить не только более крупные поэтические тексты, но и тексты малых жанров (поверья, табу, приметы, благопожелания и т.п.) и различные этнографические нарративы. Это положение справедливо и в применении к карачаево-балкарской фольклористике.

Основной целью данной статьи является анализ современного состояния и перспектив изучения карачаево-балкарского семейно-обрядового фольклора. Для этого необходимо осветить историю записи и публикации соответствующих образцов устной словесности, изучить достижения национальных исследователей по осмыслению накопленного фольклорного материала, выявить основные проблемы и пути их решения на современном этапе развития карачаево-балкарской гуманитаристики. Обратимся к более детальному анализу обозначенной проблемы.

Следует отметить, что в дореволюционный период фиксация образцов семейно-обрядового фольклора была совсем незначительна. Можно упомянуть лишь ряд связанных со смертью поверий, записанных В. Прёле в Карачае [КБФДЗП 1983: 294], и «Свадебные поздравления», опубликованные Н.П. Тульчинским в числе «Поэм, легенд, песен, сказок и пословиц горских татар Нальчикского округа Терской области» [ФКБЗП 2016: 235–236].

В советский период запись текстов устно-поэтического творчества приобрела научный, более системный характер благодаря открытию научно-исследовательских институтов в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Наиболее активный период их экспедиционной деятельности пришелся на 60–80-е гг. XX в., что позволило накопить значительный по объему и разнообразный по содержанию материал, который в дальнейшем послужил основой для подготовки и издания множества фольклорных сборников. К сожалению, в силу различных обстоятельств (политические, этические и эстетические соображения, недостаточная представленность текстов и т.п.) не все жанры получили в них полноценное отражение. Это касается и образцов семейно-обрядового фольклора. Остановимся на данном вопросе подробнее.

В вышедший в 1958 г. сборник «*Эски къарачай-малкъар джырла*» – «Старинные народные песни карачаевцев и балкарцев» вошли 1 свадебное благопожелание и 2 колыбельные песни [ЭКЪМДж 1958: 78–79; 81–82; 91–92]. 1 свадебное благопожелание и 1 колыбельная песня были включены и в издание «*Малкъар поэзияны антологиясы*» – «Антология балкарской поэзии» [МПА 1959: 91–93].

В антологии карачаевской поэзии «*Къарачай поэзияны антологиясы*» в 1965 г. были опубликованы 2 благопожелания [КЪПА 1965: 33–34; 74–76] и 2 колыбельные песни [КЪПА 1965: 34–35; 73–74].

В 1969 г. в Москве вышел в свет сборник «*Къарачай халкъ джырла*» – «Карачаевские народные песни». В числе прочих поэтических текстов в него вошли 3 свадебных благопожелания [КЪХДж 1969: 51–56] и 6 колыбельных песен [КЪХДж 1969: 121–126; 255–256].

В 1985 г. в издание «*Джетегейли – джети джулдуз*» – «Большая медведица» были включены 2 колыбельные песни [Ортабайланы 1985: 89–90].

В сборнике «*Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары*» – «Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев» в разделе «Мифологическая и семейно-обрядовая поэзия» даются 14 свадебных благопожеланий и 5 благопожеланий детского цикла, 6 текстов различной приуроченности, 8 текстов свадебного цикла, 17 колыбельных песен [МКЪХПЧ 1988: 172–257].

В 1996 г. в хрестоматии «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» в разделе, посвященном семейно-бытовой поэзии, были помещены 6 текстов различной приуроченности [КЪМФ 1996: 91–94], в то же время в разделе, отведенном под малые жанры фольклора, приводится 14 свадебных благопожеланий и 5 благопожеланий детского цикла [КЪМФ 1996: 380–392], а в разделе «Детский фольклор» даются тексты 17 колыбельных песен [КЪМФ 1996: 506–514]. Кроме того, в книгу вошел ряд текстов магического характера и этнографические рассказы, отражающие различные поверья, связанные с семейной обрядностью.

В 1997 г. в сборнике «*Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки» в раздел «Песни» вошли 2 свадебные песни *орайда* и 16 колыбельных песен [АНТЖЖЭ 1997: 146; 188–195], а в разделе «Пожелания» даны 16 свадебных благопожеланий, 5 благопожеланий детского цикла и 1 благопожелание по поводу первого выхода юноши на охоту [АНТЖЖЭ 1997: 305–319; 324].

1 свадебное благопожелание дается и в сборнике Абугали Узденова «*Сѣз халы кибикди...*» – «Слово – словно нить...» [Ёзденлени 2004: 94–97].

Некоторое количество коротких и более объемных обрядовых благопожеланий, произносимых по различным поводам (рождение ребенка, свадьба, похороны и т.д.), было опубликовано и в соответствующем разделе V тома «Свода карачаево-балкарского фольклора» – «Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев» [КЪМФС V 2022: 335–336; 345–353].

6 текстов свадебных благопожеланий вошло в сборник «*Къарачай-малкъар халкъ жырла бла таурухла*» – «Карачаево-балкарские народные песни и сказания» [КъМХЖТ 2023: 344–359].

Таким образом, проведенное исследование выявило, что образцы различных жанров семейно-обрядового фольклора представлены крайне неравномерно: наибольшего внимания удостоились свадебные песни и благопожелания, а также колыбельные песни. Довольно немного зафиксировано текстов, приуроченных к обрядам детского цикла, а также похоронно-поминальной обрядности, песни-причитания *сарынла* и вовсе отсутствуют в сборниках. Последнее обстоятельство обусловлено как этическими соображениями, так и трудностью их записи: «Вследствие традиционной этики представляет исключительную сложность и неудобство магнитофонная запись или запись от руки этих текстов. Причитают, в основном, когда умирает близкий человек или родственник, и появляться на похоронах с магнитофоном или блокнотом и ручкой весьма неудобно» [Малкондуев 2000: 55].

Что касается научного осмысления рассматриваемого сегмента карачаево-балкарской устной словесности, то и здесь еще остаются спорные и нерешенные вопросы.

Краткие сведения о семейно-обрядовых песнях карачаевцев и балкарцев встречаются в трудах Дм. Рогаль-Левицкого «Карачаевская народная песня» (1928) [ФКБЗП 2016: 486–490] и «Песенное творчество карачаевцев» (1928) [ФКБЗП 2016: 491–496].

Несмотря на то, что первые заметки появились еще в начале XX в., изучение семейно-обрядового фольклора с научных позиций началось лишь в конце прошлого столетия.

В этом плане следует обратить внимание на труды Т.М. Хаджиевой. Так, во вступительной статье к хрестоматии «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» [Хаджиланы 1996] в составе мифологической и обрядовой поэзии ученым выделена и группа *юйюр жашау бла байламлы поэзия* «семейно-обрядовая поэзия» [Хаджиланы 1996: 6]. Однако при дальнейшей характеристике автором не дается внутрижанровая классификация, поэтому остается непонятным, какие именно жанры в нее входят, в чем их отличительные черты, упоминается лишь свадебная поэзия. Тем не менее, заслуживает внимания наблюдение относительно трансформации функциональной роли ряда свадебных песен, их постепенном отделении от ритуала и возможности исполнения в любое время, без привязки к конкретному обряду [Хаджиланы 1996: 13]. В то же время в сегменте, посвященном малым жанрам карачаево-балкарского фольклора, ученый выделяет семейно-бытовые благопожелания, произносимые на свадьбах, курманлыках, при рождении ребенка и других торжественных мероприятиях [Хаджиланы 1996: 27], а также описывает табу (запреты) в сфере семейно-брачных отношений [Хаджиланы 1996: 28–29]. Все фольклорные произведения, связанные с детьми, рассматриваются ученым как детский фольклор [Хаджиланы 1996: 33–34] без дифференциации по принципу субъектности.

В другой своей работе, статье «Фольклор», подготовленной для фундаментального труда «Карачаевцы. Балкарцы», Т.М. Хаджиева включает в состав семейно-обрядовой поэзии свадебные песни и похоронные причитания (*сарын, сыйыт, джылау / жылау*) [Хаджиева 2014: 531–534]. Свадебные благопожелания вновь включаются автором в блок малых жанров фольклора [Хаджиева 2014: 575–576], а все произведения детского цикла рассматриваются как детский фольклор [Хаджиева 2014: 582–583].

Во введении к сборнику «*Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки» Т.Ш. Биттирова при классификации песен выделяет песни-причитания *сарнаула*, песни-благопожелания *алгыши жырла*, свадебные песни *орайдала*, колыбельные песни

бёлляула [Биттирланы 1997: 9], однако развернутая характеристика дана лишь свадебным песням и благопожеланиям [Биттирланы 1997: 13], а колыбельные песни рассматриваются в разделе «Детский фольклор» [Биттирланы 1997: 14].

Следует упомянуть и статью Р.А.-К. Ортабаевой «Карачаево-балкарские колыбельные песни в северо-кавказском фольклорном контексте», в которой они анализируются в соотношении с обычаями и ритуалами, приуроченными к рождению и воспитанию детей [Ортабаева 2001].

Однако наиболее весомый вклад в исследование семейно-обрядовой поэзии карачаевцев и балкарцев внес Х.Х. Малкондуев. В своей статье «Балкарцы и карачаевцы», подготовленной для тематического сборника «Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа» [Малкондуев 1985] автор дал краткую, но емкую характеристику жанровых форм приуроченной лирики. В монографиях «Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев» [Малкондуев 1996] и «Поэтика карачаево-балкарской народной лирики» [Малкондуев 2000] ученый уделил особое внимание специфике художественно-поэтического языка, сюжета и композиции песен-причитаний *сарын*, колыбельных песен *бешик жырыла*, песен любовного состязания между парнем и девушкой *айтышла*. Кроме того, автор провел сравнительный анализ песен-причитаний *сарын*, необрядовых песен-гореваний *кюй* и мифологических песен-плачей, что позволило выявить черты, позволяющие отграничить обрядовую разновидность песен скорби (бессюжетность, эмоциональная насыщенность и т.д.) [Малкондуев 2000: 107–114].

Несмотря на бесспорную ценность обозначенных трудов, нельзя сказать, что в них решены все проблемы, связанные с изучением семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев, что во многом обусловлено более узким пониманием данного термина. Объектом научного интереса в большинстве случаев стали именно поэтические тексты (песни), что оставило вне поля исследования менее крупные жанровые формы (благопожелания, поверья, приметы и табу, различные магические формулы и т.д.), являвшиеся неотъемлемой частью обрядов и ритуалов семейно-бытового характера. Данные обстоятельства позволяет признать актуальность и целесообразность более пристального изучения указанной области карачаево-балкарской устной словесности, а поскольку она неразрывно связана с обрядами и ритуалами, приуроченными к смене жизненных циклов человека, анализ текстов в отрыве от контекста был бы неполноценным. В решении данного вопроса значительным подспорьем могут послужить этнографические заметки и научные труды этнологов по данной теме. В этом ряду в первую очередь следует упомянуть публикации конца XIX – начала XX в. Так, в 1869 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах» Н.Ф. Грабовский опубликовал статью «Свадьба в горских обществах Кабардинского округа» [КБФДЗП 1983: 33–47]. В 1880 г. в «Кубанских областных ведомостях» вышла статья М. Алейникова «Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбах и похоронах» [КБФДЗП 1983: 428].

В рукописи Г.Ф. Чурсина «Карачаевцы», подготовленной по итогам путешествия на Кавказ летом 1914 г., в самостоятельные разделы выделены «Рождение ребенка и первые заботы», «Свадебные обряды», «Похоронные обычаи» [ФКБЗП 2016: 469–481].

Разрозненные упоминания и лаконичная характеристика семейно-бытовых обрядов содержатся в очерках М.К. Абаева [Биттирова, Сабанчиев 2017], публикациях Б. Шаханова [Биттирова 2018], Л.И. Лаврова [ФКБЗП 2016: 512–529] и др.

Более основательно карачаево-балкарская семейная обрядность была рассмотрена в этнографических исследованиях собирателей и популяризаторов карачаево-балкарской духовной культуры и научных трудах ученых-этнологов конца XX – начала XXI в. Значительный интерес в этом плане представляют статьи И.М. Шаманова «Свадебные обряды карачаевцев» [Шаманов 1988], «Обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка» [Шаманов 2014], Р.Т. Хатуева

«Похоронно-поминальная обрядность» [Хатуев 2014], монография М.Ч. Кучмезовой «Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность», в которой даются главы «Традиционные обряды детского цикла балкарцев», «Свадебная обрядность балкарцев», «Похоронные и поминальные обряды балкарцев» [Кучмезова 2003: 67–171], диссертации Л.Х. Боташевой «Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX – начало XX вв.» [Боташева 2002], А.Н. Болуровой «Семейно-бытовая культура карачаевцев в XIX – начале XX века: трансформация нормативной системы» [Болурова 2008].

В 2014 г. была опубликована двуязычная книга «*Къарачайны бир бёлек адетлери* (Некоторые обычаи Карачая)», включающая разделы о свадебных и похоронно-поминальных обрядах, бытовавших после принятия ислама [Алиев 2014: 52–62; 70–79; 82–88].

В 2023 г. вышло в свет издание «Мухтар Кудаяв. Наследие предков», куда в числе прочего этнографического материала вошли разделы «Старинная карачаево-балкарская свадьба», подробно расписывающая все этапы данного обрядового комплекса [Мухтар Кудаяв 2023: 223–274], и «Народная педагогика», характеризующая ритуалы и фольклор детского цикла [Мухтар Кудаяв 2023: 277–314].

Несмотря на значимость всех вышеперечисленных трудов, главным их недостатком с точки зрения фольклористики является незначительность числа или полное отсутствие в них текстов, сопровождавших ритуальную часть действия.

Таким образом, в связи со всем изложенным становится очевидной необходимость более расширенного и системного изучения семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев. Исходя из этого, при подготовке соответствующего тома «Свода карачаево-балкарского фольклора» составителям предстоит не только выявить и упорядочить уже накопленный материал по теме, но по возможности осуществить новые записи, отражающие, в том числе, и современное бытование обозначенного сегмента устной словесности. Кроме того, предстоит провести классификацию текстов с обозначением жанроразличительных критериев, а также дать характеристику выделенных разделов с привлечением этнографического и иллюстративного материала. В совокупности указанный комплекс работ позволит создать достоверное представление о карачаево-балкарском семейно-обрядовом фольклоре в его эволюционном развитии.

Список источников и литературы

Аджиев 2005 – *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. 428 с.

Алиев 2014 – *Алиев И.Б.* Къарачайны бир бёлек адетлери (Некоторые обычаи Карачая). Пятигорск: Снег, 2014. 96 с.

АНТЖЖЭ 1997 – Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ / жарашдыргъанла Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 б. (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.).

Биттирланы 1997 – *Биттирланы Т.Ш.* Ал сёз // Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ / китапны хазырлагъанла Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. Б. 3–22 (*Биттирова Т.Ш.* Введение // Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3–22).

Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 336 с.

Биттирова, Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. 224 с.

Болурова 2008 – *Болурова А.Н.* Семейно-бытовая культура карачаевцев в XIX – начале XX века: трансформация нормативной системы: дисс. ... канд. истор. наук. Карачаевск, 2008. 218 с.

Богашева 2002 – *Богашева Л.Х.* Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX – начало XX вв.: дисс. ... канд. истор. наук. М., 2002. 258 с.

Ёзденлени 2004 – *Ёзденлени А.* Сёз халы кибикди... М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2004. 264 б. (*Узденов А.* Слово – словно нить... М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2004. 264 с.).

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.

Кучмезова 2003 – *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 216 с.

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан, ал сёзюн жазгъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост., вступ. ст. Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

КъМФС V 2022 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёлден айтылгъан чыгъармачылыкларыны гитче жанрлары / жууаплы редактор Берберланы Б.А. Нальчик: Принт Центр, 2022. 412 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 5. Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев / отв. ред. Б.А. Берберов. Нальчик: Принт Центр, 2022. 412 с.).

КъМХЖ 2001 – Къарачай-малкъар халкъ жырла / жыйышдыргъан Отарланы О. Нальчик: Эльбрус, 2001. 216 б. (Карачаево-балкарские народные песни / сост. О. Отаров. Нальчик: Эльбрус, 2001. 216 с.).

КъМХЖТ 2023 – Къарачай-малкъар халкъ жырла бла таурухла / Тауырзаланы Д. жыйгъанды, басмагъа Джуртубайланы М. жарашдыргъанды. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2023. 412 б. (Карачаево-балкарские народные песни и сказания / собир. Д.М. Таумурзаев; сост., предисловие М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2023. 412 с.).

КъПА 1965 – Къарачай поэзияны антологиясы / джарашдыргъанла Акъбайланы М.О., Байрамукъланы Х.Б., Къагъыйланы Н.М. Ставрополь: Ставрополь китаб издательство, 1965. 424 б. (Антология карачаевской поэзии / сост. М.О. Акбаев, Х.Б. Байрамукова, Н.М. Кагиева. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1965. 424 с.).

КъХДж 1969 – Къарачай халкъ джырла / джарашдыргъанла Гочияланы С.А., Ортабайланы Р.А.-К., Сюйюнчланы Х.И. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1969. 276 б. (Карачаевские народные песни / сост. С.А. Гочияева, Р.А.-К. Ортабаева, Х.И. Суюнчев. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1969. 276 с.).

Малкондуев 1985 – *Малкондуев Х.Х.* Балкарцы и карачаевцы // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: сб. ст. / сост. А.М. Аджиев; отв. ред. Х.М. Халилов. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1985. С. 96–120.

Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Жанровые и художественно-поэтические традиции. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.

Малкондуев 2000 – *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX веков. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 320 с.

МКъХПЧ 1988 – Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары: Нарт эпос. Миф эм жашау-турмуш поэзия / жарашдыргъан Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 б. (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев: Нартский эпос. Мифологическая и обрядовая поэзия / сост., вступ. ст. Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 с.).

МПА 1959 – Малкъар поэзияны антологиясы / хазырлагъанла А. Бозиев, С. Отаров, А. Согтаев. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1959. 336 б. (Антология балкарской поэзии / сост. А.Ю. Бозиев, С.А. Отаров, А.Х. Согтаев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 336 с.).

Мухтар Кудает 2023 – Мухтар Кудает. Наследие предков / автор проекта, сост. Л. Жабелова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2023. 604 с.

Налоев 1985 – *Налоев З.М.* Адыги // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: сб. ст. / сост. А.М. Аджиев; отв. ред. Х.М. Халилов. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1985. С. 69–95.

Обряды 1982 – Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. В.К. Соколова. М.: Наука, 1982. 280 с.

Ортабаева 2001 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские колыбельные песни в северо-кавказском фольклорном контексте // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М.: Б.и., 2001. С. 286–299.

Ортабайланы 1985 – *Ортабайланы Р.А.-К.* Джетегейли – джети джуддуз. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бѐлюмю, 1985. 112 б. (*Ортабаева Р.А.-К.* Большая медведица. Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1985. 112 с.).

РНП 1984 – Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: сб. / сост. К. Чистов, Б. Чистова. Л.: Худож. лит., 1984. 528 с.

Сефербеков 2022 – *Сефербеков Р.И.* Семейно-бытовая обрядность народов Дагестана: историографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 360–375. DOI: 10/31143/2542-212X-2022-3-360-375. EDN: KIBLIS.

Соколов 2007 – *Соколов Ю.М.* Русский фольклор: учебное пособие. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

ФКБЗП 2016 – Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX в. / сост., вступ. ст. и комментарии А.И. Алиевой, Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. 544 с.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

Хаджиланы 1996 – *Хаджиланы Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачлыкълары // Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан, ал сѐзюн жазгъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37. (*Хаджиева Т.М.* Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев // Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост., вступ. ст. Т.М. Хаджиевой Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37).

Халилов 1985 – *Халилов Х.М.* Народы Дагестана // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: сб. ст. / сост. А.М. Аджиев; отв. ред. Х.М. Халилов. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1985. С. 28–68.

Хамицаева 1985 – *Хамицаева Т.А.* Осетины // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: сб. ст. / сост. А.М. Аджиев; отв. ред. Х.М. Халилов. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1985. С. 121–155.

Хатуев 2014 – *Хатуев Р.Т.* Похоронно-поминальная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 513–521.

Шаманов 1988 – *Шаманов И.М.* Свадебные обряды карачаевцев // Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкессии: традиционное и новое: сб. науч. трудов. Черкесск: Б.и., 1988. С. 25–67.

Шаманов 2014 – *Шаманов И.М.* Обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 474–486.

ЭкъМДж 1958 – Эски къарачай-малкъар джырла / джарашдыргъан Лайпанланы Х. Черкесск: Къарачай-черкес китаб издательство, 1958. 93 б. (Старинные народные песни карачаевцев и балкарцев / сост. Х.О. Лайпанов. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1958. 93 с.).

References

ADZHIEV A.M. *Ustnoye narodnoye tvorchestvo kumykov* [Oral folklore of the Kumyks]. Makhachkala: Printing house of the Dagestan scientific center of the Russian academy of sciences, 2005. 428 p. (In Russian)

ALIEV I.B. *K'arachajny bir byolek adetleri* [Some customs of Karachay]. Pyatigorsk: Snow, 2014. 96 p. (In Karachay and Russian)

Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrly, elberle... [Wishes, legends about narts, fairytales, songs, riddles...]: Readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Balkarian)

BITTIRLANY T.SH. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrly, elberle...* [Wishes, legends about narts, fairytales, songs, riddles...]: Readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. P. 3–22. (In Balkarian)

BITTIROVA T.SH. *Basiyat Shahanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and work (Research, texts)]. Nalchik: Printing yard, 2018. 336 p. (In Russian)

BITTIROVA T.SH., SABANCHIEV H.-M.A. *Misost Abaev: istorik, publicist, obshchestvennyj deyatel'* [Misost Abaev: historian, publicist, public figure]. Nalchik: Printing yard, 2017. 224 p. (In Russian)

BOLUROVA A.N. *Semejno-bytovaya kul'tura karachaevcev v XIX – nachale XX veka: transformaciya normativnoj sistemy* [Family and everyday culture of the Karachays in the 19th – early 20th centuries: transformation of the normative system: diss. ... of cand. of historical sciences. Karachayevsk, 2008. 218 p. (In Russian)

BOTASHEVA L.H. *Detskij cikel obychaev i obryadov u karachaevcev: konec XIX – nachalo XX vv.* [Children's cycle of customs and rituals among the Karachays: late 19th – early 20th centuries]: diss. ... of cand. of historical sciences. Moscow, 2002. 258 p. (In Russian)

YOZDENLENI A. *Syoz haly kibikdi...* [Word – like a thread...]. Moscow: Ileksa; Stavropol: Service-school, 2004. 264 p. (In Karachay)

Karachaevno-balkarskij fol'klor v dorevolucionnyh zapisyah i publikacijah [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary recordings and publications] / compiled, introductory article and commentary by A.I. Alieva; edited by T.M. Hadzhieva. Nalchik: Elbrus, 1983. 432 p. (In Russian)

KUCHMEZOVA M.CH. *Sotsionormativnaya kul'tura balkartsev: traditsii i sovremennost'* [Socionormative culture of the Balkarians: traditions and modernity]. Nalchik: El-Fa, 2003. 216 p. (In Russian)

K"arachaj-malk"ar fol'klor [Karachay-balkarian folklore]: Readings / compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 5-chi tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany kyolden ajtylg"an chyg"armachylyk"laryny gitche zhanrlary [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 5. Small genres of folklore of Karachays and Balkarians] / editor-in-chief B.A. Berberov. Nalchik: Print Center, 2022. 412 p. (In Karachay-Balkarian and Russian)

K"arachaj-malk"ar halk" zhyrly [Karachay-balkarian folk songs] / compiled by O. Otarov. Nalchik: Elbrus, 2001. 216 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachaj-malk"ar halk" zhyrly bla tauruhla [Karachay-balkarian folk songs and tales] / collected by D.M. Taumurzaev; compiled and foreword by M.Ch. Dzhurtubaev. Nalchik: M. and V. Kotlyarov's publishing house, 2023. 412 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachaj poeziyany antologiyasy [Anthology of karachay poetry] / compiled by M.O. Akbaev, H.B. Bayramukova, N.M. Kagieva. Stavropol: Stavropol book publishing house, 1965. 424 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachaj halk" dzhyrly [Karachay folk songs] / compiled by S.A. Gochiyaeva, R.A.-K. Ortabaeva, H.I. Suyunchev. M.: Science, Chief editor of eastern literature, 1969. 276 p. (In Karachay-Balkarian)

MALKONDUEV H.H. *Balkarcy i karachaevcy* [Balkarians and Karachais]. IN: *Semejno-obryadovaya poeziya narodov Severnogo Kavkaza* [Family-ritual poetry of the peoples of the North Caucasus]: collection of articles / compilation A.M. Adzhiev; editor-in-chief H.M. Halilov. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, 1985. P. 96–120. (In Russian)

MALKONDUEV H.H. *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachaevtsev* [Ritual and mythological poetry of Balkarians and Karachays]. Nalchik: El-Fa, 1996. 272 p. (In Russian)

MALKONDUEV H.H. *Poetika karachajevo-balkarskoy narodnoy liriki XVI–XIX vekov* [Poetics of karachay-balkarian folk lyrics of the XVIth–XIXth centuries]. Nalchik: El-Fa, 2000. 320 p. (In Russian)

Malk"arlylany bla k"arachajlylany halk" poeziya chyg"armachylyk"lary: Nart epos. Mifem zhashau-turmush poeziya [Folk poetry of the Balkarians and Karachays: Nart epos. Mythological and ritual poetry] / compiled and introduced by T.M. Hadzhieva. Nalchik: Elbrus, 1988. 304 p. (In Karachay-Balkarian)

Malk"ar poeziyany antologiyasy [Anthology of balkarian poetry] / compiled by A.Yu. Boziev, S.A. Otarov, A.H. Sottaev. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1959. 336 p. (In Karachay-Balkarian)

Muhtar Kudaev. Nasledie predkov [Muhtar Kudaev. The heritage of ancestors] / author of the project, compiler L. Zhabelova. Nalchik: Tetragraf, 2023. 604 p. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Adygi* [Adyghes]. IN: *Semejno-obryadovaya poeziya narodov Severnogo Kavkaza* [Family and ritual poetry of the peoples of the North Caucasus]: collection of articles / compiled by A.M. Adzhiev; editor-in-chief H.M. Halilov. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the USSR academy of sciences, 1985. P. 69–95. (In Russian)

Obryady i obryadovyy fol'klor [Rituals and ritual folklore] / editor-in-chief V.K. Sokolova. Moscow: Science, 1982. 280 p. (In Russian)

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevsko-balkarskie kolybel'nye pesni v severo-kavkazskom fol'klornom kontekste* [Karachay-balkarian lullabies in the North Caucasian folklore context]. IN: *Karachaevtsy i balkarцы: yazyk, etnografiya, arheologiya, fol'klor* [Karachays and Balkarians: language, ethnography, archaeology, folklore]. Moscow: Without publishing house, 2001. P. 286–299. (In Russian).

ORTABAJLANY R.A.-K. *Dzhetegeli – dzheti dzhulduz* [Ursa Major]. Cherkessk: Karachay-Cherkessian branch of the Stavropol book publishing house, 1985. 112 p. (In Karachay-Balkarian).

Russkaya narodnaya poeziya. Obryadovaya poeziya [Russian folk poetry. Ritual poetry]: collection / compiled by K. Chistov, B. Chistova. Leningrad: Fiction literature, 1984. 528 p. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Semejno-bytovaya obryadnost' narodov Dagestana: istoriograficheskij obzor* [Family and household rituals of the peoples in Dagestan: a historiographical review]. IN: *Kavkazologiya*. 2022. № 3. P. 360–375. DOI: 10/31143/2542-212X-2022-3-360-375. EDN: KIBLIS. (In Russian)

SOKOLOV YU.M. *Russkij fol'klor* [Russian folklore]: study guide. 3rd ed. Moscow: Moscow University Press, 2007. 544 p. (In Russian)

Fol'klor karachayevtsev i balkartsev v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – serediny XX v. [Folklore of the Karachays and Balkarians in records and publications of the XIXth – mid-XXth centuries] / compilation, introduction and commentary by A.I. Alieva, T.M. Hadzhieva. Nalchik: Elbrus, 2016. 544 p. (In Russian)

HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. P. 522–584. (In Russian)

HADZHILANY T.M. *Malk''arlylany bla k''arachaylylany khalk'' poeziya chyg''armachylyk''lary* [Folk poetic creativity of Balkarians and Karachays]. IN: *K''arachay-malk''ar fol'klor* [Karachay-balkarian folklore]: Readings / compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. Nalchik: El-Fa, 1996. P. 6–37. (In Karachay-Balkarian)

HALILOV H.M. *Narody Dagestana* [Peoples of Dagestan]. IN: *Semejno-obryadovaya poeziya narodov Severnogo Kavkaza* [Family-ritual poetry of the peoples of the North Caucasus]: Collection of articles / compiled by A.M. Adzhiev; editor-in-chief H.M. Halilov. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the USSR Academy of sciences, 1985. P. 28–68. (In Russian)

HAMICAEVA T.A. *Osetiny* [Ossetians]. IN: *Semejno-obryadovaya poeziya narodov Severnogo Kavkaza* [Family and ritual poetry of the peoples of the North Caucasus]: collection of articles / compiled by A.M. Adzhiev; editor-in-chief H.M. Halilov. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the USSR academy of sciences, 1985. P. 121–155. (In Russian)

HATUEV R.T. *Pohoronno-pominal'naya obryadnost'* [Funeral and memorial rituals]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. P. 513–521. (In Russian)

SHAMANOV I.M. *Svadebnye obryady karachaevcev* [Wedding rituals of the Karachays]. IN: *Svadebnaya obryadnost' u narodov Karachaevsko-Cherkessii: tradicionnoe i novoe* [Wedding rituals of the peoples of Karachay-Cherkessia: traditional and new: collection of scientific papers. Cherkessk: Without publishing house, 1988. P. 25–67. (In Russian)

SHAMANOV I.M. *Obryady, svyazannye s rozhdeniem i vospitaniem rebenka* [Rituals, associated with the birth and upbringing of a child]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. P. 474–486. (In Russian)

Eski k''arachaj-malk''ar dzhyrly [Ancient folk songs of the Karachays and Balkarians] / compiled by H.O. Laipanov. Cherkessk: Karachay-Cherkessian book publishing house, 1958. 93 p. (In Karachay-Balkarian)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

F.H. Gulieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 19.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 19.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 398.21
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-173-184

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ПЕСНИ-ПРИЧИТАНИЯ (САРЫНЛА) В СТРУКТУРЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Жаухар Магомедовна Локьяева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, lokyaeva.zh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

© Ж.М. Локьяева, 2025

Аннотация. Статья посвящена анализу карачаево-балкарских песен-причитаний (сарынла) как неотъемлемой части похоронно-поминальной обрядности, отражающей традиционные представления о жизни и смерти, культе предков и нравственном долге живых перед ушедшими. Материалом исследования послужили тексты песен-плачей из архива и фонотеки Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. В работе применены гносеологический, сравнительно-сопоставительный и историко-культурологический методы. Особое внимание уделено композиционно-поэтическим особенностям жанра: мотивам скорби и прощания, структуре обращения к умершему, формульной образности, системе эпитетов, а также функциональной роли женщины-плакальщицы (сарынчы) в структуре обряда. Проведенный анализ показывает, что песни-причитания выполняли ритуально-магическую и социально-регулятивную функции, закрепляя ценностные ориентиры, связанные с честью, долгом и родовой памятью. Они также способствовали трансляции духовно-культурных и этнолингвистических знаний. Отмечается значительная трансформация древнейшего комплекса похоронно-поминальной обрядности, связанная с изменениями в сфере религиозной и социально-общественной жизни карачаевцев и балкарцев. В то же время в современном бытовании наблюдается сохранение отдельных элементов данного жанра, продолжающих выполнять психотерапевтическую и коммуникативную функции в процессе переживания утраты. Полученные результаты могут найти применение при дальнейшем, более углубленном изучении духовной культуры карачаевцев и балкарцев и воссоздании картины эволюции похоронно-поминальной обрядности этноса.

Ключевые слова: песни-причитания, карачаевцы, балкарцы, похоронно-поминальная обрядность, женщина-плакальщица, социально-регулятивная функция, духовно-культурные ценности

Для цитирования: Локьяева Ж.М. Карачаево-балкарские песни-причитания (*сарынла*) в структуре похоронно-поминальной обрядности // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 173–184. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-173-184

Original article

KARACHAY-BALKARIAN LAMENT SONGS (SARYNLA) IN THE STRUCTURE OF FUNERAL AND MEMORIAL RITUALS

Zhauhar M. Lokyaeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, lokyaeva.zh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

© Zh.M. Lokyaeva, 2025

Abstract. The article is devoted to the analyzes of karachay-balkarian lament songs (*sarynla*) as an integral part of funeral and memorial rites, reflecting traditional notions of life and death, ancestor worship and the moral duty of the living to the departed. The research material consists of lament song texts from the archive and audiovisual library of the Institute of humanitarian researches of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences. The study employs epistemological, comparative, and historical-cultural methods. Particular attention is paid to the compositional and poetic features of the genre: motifs of grief and farewell, the structure of the address to the deceased, formulaic imagery, the system of epithets and the functional role of the female mourner (*sarynchy*) in the structure of the ritual. The analysis demonstrates, that lament songs served ritual-magical and socio-regulatory functions, reinforcing value orientations, associated with honor, duty and ancestral memory. They facilitated the dissemination of spiritual, cultural and ethnolinguistic knowledge. Significant transformations in the ancient complex of funeral and memorial rites, linked to changes in the religious and social life of the karachays and balkarians, have been observed. At the same time, individual elements of this genre persist in modern practice, continuing to serve psychotherapeutic and communicative functions in the grieving process. The results may be applied in further, more in-depth studies of the spiritual culture of karachays and balkarians and in reconstructing the evolution of funeral and memorial rites of this ethnic group.

Keywords: lament songs, karachays, balkarians, funeral and memorial rituals, female mourner, socio-regulatory function, spiritual and cultural values

For citation: Lokyaeva Zh.M. Karachay-balkarian lament songs (*sarynla*) in the structure of funeral and memorial rituals. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 173–184. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-173-184

Похоронно-поминальные обряды карачаевцев и балкарцев, аналогично ритуальным традициям многих народов, включают лирико-поэтическое сопровождение, представляющее собой устойчивый элемент духовной культуры, регулирующий эмоционально-ценностное восприятие смерти и социальное выражение коллективной памяти.

В народной традиции подобные произведения известны под различными названиями (*сарын* «песня-плач, причитание» [КъМТАС III 2005: 75], *сарнау* «рыдание, причитание, плач» [КъМТАС III 2005: 72–73], *сыйыт* «плач по умершему, оплакивание» [КъМТАС III 2005: 259], *жыляу* «плач» [КъМТАС I 1996: 907], *кюй* «грустная, печальная, унылая песня» [КъМТАС II 2002: 406], песня-горевание), что отражает региональные и диалектные особенности, а также нюансы локальной обрядовой практики.

Объектом изучения в данной статье стали обрядовые песни-причитания *сарыла*.

Следует отметить, что образцов данного жанра народной поэзии зафиксировано незначительное число, что во многом объясняется спецификой условий его бытования. «Скудность материала объясняется, видимо, и трудностью записи этого жанра народной поэзии. Если запись производится синхронно с похоронами, то непременно возникнут соответствующие помехи, связанные с неудобствами вторгаться в мир внутренних горестных переживаний исполнителя. Если же запись проводится *post factum* по просьбе собирателя, информатор ввиду условности ситуации часто не способен воспроизвести адекватный полноценный причет» [Табуга 2012: 81–82].

Несмотря на обозначенные сложности, в рукописном архиве и фоновидеотеке ИГИ КБНЦ РАН усилиями предыдущих поколений ученых-гуманитариев, писателей и журналистов, а также энтузиастов родной культуры был накоплен определенный эмпирический материал, позволяющий провести предварительный анализ. К сожалению, из этических и эстетических соображений, из-за ориентированности на широкую, в том числе детскую, аудиторию, а также ввиду слабой фиксации образцов рассматриваемого нами жанра, в фольклорных сборниках ранее подобные тексты не публиковались. Что касается их научного осмысления,

приходится констатировать, что в карачаево-балкарской фольклористике все еще нет серьезных обобщающих работ в этой области. В большинстве трудов данный сегмент устной словесности карачаевцев и балкарцев обходится стороной [Карачаева 1961; Ортабайланы 1987; Хаджиланы 1996; Биттирланы 1997; Холаев 1981; Урусбиева 2001 и др.]. Отдельные упоминания и краткая характеристика встречается в подготовленном Т.М. Хаджиевой разделе «Фольклор» в фундаментальном исследовании «Карачаевцы. Балкарцы» [Хаджиева 2014: 533–534].

Значительный вклад в сбор и изучение похоронно-поминальной лирики рассматриваемого этноса внес Х.Х. Малкондуев. В архиве ИГИ КБНЦ РАН отдельной папкой хранятся записанные им тексты [АИГИКБНЦРАН. П. 55], а в монографиях «Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев» [Малкондуев 1996] и «Поэтика карачаево-балкарской народной лирики» [Малкондуев 2000] данной теме посвящены соответствующие разделы.

Таким образом, становится очевидным, что на данный момент карачаево-балкарским фольклористам еще предстоит восполнить пробелы в составлении полноценной картины жанра. В связи с этим основная цель данной статьи заключается в обобщении и систематизации накопленного материала, выявлении основных проблем, связанных с изучением карачаево-балкарских песен-причитаний, и попытке их решения, а также их характеристике.

Песни-причитания (*сарынла*) представляют собой устоявшийся жанровый комплекс устной поэтико-музыкальной традиции, органически интегрированный в похоронно-поминальную обрядность карачаевцев и балкарцев. Их структура определяется ритуально-функциональными задачами: выражением коллективного чувства утраты, артикуляцией морально-этических норм и обеспечением сакральной завершенности перехода усопшего в иной мир. Данные произведения выполняют функции обращения к умершему, его родственникам, предкам и божественным силам, закрепляя социальные и культурные нормы поведения живых в контексте смерти.

Для обозначения обрядовых песен-причитаний в карачаево-балкарской фольклористике традиционно применяется термин *сарын*, который толкуется в словарях как «песня-плач, причитание» [КъМТАС III 2005: 75]. В то же время следует отметить, что в устной традиции других тюркских народов он может иметь иное семантическое наполнение. Так, к примеру, «кумыкские сарыны – это в большинстве своем любовные четверостишия, в которых через изображение силы любви, любовных страданий и т.п. показаны перипетии социальной борьбы, быт народа, его философия» [Аджиев 2005: 260]. Таким образом, наблюдается заметное расхождение в функционально-семантическом поле термина: если у карачаевцев и балкарцев «сарын» обозначает плач-причитание, связанное с ритуальной сферой, то у кумыков он отражает лирико-бытовую поэзию. Подобное различие, по всей вероятности, обусловлено тем, что «в процессе развития уже в отдаленных друг от друга этнических группах, у разных народов термин “сарын”, по-видимому, вбирал из синкретического фольклора не совсем одинаковый материал, в его исторической эволюции были свои этнокультурные особенности [Аджиев 2005: 251].

Исследуя фольклор народов Дагестана, Х.М. Халилов отмечает, что «по сравнению с другими жанрами устного народного творчества похоронные плачи оказались более устойчивыми и донесли до нас значительный фольклорно-исторический материал. В похоронных плачах отразились элементы древних обычаев и верований, своеобразное народное мышление, специфическая система образов и характерная символика» [Халилов 1985: 50–51]. Это наблюдение представляется важным и в отношении карачаево-балкарских песен-причитаний, в которых также сохраняются архаические формы обрядового поведения, элементы мифопоэтического сознания и традиционные представления о соотношении жизни и смерти. Устойчивость жанра обусловлена его глубинной связью с ритуальной практикой

и функцией коллективного переживания утраты, что обеспечило его длительное существование и культурную значимость в народной среде.

Жанр песен-причитаний сохраняется преимущественно в сообществах с тесными семейными и общинными связями, где похоронные ритуалы обладают сакральным характером.

Архаическая основа жанра связана с мифологическими представлениями о жизни и смерти, культом предков. «Умерший продолжал жить и даже более активной жизнью, нежели он был раньше, покойник вмешивался в отношения живых людей, помогал им или наоборот вредил своим поведением. Отсюда возникла потребность установить контакт с умершим, расположить его в свою пользу. Похоронный обряд и выполнял функции этого договора. Обряд имел, безусловно, магическое значение. Со временем похоронный обряд утратил магическое значение, а плачи, словесно оформлявшие обряд, стали выражать более реалистические и жизненные представления народа. Плачи приобрели характер семейно-бытовой поэзии, где личное горе, в связи с потерей близкого человека, безотрадное положение вдов и сирот и тому подобные мотивы стали главными» [Базанов 1943: 25]. Трансформация похоронно-поминальной обрядности была связана в том числе и с изменениями в религиозной сфере. Если влияние христианства способствовало сохранению архаических форм, то с исламизацией региона (XIV–XV вв.) магико-ритуальный компонент песен-причитаний подвергается редукции, одновременно усиливается религиозно-нравственное содержание. Еще Г.Ф. Чурсин в своей рукописи «Карачаевцы», написанной после поездки на Кавказ летом 1914 г. и хранящейся в архиве Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН, отмечал: «В похоронных обычаях карачаевцев сохранилось сравнительно немного отголосков древнего быта и верований. Очевидно, мусульманское духовенство ревностно искореняло обычаи, на которых лежала печать язычества» [ФКБЗП 2016: 481]. Вследствие этого в современной обрядовой практике песни-причитания постепенно вытесняются молитвенной деятельностью, в результате чего катарсическая функция коллективного выражения скорби ослабевает, отдельные элементы жанра сохраняются преимущественно в сельских сообществах, где коллективное исполнение уступает место индивидуальному выражению скорби. Тем не менее, песни-причитания продолжают служить маркером этнокультурной идентичности и средством сохранения историко-культурной памяти, обеспечивая эмоциональную поддержку, социальное регулирование и преемственность моральных норм.

Необходимо обозначить, что изначально функциональный спектр песен-причитаний был значительно более многоплановым и включал следующие компоненты:

- 1) ритуально-магическая функция – сопровождение перехода души умершего и обращение к предкам;
- 2) мемориальная функция – фиксация и сохранение информации о покойном;
- 3) нормативно-этическая функция – закрепление моделей должного поведения;
- 4) катарсическая функция – коллективная эмоциональная разрядка;
- 5) коммуникативная функция – координация действий участников обряда и поддержка межпоколенных связей;
- 6) интегративная функция – консолидация коллективной идентичности и обеспечение культурной преемственности.

Эта многоуровневая функциональность реализовалась прежде всего через исполнение песен-причитаний женщинами-плакальщицами (*сарынчы*), которые выступали сакральными медиаторами между мирами и объединяли эмоциональную экспрессию с поэтической регламентацией. В данной ситуации плакальщица выполняла двойную функцию: с одной стороны, она выражала личное чувство

утраты, с другой – транслировала коллективное горе, что полностью соответствует ритуальной роли жанра.

Композиция песен строилась на формульных обращениях, рефренах, параллелизмах и интонационно-музыкальных приемах, обеспечивавших художественную выразительность и выполнявших нормативно-регулирующую функцию.

Эмоционально-поэтическая регламентация исполнения песен-причитаний непосредственно проявляется в содержательном строе произведений, который формируется системой устойчивых эпитетов типа «*оу, оу, оу болгъан жарлы*» – «умерший (досл.: пришедший в негодность) несчастный», «*ой ашамай, жашамай, эртте кетген жазыкъ*» – «ой, не поев, не пожив, рано ушедший бедолага», «*факъырым, жангызым, жазыгъым*» – «мой бедный, мой единственный, мой несчастный», которые превращают внутренний монолог плакальщицы в коллективно разделяемый опыт скорби.

Как отмечал исследователь карачаево-балкарского фольклора Х.Х. Малкондуев, «среди песен-причитаний почти невозможно найти песни с сюжетной ситуацией; сюжетность растворяется в тексте, а бессюжетный повествовательный элемент выражается лексическим параллелизмом, метафорикой и апострофой» [Малкондуев 1996: 170]. Это наблюдение подчеркивает, что художественная структура жанра ориентирована прежде всего на реализацию эмоционально-регулятивной и ритуальной функций, а не на развитие сюжетной линии, что является одной из главных жанроразличительных черт рассматриваемой разновидности лирики скорби.

Бессюжетный характер текстов непосредственно проявляется в их языковых и стилистических особенностях. Песни-причитания характеризуются протяжностью формы исполнения, обилием междометий («*ой*», «*ай*», «*оу*», «*уой-уой*» и др.), активным использованием аллитераций, рефрена, анафоры и богатством метафорического строя. В текстах практически отсутствуют имена умерших и их ближайших родственников; вместо антропонимов используются устойчивые эпитеты и метафорические обращения (*мени жарлым* «мой бедный», *мени алтыным* «мой золотой», *мени жангызым* «мой единственный» и т.п.).

В более поздних образцах появляются обращения, отражающие представления о продолжении жизни умерших в загробном мире, при этом акцент смещается на страдания оставшихся на земле: «*Мени къююп нек кетдин?!*» – «Меня оставив, почему ты ушел?!», «*Ананг чыкъгъан болур аллынга...*» – «Вероятно, твоя мать вышла тебе навстречу...», «*Оу анам, оу анам, оу анам, не этейим мен жарлы?*» – «Оу, мать моя, оу, мать моя, оу, мать моя, что делать мне несчастной?», «*Оу, атам жарлы, жашыны аллына чабып чыкъгъан болур...*» – «Оу, отец мой бедный, наверное, выбежал навстречу к сыну...» и др. В текст, наряду с обращениями к усопшему, начинают включаться реплики, адресованные его домочадцам, родственникам:

*Оу онгмагъан келиним,
Санга жылайма, жарлы.
Юйюнгю башы тюшгенди, къурурукъ.
От жагъанг бир аман сууугъанды, къурурукъ.
Оу, оу, оу* [Малкондуев 1996: 219].

Оу, невезучая невестка моя,
О тебе плачу, несчастная.
Твоего дома крыша обрушилась, проКлятая (букв.: обреченная исчезнуть).
Очаг твой так сильно остыл, проКлятая.
Оу, оу, оу.

Анализ подобных текстов демонстрирует, что песни-причитания сарынла одновременно отражают традиционные ритуальные нормы и импровизационное мастерство исполнительниц. Плакальщицы *сарынчыла* умело сочетали строгость жанровой регламентации с личным эмоциональным выражением, что позволяло сохранять этнокультурную аутентичность и художественную целостность песен.

*Ашамай, жашамай кетген ёлю,
Къара жерде жатхан ёлю,
Арбазын мутхуз этген ёлю,
Къатынына къара кийдирген ёлю,
Сабийлерин ёксюз этген ёлю,
Эгечлерин сарнатхан ёлю,
Къолланы, бетлени къан этген ёлю,
Тапхан анасын кюйдюрген ёлю,
Тохананы къарангы этген ёлю* [ФВИГИКБНЦРАН. Касс. 36. Зап. 14].

Не поев, не пожив [в свое удовольствие] ушедший покойник,
В черной земле лежащий покойник,
Двор свой омрачивший [своей кончиной] покойник,
Жену свою облачивший в черное покойник,
Детей своих осиротивший покойник,
Сестер своих стонать заставивший покойник,
Руки и лица в кровь окрасивший покойник,
Родившую его мать [скорбью] сжигающий покойник,
Дом своей смертью омрачивший покойник.

Анализ данного текста показывает, что песни-причитания строятся на принципах повторяемости и параллелизма, что усиливает эмоциональное воздействие на участников обряда. Каждая строка фиксирует конкретные последствия кончины покойного для близких и окружающего мира, превращая личную утрату в коллективно разделяемый опыт скорби. Использование устойчивых эпитетов и метафорических оборотов («покойник», «омрачивший», «скорбью сжигающий») обеспечивает одновременно ритуальную корректность текста и художественную выразительность.

Как справедливо отмечает абхазский исследователь С.А. Табагуа, «в причитаниях обычно перечисляются бытовые подробности из жизни умершего, через которые раскрываются самобытные национальные черты народа» [Табагуа 2012: 82]. Данное наблюдение представляется методологически значимым и в контексте исследования карачаево-балкарских песен-причитаний. В их структуре также прослеживается тенденция к детализированному воспроизведению жизненных реалий, связанных с трудовой деятельностью, семейными отношениями и социальным положением покойного. Эти элементы не только усиливают эмоциональную выразительность текста, но и выполняют важную этнокультурную функцию – фиксируют особенности национального быта, нравственных установок и коллективных представлений о должном поведении человека в жизненном и посмертном цикле. Таким образом, индивидуально-бытовые мотивы в причитаниях выступают как носители памяти рода и одновременно как форма художественного осмысления культурной идентичности.

Особое значение в песнях-причитаниях имел импровизационный элемент исполнения: плакальщица, находясь в состоянии интенсивного эмоционального напряжения, адаптировала формулы под конкретный контекст, создавая уникальный текст, который сочетал личное чувство утраты с коллективной памятью, закрепляя культурно-социальные и ритуальные нормы. Эта специфика жанра тесно связана

с традиционными представлениями о смерти и культе предков, в которых кончина рассматривается как переход в иной мир, а также сохранение духовной связи с умершими. Еще 20–30 лет назад импровизированные песни-причитания занимали центральное место в ритуале, выполняя одновременно художественно-эстетическую и психотерапевтическую функции: слушатели через слезы разделяли общую скорбь и снимали внутреннее напряжение. Этнографические наблюдения М.Ч. Кучмезовой показывают, что у балкарцев со временем сложилось представление о том, что чрезмерный плач может быть вреден для усопшего. Считалось, что слезы, орошающие землю (особенно слезы матери), делают могилу влажной, и душа умершего лишается покоя. Поэтому плачущих увещивают словами *сабыр бол* «будь терпелива», *ёлкню кьыйнама* «не мучай покойника» [Кучмезова 2003: 141].

Таким образом, эмоциональная разрядка через плач была сопряжена с социальными и религиозными нормами, регулировавшими как форму, так и степень внешнего проявления скорби. В культурологическом контексте это демонстрирует существование устойчивого механизма, через который коллективные представления о смерти и загробной жизни влияют на индивидуальные эмоциональные реакции.

В современной похоронной обрядности, под влиянием религиозных предписаний, выражение скорби посредством песен-причитаний (*сарынла*) постепенно вытесняется чтением молитв. Однако далеко не каждый способен мобилизовать внутренние ресурсы для сдерживания слез и сосредоточенного молитвенного обращения, особенно в условиях интенсивного психоэмоционального стресса. Это подчеркивает значимость роли песен-причитаний как механизма эмоциональной разрядки и коллективного переживания утраты. Важным является то, что данная практика отражает универсальный психоэмоциональный феномен: чрезмерная эмоциональная нагрузка способна трансформироваться в длительное психосоматическое напряжение. Балкарская традиция, регулируя проявление скорби с помощью ритуальных установлений, демонстрировала попытку гармонизировать индивидуальное эмоциональное переживание с требованиями сообщества, создавая баланс между личным горем и социально-религиозными ожиданиями.

Наибольшая интенсивность исполнения песен-причитаний приходилась на первые дни после смерти, когда эмоциональное напряжение и коллективное переживание утраты оставалось наиболее высоким. Как отмечал Х.Х. Малкондуев, «наиболее активно исполнялись причитания-сарыны в первые три дня, называемые “*кезиулю сарнау*” – “своевременный плач”. Причитания, исполнявшиеся позже, назывались “*кезиусюз сарнау*” – “несвоевременный плач”» [Малкондуев 2000: 58]. Особое место в этих обрядовых нормах занимали женские причитания. Мужчинам традиционно не разрешалось открыто проявлять горе: от них ожидалась стойкость, сравнимая с нерушимостью гор. Вероятно, именно поэтому практически отсутствуют причитания, созданные братьями, мужьями или сыновьями. В этом контексте женские причитания можно рассматривать как уникальный инструмент, через который коллективные представления о смерти, загробной жизни и социальной морали воплощаются в практическом действии.

Значительную долю в карачаево-балкарских обрядовых причитаниях составляют песни сестер, потерявших братьев, в которых они изливали свое горе, воспевая их доблесть, судьбу и добрые дела. Безутешные женщины оплакивали близких длительное время, иногда возвращаясь к одним и тем же песням из года в год, словно поддерживая живую связь с ушедшими:

Оу, оу, оу!
Оу кюнюм болгъан, мен жарлы,
Къайры къачайым, къайры батайым, мен жарлы?
Оу, жангызымы къабып къалдым да!

*Аягы бла келип, сырты бла баргъан,
Оу, факъыр, факъыр, а дейме,
Сыртындан жарылсын эгечинг, дейме,
Иги ёлюп, аман къалады, дейме,
Оу, оу, оу болгъан жанынг, дейме,
Жарыкъ дуниям батханды, дейме.
Алтын ондуругъум жуалгъанды, дейме.
Жарыкъ жаннган жулдузум ёчюлгенди, дейме*

[ФВИГИКБНЦРАН. Касс. 36. Зап. 14].

Оу, оу, оу!
Несчастный мой день, несчастная я,
Куда мне бежать, где укрыться, мне несчастной?
Оу, с единственным своим [братом] покончив, я осталась!
Ногами пришедший, на спине ушедший,
Оу, бедный, бедный, говорю.
Пусть по спине треснет [надвое] твоя сестра, говорю,
Хороший умерев, плохой остается, говорю,
Оу, оу, оборвавшаяся твоя жизнь, говорю.
Мой яркий мир померк, говорю.
Моя золотая кровать разломалась, говорю.
Ярко сиявшая звезда моя погасла, говорю.

Приведенная песня является типичным примером женского ритуального причитания балкарцев и карачаевцев. Структура произведения также построена на повторяемости и параллелизме: каждая строка эмоционально насыщена и содержит обращение к умершему или к высшим силам. Повтор междометий «оу» выполняет ритмическую и сакральную функцию, усиливая выразительность горя. Мотив «ногами пришедший, на спине ушедший» отражает представление о переходе умершего из мира живых в мир предков. Метафоры «разломанная кровать» и «погасшая звезда» символизируют разрушение семейного и космического порядка, подчеркивая, что смерть брата воспринимается как событие, влияющее на весь круг родовых и социальных связей. Данное причитание одновременно выполняет несколько функций: психологическую (эмоциональная разрядка и переработка горя), социальную (регулирование поведения участников обряда) и сакральную (поддержание связи с умершими и сохранение культурной памяти).

Подобные тексты представляют собой не только памятники устной традиции, но и ценный источник для изучения культурных представлений народа о долге, любви, семейных и родовых связях, а также об отношениях между живыми и умершими:

*Оу, оу, оу, оу, оу!
Жангыз жулдузум, къалай бла ёчюлдюнг?
Жангыз къалабыз, къалай бла оюлдунг?
Жангыз чигинжибиз, къалай бла аудунг? [Малкондуев 2000: 63].*

Оу, оу, оу, оу, оу!
Единственная моя звезда, как ты погас?
Единственная наша крепость, как ты обрушился?
Единственная наша опора, как ты упал?

Указанные строки песни-причитания в полной мере отражают интенсивность и глубину сестринской скорби. Повторы и метафоры подчеркивают трагическое

чувство утраты, акцентируя уникальное положение умершего брата в жизни семьи. Художественные образы «звезда», «крепость», «опора» символизируют его незаменимость, роль защитника и хранителя очага, что особенно важно в контексте традиционных представлений о семье и наследии. Через такие строки сестры не только выражали личное горе, но и актуализировали коллективное чувство потери, закрепляя социальные и обрядовые нормы, связанные с оплакиванием близких, и обозначая ответственность родственников за поддержание памяти и сохранения духовного наследия.

Особенно ярко в содержании и исполнении песен-причитаний проявляются возрастные различия. Следует отметить, что в среде карачаевцев и балкарцев было не принято оплакивать детей (особенно младенцев) и умалишенных, поскольку считалось, что их души безгрешны и попадут сразу в рай, что нашло выражение в формуле соболезнования *Жаннет чыпчыгъы болсун!* «Пусть станет райской птицей!».

В противовес этому похороны молодых людей характеризовались повышенной эмоциональной интенсивностью, драматизмом и насыщенностью выражения горя. В текстах фиксируются повторяющиеся слова и устойчивые фразы, подчеркивающие незавершенность жизни и несправедливость утраты («*Замансыз кетдинг, харип*» – «Слишком рано ушел [ты], бедный»; «*Толмадыла умутларынг*» – «Не сбылись твои мечты»). Наиболее ярко это проявляется в плачах сестер, которые потеряли братьев, не успевших создать семьи. Такая ситуация воспринималась как «двойной удар» для родни: прекращение семейного рода символизировалось как погасший очаг, что усиливало эмоциональный.

*Ах, басхыч тутар адамы болмагъан!
Ызындан къарар адамы болмагъан!
Тыпырында къалыр адамы болмагъан!
Журтунда турур адамы болмагъан* [Малкондуев 2000: 64].

Ах, тот, чьи носилки держать некому!
Ах, тот, у кого нет человека, который смотрел бы ему вслед!
Тот, у кого нет человека, который бы остался у его очага!
Тот, у кого нет человека, который бы жил в его доме!

Исполнение подобных причитаний отличалось медленным темпом, протяжными интонациями и использованием повторяющихся рефренов, что усиливало драматический эффект. Символические образы контрастируют светлую юность с темным концом, повышая эмоциональное воздействие на слушателей. Такие образцы могли включать в себя элементы нравоучения и предостережения, направленные на осмысление ценности жизни, укрепление социальных связей и заботу о близких, а также элементы ритуального очищения и обращения к высшим силам за защитой оставшихся в живых.

Таким образом, проведенное исследование показало, что песни-причитания *сарынла* представляют собой устойчивый и многофункциональный институт устной культуры, соединявший эмоциональное переживание утраты, ритуальное действие и социальное регулирование. Их изучение позволяет глубже понять механизмы взаимодействия обрядовой, эмоциональной и нормативно-регулятивной сфер в карачаево-балкарском сообществе и выявить значимость вербальных практик для сохранения этнокультурной идентичности в условиях исторических и социальных трансформаций.

Список источников и литературы

Аджиев 2005 – *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 428 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Базанов 1943 – *Базанов В.Г.* Поэзия Печоры. Коми: Комигосиздат, 1943. 75 с.

Биттирланы 1997 – Биттирланы Т.Ш. Ал сёз // Алгышшла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ / китапны хазырлагъанла Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. Б. 3–22 (Биттирова Т.Ш. Введение // Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3–22).

Караева 1961 – *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1961. 62 с.

Кучмезова 2003 – *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 216 с.

КъМТАС I 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.

КъМТАС II 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1171 с.

КъМТАС III 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-фа, 2005. 1159 с.

Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Жанровые и художественно-поэтические традиции. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.

Малкондуев 2000 – *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX веков. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 320 с.

Ортабайланы 1987 – *Ортабайланы Р.А.* Къарачай-малкъар фольклорну юсюнден // Къарачай-малкъар фольклор. Нарт таурухла, айтыула, хапарла, джомакъла. Черкесск: Ставрополь китап басманы Къарачай-Черкес бёлюмю, 1987. Б. 4–11 (*Ортабаева Р.А.-К.* О карачаево-балкарском фольклоре // Карачаево-балкарский фольклор. Нартские сказания, легенды, новеллы, сказки. Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. С. 4–11).

Табагуа 2012 – *Табагуа С.А.* Обряды и обрядовый фольклор (сравнительно-исторический аспект). Сухум: АГУ, 2012. 109 с.

Урусбиева 2001 – *Урусбиева Ф.А.* Избранные труды: очерки, эссе, статьи. Нальчик: Эльбрус, 2001. 176 с.

ФВИГИКБНЦРАН – Фонотека Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

ФКБЗП 2016 – Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX в. / сост., вступ. ст. и комментарии А.И. Алиевой, Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. 544 с.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

Хаджиланы 1996 – *Хаджиланы Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары // Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан, ал сёзюн жазгъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Хаджиева Т.М. Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев // Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37).

Халилов 1985 – *Халилов Х.М.* Народы Дагестана // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: сб. ст. / сост. А.М. Аджиев; отв. ред. Х.М. Халилов. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1985. С. 28–68.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

References

ADZHIYEV A.M. *Ustnoye narodnoye tvorchestvo kumykov* [Oral folklore of the Kumyks]. Makhachkala: Printing house of the Dagestan scientific center of the Russian academy of sciences, 428 p. (In Russian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the humanities research of Kabardian-Balkarian scientific center]. (In Karachay-Balkarian)

BAZANOV V.G. *Poeziya Pechory* [Poetry of Pechora]. Komi: Komigosizdat, 1943. 75 p. (In Russian)

BITTIRLANY T.SH. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyr-la, elberle...* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: Readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. P. 3–22. (In Balkarian)

KARAEVA A.I. *O fol'klornom nasledii karachaevo-balkarskogo naroda* [About the folklore heritage of the karachay-balkarian people]. Cherkessk: Karachay-Cherkessian book publishing house, 1961. 62 p. (In Russian)

KUCHMEZOVA M.CH. *Sotsionormativnaya kul'tura balkartsev: traditsii i sovremennost'* [Socionormative culture of the Balkarians: traditions and modernity]. Nalchik: El-Fa, 2003. 216 p. (In Russian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. I. A–Zh. Nalchik: El-Fa, 1996. 1019 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. II. Z–R. Nalchik: El-Fa, 2002. 1171 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. III. S–Ya. Nalchik: El-Fa, 2005. 1159 p. (In Karachay-Balkarian)

MALKONDUEV H.H. *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachaevtsev* [Ritual and mythological poetry of Balkarians and Karachays]. Nalchik: El-Fa, 1996. 272 p. (In Russian)

MALKONDUYEV H.H. *Poetika karachayevo-balkarskoy narodnoy liriki XVI–XIX vekov* [Poetics of karachay-balkarian folk lyrics of the XVIth–XIXth centuries]. Nalchik: El-Fa, 2000. 320 p. (In Russian)

ORTABAYLANY R.A. *K"arachaj-malk"ar fol'klornu yusyunden* [About karachay-balkarian folklore]. IN: *K"arachaj-malk"ar fol'klor. Nart tauruhla, ajtyula, haparla, dzhomak'la* [Karachay-balkarian folklore. Nart tales, legends, short stories and fairy-tales]. Cherkessk: Karachay-Cherkessian department of the Stavropol publishing house, 1987. P. 4–11. (In Karachay-Balkarian)

TABAGUA S.A. *Obryady i obryadovyy fol'klor (sravnitel'no-istoricheskii aspekt)* [Rituals and ritual folklore (comparative historical aspect)]. Sukhum: ASU, 2012. 109 p. (In Russian)

URUSBIEVA F.A. *Izbrannye trudy: ocherki, esse, stat'i* [Selected works: essays, essays, articles]. Nalchik: Elbrus, 2001. 176 p. (In Russian)

Fonovideoteka Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Audiovisual library of the Institute for the humanities research of Kabardian-Balkarian scientific center]. (In Karachay-Balkarian)

Fol'klor karachaevtsev i balkartsev v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – serediny XX v. [Folklore of the karachays and balkarians in records and publications of the XIXth – mid-XXth centuries] / compilation, introduction and commentary by A.I. Alieva, T.M. Hadzhieva. Nalchik: Elbrus, 2016. 544 p. (In Russian)

HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachays. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. P. 522–584. (In Russian)

HADZHILANY T.M. *Malk"arlylany bla k"arachaylylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetic creativity of balkarians and karachays]. IN: *K"arachay-malk"ar fol'klor* [Karachay-balkarian folklore]: Readings. Nalchik: El-Fa, 1996. P. 6–37. (In Karachay-Balkarian)

HALILOV H.M. *Narody Dagestana* [Peoples of Dagestan]. IN: *Semeyno-obryadovaya poeziya narodov Severnogo Kavkaza* [Family-ritual poetry of the peoples of the North Caucasus]: Collection of articles / compiled by A.M. Adzhiev; editor-in-chief H.M. Halilov. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the USSR Academy of sciences, 1985. P. 28–68. (In Russian)

HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. Nalchik: Elbrus, 1981. P. 13–31. (In Russian)

Информация об авторе

Ж.М. Локьяева – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

Zh.M. Lokyaeva – Junior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья

УДК 398. 22

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-185-197

ЗАВЕЩАНИЕ ПОГИБАЮЩЕГО ГЕРОЯ В ГЕРОИКО-ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются варианты актуализации завещания погибавшего героя в фольклоре. На основе переживаний героя по поводу собственной смерти формируются различные формы морально-психологического состояния: от проявления сожаления и жалости к себе до смирения и принятия смерти и возникновения чувства гордости и удовлетворения. В целом, эти переживания связаны с мотивом смерти, переосмыслением жизни и осознанием ее ценности. Наше внимание было направлено к одной из этих форм – примирение со смертью и следующие из этого наказ или завещание. Это завещание является характерной формой прощания с родными. Ее нравственное содержание направлено на проявление заботы и переживания за родных. В фольклоре эти страдания идеализируются и выступают как художественное средство для выражения нравственной идеи и становятся как бы исходным продуктом морального и духовного состояния народа. Изучение нравственных концепций завещания в свете атрибуции народной идентичности может стать небольшим дополнением в представлении этнической культуры. В этом состоит актуальность исследования. В связи с этим, выявление индивидуальных особенностей завещания – главная цель работы. Для достижения поставленной цели мы намерены решить следующую задачу: исследовать варианты актуализации завещания погибавшего героя, как средства выражения художественной выразительности. Так как мы рассматриваем состояние героя перед смертью, целесообразно было взять за основу героико-лирический жанр, в котором хорошо интерпретированы героические качества и личностные душевные переживания героя. В качестве сравнительного материала привлекаются тексты фольклора разных народов. Для того, чтобы проследить трансформацию завещания рассматриваются также тексты народных песен адыгов времен Великой Отечественной войны и поэтические литературные произведения поэтов XX в.

Устанавливается, что завещание погибавшего героя становится художественным осмыслением морального и духовного состояния народа и преломляется через призму своей ментальности. Анализ проводится с использованием историко-типологического и культурологического подхода, а также метода обзора и обобщения.

Ключевые слова: фольклор, историко-героический эпос, героико-лирические песни, поэтические литературные произведения, смерть, состояние погибавшего героя, завещание, переживания и забота о близких родственниках, нравственная основа, национальная идентичность

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Завещание погибавшего героя в героико-лирических песнях // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 185–197. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-185-197

Original article

TESTAMENT OF A DYING HERO IN HEROIC-LYRICAL SONGS

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2025

Abstract. The article discusses the options for updating the testament of a dying hero in folklore. Based on the hero's feelings about his own death, various forms of moral and psychological state are formed. Our attention was directed to one of these forms – reconciliation with death and the following order or testament. This testament is a characteristic form of saying goodbye to relatives. Its moral content is aimed at showing concern and concern for relatives. Its moral content is aimed at showing concern and concern for relatives. The study of the moral concepts of the testament in the light of attribution of national identity can be a small addition to the representation of ethnic culture. This is the relevance of the study. In this regard, the identification of the individual characteristics of the will is the main purpose of the work. To achieve this goal, we intend to solve the following task: to explore options for updating the testament of a dying hero as a means of expressing artistic expression. Since we are considering the state of the hero before death, it was advisable to take as a basis the heroic-lyrical genre, in which the heroic qualities and personal emotional experiences of the hero are well interpreted. The texts of folklore of different nations are used as comparative material. In order to trace the transformation of the testament, the texts of the folk songs of the Adygs during the Great Patriotic War and the poetic literary works of the poets of the twentieth century are also considered.

It is established that the testament of the dying hero becomes an artistic interpretation of the moral and spiritual state of the people and is refracted through the prism of their mentality. The analysis is carried out using the structural-comparative and cultural method.

Keywords: folklore, heroic and lyrical songs, poetic literary works, death, the condition of a dying hero, testament, feelings and care for close relatives, moral foundation, national identity

For citation: Khagozheeva L.S. Testament of a dying hero in heroic-lyrical songs. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 185–197. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-185-197

Тема смерти занимала центральное место в мировом фольклоре с древних времен. Каждый народ стремился выразить глубину трагизма смерти, становясь тем самым одним из художественных идентификаторов ментальности. Так психологическое состояние героя перед смертью во многом определяет и характер героя, и народное мышление в целом. В народных песнях состояние героя перед смертью характеризуется демонстрацией высшей степени доблести и самообладания на смертном одре. Человек, идеальный герой не теряет своих нравственных качеств а, наоборот, последние моменты его жизни посвящены стремлению сохранить честь и достоинство. К основным аспектам состояния героя перед смертью, которые отражены в песнях, относятся философские размышления или обращение к спутникам или товарищам, (иногда своему коню) с просьбой выполнить его последнюю волю. Завещание, которое становится характерной формой прощания с родными, последним проявлением заботы о них, обычно формируется как монолог умирающего (или знающего о неминуемом конце), в котором отдаются последние распоряжения. Примечательно, что в разных вариантах одной песни и даже в песнях, бытующих у разных народов, содержание «наказов» и даже адресаты или совпадают, или довольно близки между собой по своей сути. Нравственный аспект такого рода завещания проявляется в сокрытии правды от

близких, которое вызвано любовью и сочувствием к ним, нежеланием принести им страдание своей смертью.

В эпосе многих народов присутствуют тексты подобных завещаний, и являются средством художественной выразительности для объективации нравственных ориентиров народа. Нравственный аспект завещания универсален для всех народов, а конкретные формы ее проявления указывают на идеальные черты истинного сына своего этноса.

История изучения феномена завещания в фольклористике начинается с древних мифологических представлений до современных научных исследований. Первые исследования были связаны с изучением эпических сказаний и мифов, где данный мотив часто вплетается в похоронные обряды и ритуальные действия. В классической фольклористике анализировались и систематизировались мотивы завещания в разных традициях, рассматривая их как часть общих ритуалов, связанных со смертью и переходом власти. Современные исследователи изучают завещание героя в контексте более широких вопросов, включая мифологию, ритуал, социальную структуру и символику смерти. И, тем не менее, данная тема не так часто становилась объектом изучения специалистов. Однако есть различные наблюдения отдельных авторов [Арьес, Книга завещаний..., Жугра, Казначеев], на которые мы опирались в своей работе. Данные исследования представляют общие философские идеи психологического отношения человека к смерти, раскрывают завещание как способ духовной передачи накопленных знаний уходящего поколения к приходящему, и представляют комплекс разных форм завещаний, функционирующих в основе фольклора разных народов.

Так, в одной из немногих работ на интересующую нас тему А.В. Жугра [Жугра: 440–455] анализирует варианты завещаний погибающего героя. Для нас представляет интерес песня «Смерть Омера», построенная на завещании умирающего героя, основанного на желании скрыть от родных свою смерть. Перед смертью Омер просит своего спутника-друга не говорить правду о своей смерти матери и невесте, которая носит его ребенка в утробе. В данном завещании отсутствует образ отца, так как он погиб до его рождения. В другом варианте песни «Смерть Омера, сына Муйо» [Жугра: 445] завещание направлено на стремление сохранить душевную связь с конем и проявление заботы к нему после своей смерти. Омер отдает наказ по применению особых форм ухода за его конем и просит похоронить его самого таким образом, чтобы его правая рука оставалась снаружи. Также он просит друга один раз в год приводить коня к его могиле, чтобы тот мог погладить его ногу, но сделать так, чтобы он не понял, что его хозяин там лежит. Как отметила А.В. Жугра [Жугра: 450], это завещание имеет параллель в албанских мифологических представлениях о замурованной молодой женщине: она перед гибелью просит оставить снаружи правую грудь и правую руку, чтобы и после смерти она имела возможность заботиться о своем ребенке. Таким образом, герой сохраняет тайну своей смерти и от своего коня, в чем проявляется его любовь и забота о нем. Известно, что в культурной традиции многих народов атрибуты богатыря представляют для него большое значение и выступают как его субститут. Так, например, в чувашской легенде, герой оставляет завещание похоронить его вместе со своими доспехами и конем, чтобы он не потерял часть себя и мог продолжить заботиться о своем народе [Чувашские легенды...]. Однако такую индивидуальную форму отражения заботы погибающего героя о своем коне в фольклоре можно считать проявлением идеала подлинного представителя этноса. Заслуживает внимания и то, что народное сознание вплетает в состав завещания высокую значимость оружия для богатыря. Так в своем предсмертном наказе, оружие, конь и снаряжение Муйо, отец Омера, оставляет своему сыну [Жугра: 445]. Этот символический акт указывает на продолжение богатырских качеств отца в сыне.

Представление о продолжении жизни в своем коне и его передача близкому человеку присутствует и в структуре казачьих народных песен. В одной песне конь героя выступает как адресант-исполнитель завещания:

Уж ты, конь, мой конь,
Друг-товарищ дорогой,
Да отвяжися, мой конь,

От березоньки сухой.
Дай бежи ж ты, мой конь,
Конь по дороженьке столбовой.

Да не давайся, да мой конь,
Неприятелю мому,
А ты да дайся тому,

Кто близко к сердцу мому,
Отцу, матери родной.
А жене-то моей

На словах Расскажи:
Хочет – замуж идет,
Хочет – вдовушкой живет. [Песни Терека...: 95–96].

Данное завещание соответствует традиционной форме прощания умирающего героя с родными: коня как продолжение его самого он оставляет своим родителям и становится бессмертным напоминанием о нем и утешением для родителей, а открытие правды о своей смерти жене – характерный для данного вида завещания знак освобождения ее от супружеских обязательств.

В казачьем фольклоре также функционирует завещание, в составе которого образ коня перестает фигурировать. К таким можно отнести песню более позднего происхождения «Черный ворон». Эта песня развивалась в солдатской, а затем, благодаря воинскому образу жизни, и в казачьей среде и приобрела истинно народные черты. Эта фольклорная переработка песни «Под ракитою зеленой...», которая в свою очередь являлась переработкой стихотворения «Раненный русский воин», написанной унтер-офицером Николаем Веревкиным в 1891 году. Примечательно, что и в песне «Под ракитою зеленой...»:

Отнеси-ка, черный ворон,
Отцу, матери поклон,
Отцу, матери поклон
И жененке молодой,
Ты скажи ей, черный ворон,
Что женился на другой,
На пулечке свинцовой.
Наша свашка – была шашка,
Штык булатный – был дружкой,
А венчался я на поле
Под ракиновым кустом. [Ермаленко: 29].

и в песне «Черный ворон» умирающий солдат обращается с просьбой к ворону:

Полети-ка, черный ворон, к отцу-матери родной.
Расскажи там, черный ворон, что за Родину я пал.

Отнеси платок кровавый милой девице моей,
Да скажи там на свободе, что женился на другой. [Григорьев 2015: 121–122].

В древней культуре для осознания смерти использовались образы, связанные с загробным миром. Употребление образа ворона, как символа смерти в казачьих песнях может быть отголоском такого явления. Возможно, связано это с тем, что гребенские казаки исторически были частью Терского казачьего войска и большую часть своего существования этот народ провел в войнах. В связи с этим, обращение в завещании к ворону вместо традиционной формы обращения к спутнику или товарищу, иногда к коню, можно интерпретировать как мотив одиночества воина и в отсутствии практической возможности присутствия друга в момент его смерти. В любом случае, замена адресата в структуре завещания является проявлением индивидуальных черт.

Также обращает на себя внимание завуалированное, непривычное для таких завещаний послание. Погибающий герой передает жене вест, что женился на другой: это метафорическое выражение, которое означает его гибель и указывает на дарение ей свободы. Можно также говорить и о скрытом третьем значении этого послания. Это желание героя рассказать ей о своей любви. Таким образом, художественное содержание послания в полной мере раскрывает суть личности казака-солдата, не привыкшего к открытому выражению своих чувств. В этом проявляется специфичная форма отражения народного мышления.

Ярким примером бытования завещания погибающего героя можно считать русскую народную песню «*Степь Моздокская*»:

Ах вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней.
А свезите вы, братцы, батюшке низкий поклон,
Низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Да челобитьице,
Малым детушкам мое благословеньице,
Благословеньице
Молодой моей жене полну волюшку,

Все свободушку. [Русские народные...] – о ямщике, замерзающем в холодной степи. Она наполнена безысходностью и обреченностью, и тем самым чувством одиночества и сожаления, осмыслением прожитой жизни. В такой атмосфере, предчувствуя смертный час, ямщик отдает наказ своим товарищам-спутникам, которое отражает полную картину морального состояния народа. Строки, где ямщик просит передать «низкий поклон батюшке и челобитьице (в Древней Руси: поклон до земли с прикосновением лбом к земле, т.е. глубочайшее почтение) родной матушке» иносказательно указывают на традиционное почтение к родителям и прощальное извинение за все провинности перед ними. Просьба же о не оставлении «вороных коней» в степи – знак преданности и моральной связи с конем, а не потребительского отношения к нему. Кроме того, конь в народном сознании славян, как и у многих народов, представлен как эго его обладателя, поэтому передачу его отцу можно считать неким продолжением жизни самого героя. Обращение к своим детям с благословением – это понимание ответственности перед ними, а дарение молодой супруге свободы – знаковый жест на право личного счастья.

Существует несколько вариантов этой народной песни, на базе которых, русским поэтом И.З. Суриковым было написано стихотворение «*Степь да степь кругом*»:

Ты, товарищ мой
Не попомни зла,
Здесь, в степи глухой
Схорони меня!

Ты лошадушек
Сведи к бабушке,
Передай поклон
Родной матушке.

А жене молодой
Ты скажи, друг мой,
Чтоб она меня
Не ждала домой.

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть она по мне
Не печалится,
С тем, кто сердцу мил,
Пусть венчается.

Про меня скажи,
Что в степи замерз,
А любовь ее
Я с собой унес. [Степь да степь...].

За долгое время оно подверглось сильным изменениям, но моральный контент остался неизменным. В стихотворении Ивана Сурикова сохранились ключевые элементы народного представления о нравственном поведении. Также сохранилась структура актуализации мотива. В ней отражены образы товарища, родителей и супруги. Однако стоит заметить, что в индивидуальном творчестве углубляется тема прощания с супругой. Передача обручального кольца – явный знак свободы для жены. Так же как это представлено в фольклорном тексте, здесь герой скрывает от родителей свою смерть, потому что переживает за них. А супруге он передает весть о своей гибели, для того чтобы та знала, что бессмысленно его ждать и стоит ей построить новую жизнь. Кроме того, это своеобразная забота о ней, чтобы она могла быть под защитой и попечительством другого мужчины. Именно с этой целью герой добавляет, что ее «любовь он унес с собой». Так он обрывает все связи и освобождает ее от себя для создания новой любви и покровительства сильного пола. В фольклоре и литературе многих народов, в том числе и в русской, степь представляется пустынным местом, где человек оказывается один на один с природой и с Создателем. Именно поэтому, как знак воссоединения со своим Богом в этой песне герой просит схоронить его в степи.

Позже М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Завещание» («Наедине с тобой, мой брат...»). раскрывает тему предсмертного наказа. Однако, по мнению С.И. Ермоленко, изучившего проблему творческой эволюции в контексте «Завещания» М.Ю. Лермонтова, какая-либо связь этого стихотворения с фольклорной традицией не очевидна, используется только сюжетная линия предсмертного наказа:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит! [Ермаленко: 30].

Ключевым в данном стихотворении считается отношение героя к соседке. Она составляет отличительную особенность и в структуре завещания. В традиционной структуре завещания акцентным является открытие правды о смерти только возлюбленной, с целью ее освобождения от обязательств. Здесь цель послания – снова пробудить в ней давнюю любовь. Послание также отражает психологический образ бывалого солдата, привыкшего к коллективному идейному мышлению. Именно поэтому в состав завещания вносится обращение к родному краю. Однако, опять, именно это обращение к возлюбленной вносит в моральную основу завещания личностные черты.

Теперь рассмотрим формы функционирования завещания в фольклоре адыгов. Ярким примером может послужить историческая песня о молодом наезднике Масроко (Мысырокъуз). По сюжету песни герой в довольно юном возрасте совершает со своими товарищами первый набег на соседний нагайский аул. По пути домой с добычей, их настигает погоня. Преследователь пускает стрелу в наездника, ведущего впереди табун кобылиц. Впоследствии оказывается, что жертва молочный брат убийцы. Когда тот узнает в нем брата, между жертвой и убийцей завязывается диалог, в котором умирающий герой дает ему такой наказ:

Дядэ-дянэр кызыэуицІым,
 Даурэ-даурэ жысІыну?
 Дядэ-дянэр кызыэуицІым,
 СыуІэгъэфІыу сажелэ.
 Ди шыхъу цІыкІухэр кызыэуицІым,
 Даурэ-даурэ жысІыну?
 Ди шыхъу цІыкІухэр кызыэуицІым,
 СыуІэгъейуэ сажелэ.
 ШуІэгъэфІыр кыдыэуицІым,
 Даурэ-даурэ жысІыну?
 ШуІэгъэфІыр кызыэуицІым,
 СыцымыІыжыуэ сыжефІэ
 [Фольклор адыгов...: 103]

Мать с отцом если спросят,
 Что и как я скажу?
 Мать с отцом тебя если спросят,
 Скажи, что немного ранен.
 Наши сестры если спросят,
 Что и как я скажу?
 Мои сестры тебя если спросят,
 Скажи, что тяжело ранен.
 Твоя любимая если спросит
 Что и как я скажу?
 Если любимая тебя спросит
 Скажи ей, что меня уже нет
 <в живых> (перевод наш).

Как видим, в адыгском фольклоре сохраняются основные элементы структуры универсального завещания. Как и у других народов, адыгская традиция актуализирует правило проявлять заботу к своим родителям, оберегать их от тяжелой вести, скрывая от них свою гибель. А возлюбленной герой песни передает весть о своей смерти, тем самым освобождая ее от обязанностей и привязанности. Однако представляет интерес форма ее подачи. Важно, что в послании героя проявлена философия рыцарства, на которое было ориентировано феодальное адыгское общество. Погибающий герой переживает за своих родных и пытается скрыть от них свою смерть. Врожденное этическое чувство гордости не позволяет ему смириться с тем, что он погибает в результате увечья, полученного от руки противника. Стоит отметить, что эта информация передается также в манере, свойственной нормам народной этики. Непременно для родителей даже незначительная рана сына может стать душевной травмой. Учитывая это, герой просит передать им весть, что с ним произошло нечто незначительное, понимая, что весть о более значительном, погубит их. А сестрам он отправляет послание о тяжелой ране. Связано это с тем, что связь брата и сестры уникальная. Они всегда делятся самым сокровенным и всегда первыми приходят на помощь друг другу. Конечно же, весть о тяжелой ране брата станет большим испытанием для сестры, но здесь учитывается их чистая связь без обмана и поэтому сестрам герой передает весть близкую к истине. Но, так как герой заботится о чувствах своих сестер, он передает им все-таки не всю правду. Таким образом, обращает на себя внимание и характер взаимоотношений брата и сестры в этнической культуре адыгов. Эта особенность широко представлена в историко-героическом эпосе. В этом состоит особенность актуализации завещания погибающего героя в адыгском фольклоре.

Данный мотив прослеживается и в песне о Хатхе Кочасе (Хъэтхым и КъуэжІасэ). По преданию песни Кочаса был прославленным героем. Князья стали его противниками за его свободный нрав и непочтительное отношение к ним. Впоследствии он стал непримиримым врагом князя Дао. Кочаса был охотником и часто уходил в лес. Однажды князь выехал за ним вслед, чтобы свести с ним счеты. Предвидя смертный час, герой оставляет завещание своим спутникам:

Тянэр кышыоупчІымэ,
 (ар) мэлы отэры гуцэри
 кыфэфы, ешъуІо!
 Тятэр кышыоупчІымэ,
 (а) шыбзы отэры гуцэри
 кыфэфы ешъуІо!
 Чыхъухэр кышыоупчІымэ,
 дарием и хъуцэ гуцэри
 кыфехъы яшъуІо!

Наша мать если вас спросит,
 (ар) овец отару (гуща)
 тебе он гонит, – скажите!
 Наш отец если вас спросит,
 (а) кобылиц табуны
 (гуща) тебе он гонит, – скажите!
 Сестра если вас спросит,
 парчи много (гуща) тебе
 он везет, – скажите!

*Шыжъыхэр кышьоупчIымэ,
тхъамы и сэламы гуцэри
сфяшьуIожьа!
КIалэхэр кышьоупчIымэ,
(ар) Техъоныжъые гуцэми
шъуегугъу яшьуIо!
Аталыкъэр кышьоупчIымэ,
къолэ-цунды уапIэ гуцэми
екIуалIэ ешьуIо!
[НППИНА III-1. 1986: 150].*

Старики если вас спросят,
божий привет (гуща) им
от меня передайте!
Мальчики если вас спросят,
(ар) на Тахонажий
(топоним) (гуща) спешите, –
скажите!
Аталык (воспитатель) если вас
спросит,
воронье где кружит
(гущэ), туда езжай, – скажите!
[НППИНА III-1. 1986: 153].

Стоит заметить, что в адыгском фольклоре включение в формулу завещания образа супруги не всегда обязательно, в то время как образ родителей, сестры, иногда детей остается обязательным. Возможно, связано это с тем, что адыгскому менталитету, основанному на глубоком чувстве скромности свойственно было скрывать свои чувства ко второй половине, что породило определенные правила взаимоотношения супругов. Но, так как адыгское сознание всегда ставит на первое место честь и славу, в данную формулу вплелись понятия, отражающие нравственное понимание чести и правил адыгского кодекса *хабза*. Важно отметить, что этот факт является ничем иным как одной из форм проявления национальной идентичности. В данном тексте они выражены почтительным отношением к старшим («Старики если вас спросят, божий привет (гуща) им от меня передайте!») и культурой взаимоотношения аталыка и воспитанника, который предполагает регламентированные правила поведения, основанные на традиционных моральных ценностях. Поэтому эта связь порождает не только почтительное отношение к воспитателю, но глубокое духовное родство с человеком, заменяющим герою отца. В адыгском обществе не было принято близкое сердечное общение между сыном и отцом. Но согласно институту аталычества, такие теплые взаимоотношения возможны были между воспитателем и воспитанником. И так как отец все же морально выносливее и ближе по духу к сыну, весть о смерти сына, согласно художественной трактовке должен узнать именно он. Но, так как его функцию выполняет аталык, герой дает наказ передать правду только ему («Аталык если вас спросит, воронье где кружит (гущэ), туда езжай, – скажите!»).

Завещание погибающего героя в адыгском фольклоре получило новую интерпретацию и в фольклоре времен Отечественной войны. Так, трагизм и глубина переживаний погибающего солдата в данном случае передается картинками жестокой гибели солдата или тяжелой доли семьи, которая потеряла его. В первом случае, нравственная концепция может быть достигнута путем объективации чувств и эмоций самого героя, погибающего на войне и не имеющего возможности быть похороненным достойным образом на родном кладбище. Этот мотив раскрывается посредством сопоставления мирной жизни и последствий войны. В нашем случае представляет интерес художественная форма передачи переживаний солдата, который в своих предсмертных сентенциях прощается с родными и близкими. Здесь, как и в эпосе, внимание лирического героя обращено на родителей, сестру, иногда брата, детей и супруги или возлюбленной. Однако, стоит заметить, что функционирующая в эпосе формула в песнях времен Отечественной войны приобретает специфичную форму изложения. Язык народных песен времен ВОВ максимально упрощен и лишен всяких историзмов и фразеологизмов. Они даются простым, понятным слушателю своего времени языком, который в полной мере отражает мировоззрение и нравственные ценности народа. Это не означает, что песни данного периода лишены духовно-эстетических качеств – просто здесь моральный концепт достигается через простую передачу акцентных точек, создавая новые художественные образы.

Кроме того, в данное завещание вплетена тема одиночества и гибели вдали от родного дома без возможности быть похороненным согласно традиционным погребальным обрядам. За счет этого мотив страданий проявляется рельефнее, проявляются непривычные для прежней культуры нотки жалости к себе, а основа завещания – забота о чувствах родных ослабевает. Первая часть сообщения в песне передает переживания за родных, а вторая – уже акцентирует тяжелую долю погибающего солдата. В этом проявляются отличительные особенности мотива в фольклоре времен Отечественной войны. Таким образом, в песне ВОВ, как и в эпосе, сохраняется структура завещания – герой обращается к родителям, сестре (здесь и к брату), супруге (здесь и к своему ребенку). Это обращение пронизано заботой о душевном состоянии родных, однако здесь уже присутствуют также эгоистичные желания, чтобы все прознали о его тяжелой доле и пожалели его. Также передается пожелание, чтобы о нем никогда не забывали.

Для примера приведем текст песни «Зауэм хэжлүэдам и гыбзэ» – «Плач по погибшему на войне»:

*Си анэкхильхуу Хьэжмуратым
Удын бзаджэр бийм ибодз,
Сыздэщылгыр уэ кьэпцIатэм,
Щыгуль кьабзэ кьыстебдзэнт.*

Родной мой брат Хажмурат
Наносит грозные удары врагу.
Если бы ты знал, где я лежу
Чистой землей меня засыпал бы.

*Си шыпхьу закьуэу КIулэ дахэ,
Си кIуэдыкIэр уигу игьэлъ,
Ди кьуажэкхэм сыцIэльатэм,
Си сын джафэм Iэ дэплээнт.*

Моя единственная сестра Куля,
Не забудь про мою ты гибель.
Если бы я лежал на нашем кладбище,
Мой надгробный камень гладкий
ты бы гладила.

*Си анэжбурэ си гу махэ,
Си кIуэдыкIэм зомыгэхъ;
Уэ сыбгьейуэрэ уи гур бгьэтIкIукIэ
Сыт си Iуэху мыгьуэм хэхьуэжын?*

Моя бедная мать сердобольная,
Пусть моя смерть для тебя
не станет ударом.
Оплакивая меня если твое
сердце иссохнет,
Разве мне это в чем-то поможет?

*Си цхьэгьусэу си ФатIимэ,
Сэ уэ фьыцэу услэгьуат,
Льагьуныгьэри кIэм нэмысурэ
Си гур мафIэм ныхисхьащ.*

Моя супруга, моя Фатима,
Я тебя очень любил.
Хотя любовь к тебе не закончилась,
Зато сердце сгорело в огне.

*Си цхьэгьусэу си ФатIимэ,
УдэмыкIуэу ущымыс,
ДэнкIэ укIуэми си Алешэр
Си фэеплурэ кьыздешэкI.*

Моя супруга, моя Фатима,
Выходи замуж, не вдовствуй.
За кого бы ты не вышла, мой Алеша
Пусть как память обо мне с тобой будет.

*Си Алешэурэ си бын закьуэ,
Уи гуауэишхуэр уигу игьэлъ,
Уи льэр быдэу укьэтэджмэ,
Сигу мамыру сыщылгыныц
[Фольклор Советсой...: 100–101].*

Мой Алеша, единственный сын,
Помни о своем большом горе.
Если крепко ты встанешь на ноги,
То и мне будет спокойнее лежать
(перевод наш).

Обращает на себя внимание и то, что моральные устои нового времени, в котором проявляется более открытое выражение чувств позволили более откровенно рассказать о чувствах к супруге и вплести в ткань песни образ сына солдата. Герой песни достаточно открыто объясняется в любви к своей супруге и нежно обращается к сыну, что в корне противоречит этическим установлениям предыдущего исторического времени.

Интересно то, что в индивидуальном творчестве моральная основа завещания максимально сохраняется. Так, в стихотворении адыгского поэта и писателя А.П. Кешокова практически сохраняется традиционная схема, и даже некоторые формулы. Однако здесь герой не освобождает любимую, а, напротив, завещает, чтобы она о нем никогда не забывала:

*Сянэр къысщӀгӀэуицӀэм,
Къӕзгъӕзӕжу жыӀӀэ.
Сядэр къоуицӀамэ,
Пӕжыр умыбзыцӀӀ.
Сэ уанӕгу сыкъыхуу
Губгъуэм сыкъинами,
Си хъыбарыр жепӀгӀурӕ
Дахэм игу сигъӕль [Кешоков: 176].*

Если спросит обо мне мать,
Скажи ей, что возвращаюсь я.
Если спросит тебя отец,
Не скрывай ты правду от него.
Если вдруг упав с коня,
Останусь в поле я,
Рассказывая ей обо мне,
Любимой обо мне напоминай
(перевод наш).

Итак, категория смерти является понятием, которая стала стержневой и для народного, и для индивидуального творчества. В основе этого понятия лежат религиозные и нравственные аспекты, которые предполагают принятие смерти как исполнение божьей воли и перехода к вечной жизни, подчеркивается знаком смирения, и исполнение морального долга чести. Поэтому в поэтических образах чувств и переживаний погибающего героя лежат жалобы по поводу собственной гибели и забота и переживание за близких, а не сетование. Эта забота находит воплощение в завещании погибающего героя. Такое завещание является характерной формой прощания с родными, проявления последней заботы к ним.

Содержание завещаний у разных народов совпадают или близки между собой. Главным составляющим в структуре должно стать почтительно-заботливое отношение к близким родственникам. Она представлена схемой передачи послания родителям, сестре (брату), детям и супруге (возлюбленной), (иногда присутствуют наказания по отношению обращения с его конем, оружием и снаряжениями). Художественное содержание послания состоит в сокрытии правды о своей смерти от родных, а нравственное – в проявлении заботы и любви. Ключевым в структуре послания является открытие правды о своей смерти супруге (возлюбленной). Это знаковое дарение ей свободы, в чем проявляется любовь и забота к ней.

Каждый народ осмысливает моральные основы этого завещания в рамках своей ментальности. Индивидуальная форма его отражения – это проявление этнического идеала. Так, внесение в сюжет завещания моральных основ адыгского кодекса чести это тоже проявление народной идентичности.

Таким образом, анализируемая форма завещания находит воплощение в фольклоре разных народов, в том числе и адыгского и интерпретируется в художественной прозе.

Список источников и литературы

Арьес 1992 – *Арьес Филлип*. Человек перед лицом смерти / Перевод Ронина В.К.; Общ. ред. Оболенский С.В.; Предисл. Гуревича А.Я. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 526 с.

Григорьев 2018 – *Григорьев А.Ф.* Символика смерти в песенном фольклоре гребенских казаков // *Kant. Философские науки*. № 1 (26). Март. 2018. С. 119–123.

Григорьев 2015 – *Григорьев А.Ф.* Песни терских казаков. Ставрополь: Ставролит, 2015. Вып. 1. Станица Калиновская. 64 с.

Ермоленко 2014 – *Ермоленко С.И.* «Завещания» М.Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. Т. 16. № 4 (133). 2014. С. 27–39.

Жугра 2023 – *Жугра А.В.* Что завещают герои албанского эпоса? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 27 (2023). С. 440–455. DOI: 10.30842/ielcp230690152731.

Казначеев 2017 – *Казначеев С.М.* Жанр завещания в русской и зарубежной литературе // Вестник института мировых цивилизаций. Т. 8. № 4 (17). 2017. С. 56–61.

Кышчокъуэ 2004 – *Кышчокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус. 2004. 512 с. [Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Налчык: Эльбрус. 2004. 512 с.] (На адыг.)

Книга... 2012 – *Книга завещаний:* Французские поэтические прощания XIII–XV веков / Перевод с франц. Я. Старцева и Г. Зельдовича. М.: Водолей, 2012. 236 с.

НПШИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

Песни... 1974 – *Песни Терека.* Песни гребенских и сунженских казаков / Публикация текстов, вступит. ст. и примеч. Ю.Г. Агаджанова; Отв. ред. Б.Н. Путилов. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1974. 237 с. [Электронный ресурс] URL: <https://share.google/48h7ULoeIfRbw6aU> (Дата обращения: 15.09.2025).

Русские народные лирические песни / сост. Н.М. Лопатин, В.П. Прокунин. М.: [Типография А.М. Мамонтова и Ко], 1889. Ч. 1. 268 с. Ч. 2 427 с. [Электронный ресурс] URL: <https://share.google/fncLOsM3VjI5AW0uW> (Дата обращения: 15.09.2025).

Степь... 2025 – *Степь да степь кругом* [Электронный ресурс] URL: <http://share.google/3UyUXYs36MoRP2oS1> (Дата обращения: 15.09.2025).

Тыркуем... 2004 – *Тыркуем ис адыгэхэр:* Юрыуатэр / Зэхэзгъуэцу, тедзэным фэзгъэхъазыр Унэрэкъо Р. Мыекъуапэ: Адыгеир. 2004. 580 с. [Фольклор адыгов Турции / Сост. Р.Б. Унарокова. Майкоп: Адыгея, 2004, 580 с.] (На адыг.)

Советскэ Къэбэрдейм... 1957 – *Советскэ Къэбэрдейм и Гуэрыуатэ.* Налшык: Къэбэрдей-Балькъэр тхылъ тедзапэ. 1957. 144 с. [Фольклор Советской Кабарды. Налчык: Кабардино-Балкарское кн. изд-во. 1957. 144 с.] (На адыг.)

Чувашские легенды... 1979 – *Чувашские легенды и сказки* // Сост. Е.С. Сидоров; Пер. Семена Шурдакова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. 221 с. [Электронный ресурс] URL: <https://share.google/i4EVkCuAZIYenFdR5> (Дата обращения: 15.09.2025).

References

ARJES, PHILLIP. *Chelovek pered litsom smerti* [The Man in the face of death]. Translated by V.K. Ronin; General ed. Obolensky S.V.; Preface. Gurevich A.Ya. M.: Progress: Progress Academy, 1992. 526 p. (In Russian)

GRIGORIEV A.F. *Simvolika smerti v pesennom folklore grebenskikh kazakov* [The symbolism of death in the song folklore of the Grebensky Cossacks]. Kant. Philosophical sciences. № 1 (26). March, 2018. Pp. 119–123 (In Russian)

ERMOLLENKO S.I. «Zaveshchaniya» M.Yu. Lermontova: k probleme tvorcheskoi evolyutsii [«Testaments» by M.Y. Lermontov: on the problem of creative evolution // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Series 2. Humanities. Vol. 16. No. 4 (133). 2014. Pp. 27–39 (In Russian)

ZHUGRA A.V. *Chto zaveshchayut geroi albanskogo eposa* [What do the heroes of the Albanian epic bequeath?] Indo-European linguistics and Classical Philology. 27 (2023). Pp. 440–455. DOI: 10.30842/ielcp230690152731 (In Russian)

KAZNACHEEV S.M. *The genre of testament in Russian and foreign literature* // Bulletin of the Institute of World Civilizations. Tom 8. № 4 (17). 2017. Pp. 56–61 (In Russian)

KYSHOKUE A. *Sobranie sochinenii:* V 6-ti tomakh. Т. 1. Stikhotvoreniya i poemi [Thygeher tomihym shyzehuehesaue. Vol. 1] Usehemre poemehemre. Nalshyk: Elbrus, 2004. 512 p. [Keshokov A.P. Collected works: In 6 volumes. Vol. 1. Poems and poems. Nalchik: Elbrus, 2004. 512 p.] (In Adyghe)

Kniga zaveshchaniy: Frantsuzskie poeticheskie proshchaniya XIII–XV vekov [The Book of wills: French poetic farewells of the XIII–XV centuries]. Translated from the French by Ya. Startsev and G. Zeldovich. Moscow: Aquarius, 2012. 236 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigrishi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / Compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 1. Moscow: Soviet composer. 1986. 264 p. (In Adyghe and in Russian).

Pesni Tereka. Pesni grebenskikh i sunzhenskikh kazakov [Songs of Terek. Songs of the Grebensky and Sunzhensky Cossacks]. Publication of texts, intro. art. and notes by Yu.G. Agadzhanov; Ed. by B.N. Putilov. Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House, 1974. 237 p. [Electronic resource] URL: <https://share.google/48h7ULoeIfRbw6aU> (Date of request: 09.15.2025) (In Russian)

Russkie narodnie liricheskie pesni [Russian folk lyrical songs]. Comp. N.M. Lopatin, V.P. Prokunin. Moscow: [Printing house of A.M. Mamontov and Co.], 1889. Part 1. 268 p. Part 2. 427 p. [Electronic resource] URL: <https://share.google/fncLOsM3VjI5AW0uW> (Date of request: 09.15.2025) (In Russian)

Step da step krugom [Steppe and steppe all around] [Electronic resource] URL: <http://share.google/3UyUXYs36MoRP2oS1> (Date of reference: 09.15.2025) (In Russian)

Folklor adigov Turtsii [Folklore of the Adygs of Turkey]. Comp. R.B. Unarokova. Maikop: Adygea, 2004, 580 p. (In Adyghe)

Folklor Sovetskoj Kabardi [The Soviet Kaberdame and Iueriuate]. Nalshyk: Kaberdey-Balker thyl tedzaple. 1957. 144 p. [Folklore of Soviet Kabarda. Nalchik: Kabardino-Balkarian Publishing House. 1957. 144 p.] (In Adyghe)

Chuvashskie legendy i skazki [Chuvash legends and fairy tales] Comp. E.S. Sidorov; Translated by Semyon Shurdakov. Cheboksary: Chuvash. publishing house, 1979. 221 p. [Electronic resource] URL: <https://share.google/i4EVkCuAZIYenFdR5> (Date of access: 09.15.2025) (In Russian).

Информация об авторе

Л.С. Хагожеева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, ее адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта[✉].

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:
Иван Иванович Иванов^{1, 2}, **Петр Петрович Петров**²

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, **П.П. Петров**², **В.В. Васильева**³, **Ф.Ф. Федоров**⁴

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: **Иван Иванович Иванов**, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «*Аннотация.*» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «*Ключевые слова:*» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки, список источников и литературы

В список источников и литературы включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого

автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, с к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников и литературы приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников и литературы

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А. Хъуэпсгъуэ нур.* Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Нальчик: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (согласно стандарту BSI). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем систему кодировки BSI).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenij v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoj Respubliki (prinjata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
17,8

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 308

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушхова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*